

ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

КУЛЬТУРА

НАУКА

ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

основан 1 декабря 2006 года

выходит 4 раза в год

№ 3 (48) 2018

Иркутск

КУЛЬТУРА. НАУКА. ОБРАЗОВАНИЕ

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Иркутский государственный университет путей сообщения»

Главный редактор журнала: ректор ИрГУПС, д-р техн. наук, проф. *С. К. Каргапольцев*

Заместитель главного редактора: канд. ист. наук, доц. *В. В. Третьяков*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д-р ист. наук, проф. *Ч. Г. Андреев* (Улан-Удэ); д-р филос. наук, проф. *А. А. Атанов* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *А. В. Гайдакин* (Омск); д-р ист. наук, проф. *А. В. Дулов* (Иркутск); к. филол. наук, доцент *О. Н. Касаткина* (Иркутск); д-р филос. наук, проф. *В. Е. Осипов* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *Ю. А. Петрушин* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *Н. С. Рубцов* (Красноярск); д-р филос. наук, доц. *Е. Н. Струк* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *В. Г. Третьяков* (Иркутск); д-р ист. наук, проф. *Г. А. Цыкунов* (Иркутск); к. юр. наук, доцент *А. А. Тюкавкин-Плотников* (Иркутск); к. мед. наук, доцент *В. А. Чичкалюк* (Иркутск); д-р геогр. наук, проф. *А. Я. Якобсон* (Иркутск).

Ответственный секретарь – *Н. В. Никифорова*

Ответственный за выпуск:

канд. ист. наук, доцент *В. В. Третьяков*

Адрес редакции:

664074, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения»
Кафедра философии и социально-гуманитарных наук
Тел.: (3952) 63-83-11 (01-47)
E-mail: tretvv@yandex.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:

ПИ № ФС77 – 68123 от 21 декабря 2016 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Журнал включен в систему РИНЦ

Выходит 4 раза в год
Издается с 2006 года

№ 3 (48)
2018

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Осипов В. Е. (Иркутск)
Как возможна система категорий диалектики? 7

Поляков Д. Б. (Чита)
Общество без государства: к дискуссии об анархистской антропологии 20

ИСТОРИЯ

Гайдамакин А. В. (Омск)
Драма эвакуации министерства путей сообщения правительства А. В. Колчака из Омска в Иркутск 28

Третьяков В. Г. (Иркутск)
Первая узкоколейная дорога в Монголии (к 80-летию сдачи в эксплуатацию) 35

Томилова Т. П. (Иркутск)
Из истории Сибирского торгового банка 43

Курасова А. А. (Екатеринбург)
«На поле танки прохотали...»: из истории танкостроения (окончание следует) 51

Третьяков В. В. (Иркутск)
К вопросу о становлении концепции исторического процесса П. Н. Милюкова 69

КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Кашаев А. Е. (Иркутск)
Клиповое мышление: проблемы и оценки 78

Анардович С. С. (Иркутск)
Историко-философские аспекты экологии 89

ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

Зайковская А. А., Либенсон И. Р. (Иркутск)
Социальные потребности, управление и прогресс общества 103

Шуржовецкий Г. Н. (<i>Иркутск</i>)	
Проблема планового устаревания в современной экономике	123

ПСИХОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ

Зауторова Э. В. (<i>Москва</i>)	
Социально-психологическая характеристика суицидального поведения осужденных в местах лишения свободы	132

Литвишков В. М. (<i>Москва</i>)	
Воспитывающий коллектив несовершеннолетних осужденных	136

Вилкова А. В. (<i>Москва</i>)	
Личность в исправительном учреждении	149

Требования к оформлению представляемых в редакцию материалов	157
---	-----

	CONTENTS
№ 3 (48) 2018	PHILOSOPHY
	Osipov V. E. (Irkutsk) How the system of dialectics is possible? 7 Polyakov D. B. (CHita) Society without state: to discussion of anarchist anthropology..... 20
	HISTORY
	Gaydamakin A. V. (Omsk) The drama of Kolchak's railways ministry evacuation from Omsk to Irkutsk..... 28 Tretyakov V. G. (Irkutsk) The first narrow-gage road in Mongolia (to the 80 anniversary of commissioning) 35 Tomilova T. P. (Irkutsk) From the history of the Siberian Trade Bank..... 43 Kurasova A. A. (Ekaterinburg) «On the field, the tanks rumbled...»: the history of tank construction (to be concluded) 51 Tretyakov V. V. (Irkutsk) To the question of formation of the concept historical process of P. N. Milyukov..... 69
	CULTURAL SCIENCE AND LINGUISTICS
	Kaschaev A. E. (Irkutsk) Clips in intellection: problems and assessments..... 78 Anardovich S. S. (Irkutsk) Historical and philosophical aspects of ecology..... 89
	LAW AND MANAGEMENT
	Zaikovskaya A. A., Libenson I. R. (Irkutsk) Social needs, management and progress of the society..... 103 Shurhovetckii G. (Irkutsk) The problem of planned obsolescence in the modern economy..... 123

*PSYCHOLOGY. THEORY AND PRACTICE
OF EDUCATION*

Zautorova E. V. (<i>Moscow</i>) Socio-psychological characteristics of suicidal behaviour in prisoners in places of deprivation of liberty	132
Litvishkov V. M. (<i>Moscow</i>) Raising a team of juvenile offenders	136
Vilkova A. V. (<i>Moscow</i>) A person in a correctional facility	149
Information for authors	157

ФИЛОСОФИЯ

УДК 122/129

В. Е. Осипов*

КАК ВОЗМОЖНА СИСТЕМА КАТЕГОРИЙ ДИАЛЕКТИКИ?

В статье даны определения понятий «философия», «диалектика», «базовая модель теории», на основе которых рассмотрены возможности и принципы построения системы категорий диалектики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия; диалектика; система; базовая модель теории; объект и субъект познания.

V. E. Osipov

HOW THE SYSTEM OF DIALECTICS IS POSSIBLE?

In article definitions of the concepts “philosophy”, “dialectics”, “basic model of the theory” on the basis of which the possibilities and the principles of creation of system of categories of dialectics are considered are given.

KEYWORDS: philosophy; dialectics; system; basic model of the theory; object and subject of knowledge.

*Философия – это неиссякаемый источник мудрости
величественная гармония мыслящего разума
и постоянно возбуждающей его смятенной души.*

Основное предназначение философии состоит не в том, чтобы дать сумму знаний об окружающем нас мире, но в том, чтобы раскрепостить творческое мышление, изначально присущее каждому человеку.

Философия сочетает в себе существенные черты многих наук и искусств. Подобно математике, она «ум в порядок приводит» (М. В. Ломоносов), учит нас мыслить логично и доказательно. В творческом союзе с естественными науками она формирует современную картину мира и влияет на наше мировоззрение, адекватное и системное, мира природы, мира самого человека во всем их многообразии и противоречивой сущности. Но философия – это прежде всего искусство, необходимый элемент духовной культуры челове-

* **Осипов Василий Евдокимович**, доктор философских наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения.

ка, отражение его чувств и идеалов, стремлений и страданий, которые присущи только человеку и возвышают его над всем миром живой и неживой природы. Философия – это прежде всего состояние души человека, постоянно неудовлетворенной, мыслящей и неспокойной.

Подобно искусству в целом, и особенно поэзии, в философских суждениях отражены не только непосредственное видение мира, но нечто более глубокое, таинственное и всезначимое для человека, что позволяет нам говорить о философии как о величественной мудрости постижения сущности бытия во всем многообразии его форм и проявлений. Философия – это всеобщая форма выражения противоречивой сущности бытия, представленного в единстве и многообразии его сторон, форм проявления и состояний. Это целостное, системное выражение сущности бытия, сущности человека как *Homo humanus*.

Великим достижением мудрости человека является диалектика, в которой весь мир представлен в его многообразии и единстве, в постоянном становлении и развитии. Вообще вся философия и диалектика по своей сути системны; это есть неотъемлемая черта всякого теоретического мышления. Но в отличие от конкретно-научного теоретического знания, которое для своего обоснования нуждается в метатеоретических принципах и умозаключениях, философия рефлексивна и самодостаточна; в своем развитии она является одновременно и теорией и познающей себя метатеорией.

Теория только тогда достигает своего совершенства и логической завершенности, когда ее понятия, законы и принципы, вытекающие из них выводы, не противоречат, но дополняют друг друга, образуя, тем самым, некий целостный организм как систему. Этим непреложным требованиям методологии науки должна удовлетворять и философия, ее диалектический метод, если они претендуют на статус научной теории и всеобщей методологии научного познания.

Системность – неотъемлемая черта всякого теоретического исследования, в том числе и философского. Системы категорий Аристотеля, И. Канта и Г. Гегеля вошли в золотой фонд философской мысли и послужили базисными моделями многих последующих направлений, впитавших в себя достижения всей человеческой мысли.

В современных условиях необходимость специального исследования понятия системы категорий диалектики обусловлена рядом причин, среди которых выделим следующие:

– высокий уровень развития самой философии и возникающая в этой связи имманентная потребность в анализе своих исходных понятий и принципов;

– высокий уровень развития науки в целом, ее естественное стремление глубже познать свои законы и фундаментальные понятия, сущность самого процесса познания;

– усиление процессов интеграции современного научного познания, его теоретизация и диалектизация, которые связаны с повышенным интересом ученых к вопросам философии науки, к стремлению познать общие закономерности ее развития, этические и общезначимые проблемы, связанные с современными судьбоносными для человечества открытиями и их непосредственным внедрением в технику.

Целью настоящей статьи не является построение развернутой системы диалектики, но выявление методологических основ для возможного решения данной задачи, которая нуждается в специальном и многоплановом исследовании.

Основы диалектико-материалистического подхода к анализу системы категорий философии были заложены в подготовительных работах Ф. Энгельса [1] и В. И. Ленина [2]. Но интенсивное исследование данной проблемы началось в 60–80-е гг., когда в нашей стране наметился явный всплеск творческой теоретической мысли, одним из условий которого было осуществление конструктивного союза философии с современным естествознанием. Среди многочисленных публикаций начального этапа этого периода следует особо отметить монографии А. П. Шептулина по законам и категориям диалектики [3; 4], в которых собраны и систематизированы взгляды на данную проблему основоположников диалектической мысли. Но сейчас можно заметить и ограниченность работ данного начального периода: в них еще недостаточно обобщен опыт мировой философской мысли, а сами законы и категории диалектики в качестве логического следствия ее определения, просто постулируются как некая данность и всеобщность, которая непосредственно проявляет себя в природе, общественной жизни и в познании. Да и сама диалектика еще не выражена здесь во всем многообразии форм ее проявления, но рассматривается лишь в одном ее определении как единственно возможная и истинная.

Особенностью последующего этапа данного периода в развитии философии было то, что в это время были проведены многочисленные и плодотворные исследования в области теоретического осмысления фундаментальных проблем науки, были выделены в отдельную группу категорий общенаучные понятия и принципы, соответствующие им средства познания [5–8].

В общетеоретическом мышлении союз философии и конкретно-научного знания стал представляться более естественным и органич-

ным. Была выработана структура философских категорий, которая включила в себя типы и уровни.

Уровни: конкретно-научный, общенаучный, общеполитический (всеобщий).

Типы (или формы): категории бытия (материя, сознание), формы бытия материи (движение, пространство, время), собственно философские категории, выражающие наиболее общие связи и отношения в природе, общественной жизни и в познании. Данная схема используется и в настоящее время, но с серьезными уточнениями.

Философия не является только всеобщей и универсальной формой теоретического мышления, она обнаруживает в себе признаки самодостаточности и дисциплинарности, поэтому не может считаться всеобъемлющей теорией. Она всего лишь философия, имеет свой предмет познания, несводимый и несоизмеримый в полной мере с другими теориями.

Категории бытия очень широкие по объему и многофакторны по содержанию, т.е. не ограничиваются только понятием материи и сознания. Категории движения, пространства и времени – это и есть категории, выражающие наиболее общие связи и отношения в природе, обществе и в познании, суть проявление бытия как такового. Таким образом, возникает вопрос о целесообразности данной классификации, вопрос о возможной смене методологических оснований и парадигм в исследовании философских категорий как системы общетеоретического мышления. А в принципе возможно ли такое построение системы философских и научных категорий, которое не подвергалось бы сомнению и критическому анализу?

Наиболее конструктивным и новаторским в рассмотренной выше схеме классификации категорий является выделение особого класса понятий, получивших название и статус общенаучных. Например, это понятия информации, симметрии, вероятности, определенности и неопределенности и др. Они действительно широко применяются во многих науках и играют там существенную роль, что дает нам некоторые основания считать их философскими категориями. Но такой вывод также не является бесспорным, а безмерное и чисто механическое увеличение числа категорий философии вносит в нее дополнительный хаос и неопределенность, которыми она итак наделена изначально своей спецификой и предметом познания.

Общенаучные категории и подходы не являются таковыми в полном значении этого понятия, но проявляют себя, скорее всего, как особенное, выражающее собой сущность процессов и предметы ряда специфических наук; в данных понятиях доминирующую роль играют со-

держательные и конкретно-научные черты, которые не являются доминирующими в философском теоретическом мышлении. Таким образом, вопрос о демаркации философии и частных наук также важен и актуален, как и познание форм взаимосвязи между ними, познания их органического единства.

Следует строго различать понятия общенаучности и всеобщности. Понятие общенаучности означает, что данная категория, закон или подходы к познанию имеют широкое применение, выходящее за рамки одной конкретной науки, принимая при этом в каждой из них строго определенный смысл и значение. Для этого, на наш взгляд, более подходит понятие интернаучности, так как оно достаточно четко дистанцируется от категории всеобщности, которая выражает сущность и специфику общефилософского мышления, включающего в себя неопределенность и поливариантность интерпретации суждений и смысла.

В жизни каждой науки, культуры и искусства, да возможно, в духовной жизни общества в целом, можно достаточно четко выделить творческие и критические периоды их развития. В творческие периоды происходит возникновение данной науки, открытие новых фундаментальных теорий, коренным образом изменяющих наше представление о картине мира, характере научности теорий, идеалов в стиле научного мышления. В физике, например, это коперниканский переворот в воззрениях ученых на солнечную систему и связанное с ним появление точного естествознания, механики Галилея-Ньютона. За этими великими творениями последовала целая цепь фундаментальных наук: термодинамика, теория электричества и теория относительности, у истоков которой стояли Х. Лоренц и А. Пуанкаре, а на завершающем этапе – А. Эйнштейн. Но теория относительности справедливо считается полуклассической, хотя несомненно и то, что она коренным образом изменила традиционное представление о пространстве и времени, которое своими истоками уходит еще к учению Демокрита.

Поистине революционный переворот в воззрениях ученых на мир и их представлений о стиле научного мышления произошел в связи с созданием квантовой теории и ее логическим завершением в квантовой механике, у истоков которой стояли великие физики и мыслители первой половины XX столетия: М. Планк, Н. Бор, Луи де Бройль, В. Гейзенберг, Э. Шрёдингер, П. Дирак, М. Борн и другие выдающиеся ученые. На смену классических представлений о чистой детерминированности причинно-следственных связей квантовая механика провозгласила вероятностный характер закономерности процессов микромира, принцип единства определенности и неопределенности в физике и в философии. Все эти революционные идеи требовали новых философ-

ских обобщений, перехода теоретического мышления на качественно новый, более высокий уровень развития, соответствующий реалиям современности.

Творческий период в развитии науки, как правило, быстротечен и порой недостаточно обоснован в своих принципах. За ним необходимо следует более длительный и мучительный для ученых, но не менее важный для развития науки критический этап. В этот период происходит строгое обоснование исходных принципов и законов теории, выясняются ее истоки и границы возможной экстраполяции на более широкую область исследования, перспективы дальнейшего развития и применения для решения прикладных задач. Важнейшей проблемой критического периода развития теории является поиск и формулировка ее интерпретации, где обращение к общефилософским идеям и принципам становится естественной необходимостью и потребностью самого конкретно-научного знания. В квантовой механике этот процесс выработки соответствующей интерпретации теории был длительным и дискуссионным, да по существу, он не завершен и поныне. Как образно выразился однажды В. Гейзенберг, которого Л. Д. Ландау назвал в свое время физиком номер один, научить математике при решении задач квантовой механики студента можно за две недели, но необходима вся жизнь, чтобы понять смысл этой теории. Поэтому существует столько квантовых механик, сколько физиков на Земле. В этом образном замечании великого физика выражена вся значимость и сложность критического периода в развитии науки, ее глубокая имплицитная потребность в общетеоретических и философских обобщениях. Но и сама философия представляет собой творчески развивающуюся и самокритичную рефлексивность, где можно выделить высочайшие взлеты разума и мудрости, за которыми следуют длительные периоды осмысления и уточнения фундаментальных идей, взглядов и принципов. Чтобы постичь философскую мудрость, недостаточно жизни одного поколения мыслителей, да и жизни всего человечества планеты Земля.

Мыслящее рассмотрение предмета диалектико-материалистической философии нуждается в постоянном и критическом осмыслении, обосновании ее принципов и выводимых из них основополагающих постулатов, особенно в связи с фундаментальными достижениями науки и бурным развитием социальной практики. В этой связи необходим и критический анализ законов и категорий диалектики как всеобщего метода и формы постижения сущности самой философии. Как нам представляется, данный процесс в настоящее время несколько замедлился и имеет тенденцию к отставанию от общего бурного потока развития творческой мысли. Пожалуй, здесь можно выделить

монографическое исследование Г. Д. Левина [9], в котором обобщено классическое наследие прошлого и произведен анализ современного представления о системе категорий диалектики. Но, к сожалению, при внимательном знакомстве с данной монографией мы не можем удовлетворить нашего желания увидеть в ней существенного творческого прорыва в исследовании заявленной темы. Творческий этап в развитии философии, очевидно, еще впереди, поэтому будем мыслить в границах критического.

Все категории диалектики Г. Д. Левин распределил на три типа: предельные продукты синтеза, предельные продукты анализа, предельные продукты обобщения. В принципе, по непосредственному содержанию категорий особых и глобальных дискуссий нет, можно соглашаться или не соглашаться с некоторыми частностями. Но вот с названием разделов и общей концепцией построения системы категорий согласиться трудно. Все это лишь другое обозначение, не совсем удачное, уже сложившейся традиционной системы, и не более того. К тому же, все категории философии и теоретической науки в целом – суть продукты предельного обобщения, поэтому данное разделение их на три типа можно считать чисто условным.

Все категории философии и науки также можно рассматривать как предельные продукты анализа и синтеза, их классификация по данным методам познания не конструктивна. К тому же, как учил еще Р. Декарт, синтез возможен только после предварительного анализа, разделения сложной проблемы на частные, а не наоборот, как это представлено в данной схеме.

Не суть важно то, какие категории рассматривает автор, а какие еще нет, и в какой раздел он помещает каждую из них. В принципе – это авторское видение проблемы и его право на свободу мышления, свободу творчества. Важен общеконцептуальный подход к анализу проблемы, но именно в этом вопросе и возникают дискуссии как источник и двигатель творческой мысли. Наш общий недостаток проявляется в том, что мы по-прежнему излагаем категории сами по себе, обособленно от их непосредственной принадлежности к определенной теории как более общему и детерминирующему частности целому.

Категория (греч. – высказывание, указание, свидетельство). Категории – фундаментальные понятия теории, обобщенное выражение ее содержания и сущности как системы. Следовательно, не каждое высказывание, указание или свидетельство есть категория, но такое свидетельство или понятие, которое выражает собой сущность предмета познания и являет собой всеобщий и необходимый элемент данной теории. Вне теории нет и категорий. Поэтому любые построения системы

категорий диалектики не могут рассматриваться конструктивно вне определения философии как всеобщей формы теоретического мышления и ее диалектического метода познания. Как отмечал еще Гегель, прежде чем исследовать частности, образ целого должен быть уже в голове. Аналогичное правило исследования сложных систем предписывает нам и системно-структурный метод познания. Каждая система включает в себя определенную совокупность элементов и в то же время сама является частью более общей системы, общее и частное образуют в этом случае отношения взаимной детерминации состояний. Следовательно, не только общие определения философии и диалектики определяют собой характер и методы построения системы их категорий; смысл и содержание, которое мы вкладываем в основополагающие понятия теории, значительно влияют на формирование общеполитической картины мира и стиль мышления эпохи.

Таким образом, ключ, алгоритм построения системы категорий диалектики необходимо искать в определении философии и ее метода. Но при этом мы должны иметь в виду, что философия – это постоянно развивающийся организм и мы не можем удовлетвориться теми определениями, которые были сформулированы еще полтора века назад. Новые песни невозможно без фальши исполнить на старинный лад. Как заметил В. Гейзенберг в связи с созданием новой физики и формированием на ее основе нового стиля научного мышления, «невозможно влить новое вино в старые меха».

Необходимо заново осмыслить определение, сущность и предназначение самой философии, которую уже недостаточно рассматривать только как науку о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Такое определение тавтологично: получается, что философия – это наука о законах философии. Кроме того, всеобщих законов общества, природы или мышления как таковых нет; даже закон сохранения и превращения энергии или принципы синергетики имеют специфический характер и проявляют себя особым образом в каждой конкретной области познания.

Философия дисциплинарна и самодостаточна, она имеет свой специфический предмет и метод исследования. Поэтому ее выводы и положения непосредственно в науке не применяются и тем более не заменяют ее законов. Философия в большой мере влияет на мировоззрение и образ мысли ученого, методологические принципы и язык науки, но не на конкретно-научное содержание ее результатов. В философии как ни в какой другой форме теоретического мышления существенную роль играет субъективный фактор, личностный подход к анализу фундаментальных проблем, к осмыслению основополагающих понятий и прин-

ципов. Философия – это не только наука или теория, но и мое личное философствование, мое мировоззрение.

Нужно учитывать и тот факт, что наряду с диалектико-материалистической философией существуют и другие ее формы, которые взаимодействуют между собой и с наукой, образуя, тем самым, сложный, динамичный и многообразный организм теоретического мышления. В этой связи становится ясным, что построить единую систему категорий философии или только диалектики истинно верную, завершенную и нефальсифицируемую невозможно в принципе; она всегда должна быть в динамике, в развитии. Идеальная система категорий философии возможна только как Догма, застывшая и неизменная. Но реальная, конструктивная и динамичная система категорий диалектики и философии в целом нужна, ибо в ней выражены сущность, язык и основное содержание данной формы теоретического мышления. В этой связи необходимо хотя бы в общих чертах выработать методологию построения такой системы. Вряд ли в таком случае возможно рассмотреть буквально все категории диалектики или философии в целом: нужно выделить для этой цели главные и основополагающие из них, т.е. сформулировать базовую модель диалектики как системы и на ее основе представить более широкий круг понятий.

Каждая относительно завершенная теория на определенном этапе своего развития формулирует свою базовую модель, в которой в идеальной форме отражается ее сущность и качественная специфика, объект и предмет исследования. **Базовая модель теории** – это идеальный целостный образ объекта теории, выраженный в системе ее принципов, основополагающих законов и категорий. В физике, например, это модель идеального газа, модель электромагнитного поля, выраженная в уравнениях Максвелла; различные модели происхождения и строения Солнечной системы и Вселенной, последняя из которых представлена в качестве гипотезы «большого взрыва» приблизительно 13,5 млрд лет назад таинственной сингулярной точки. В теории вероятностей нами сформулирована базовая модель статистического коллектива через абстракции актуальной и потенциальной бесконечности, абстракции тождества элементов статического коллектива. Свои базовые модели сформулированы в геологии, биологии и других фундаментальных естественных науках. Формулируют базовые модели и социальные науки, где больше всего идут дискуссии среди политиков и ученых об истинности их теоретических систем; при этом часто игнорируется тот факт, что любая базовая модель – это лишь идеальный образ, который со временем подлежит конкретизации и уточнению в соответствии с требованиями данной эпохи и национальными традициям социума.

Но не всегда базовая модель может быть сформулирована достаточно четко и определенно, даже в фундаментальных естественно-научных теориях или в социальном познании. Например, в психологии или педагогике и социологии модели типа личности ученика, студента или преподавателя иногда настолько далеки от реальности, что возникает вполне осмысленный вопрос о том, действительно ли данные науки являются таковыми.

Тем более в философии, где потенциальное многообразие ее форм и направлений является способом ее бытия и необходимым условием творческого развития, такая базовая модель может быть сформулирована только как некий неопределенный образ, система принципов, которая детерминирует собой наше стремление выстроить всеобъемлющую систему категорий диалектики или даже философии в целом.

В качестве всеобщих детерминантов системы категорий диалектики выделим три философских принципа как основы ее базовой модели:

- принцип единства мышления и бытия, выраженным в основном вопросе философии;

- принцип единства диалектики, логики и теории познания;

- принцип органического единства объекта и субъекта в познании.

«Великий и основной» вопрос философии – это вопрос о том, создан ли мир богами, или он существует извечно и что в этом случае считать первичным – бытие, материю или сознание и даже некий мистический Дух. Но даже в такой упрощенной формулировке, которая уже не вызывает бурных эмоций в ученом мире, заложен глубокий смысл об органическом единстве мышления и бытия в философском познании, да и науки в целом. Мы можем ожесточенно спорить о том, что принять за основу как нечто первичное в наших исследованиях, но при этом мы не можем отвлечься от мысли, что некорректно, недопустимо механически разделять эти две единые стороны процесса познания.

Логическим следствием данного принципа и утверждения является вывод о нерасчленимом единстве объекта и субъекта в теоретическом мышлении. Современный диалектико-материалистический подход уже не может чисто механически постулировать первичность объекта над субъектом, но признает активную и преобразующую роль человека как субъекта познания и преобразования мира и самого себя. Каждая из этих неразделимых сторон процесса познания может быть понята и определена только по его отношению к другой. Такой подход к анализу проблем теории познания и философии в целом был назван нами субъективно-материалистическим в противоположность натур-философскому, основанному на докантовской метафизике и философии прошлых эпох.

Идея органического единства объекта и субъекта в познании уже давно вышла за рамки чисто философских проблем и находит свое воплощение в научном познании, например, в физике – в теории относительности и в квантовой механике, принимая там свое специфическое звучание. Методологические принципы современных физических теорий (принцип наблюдаемости, неопределенности, простоты, соответствия, дополнительности и др.) являются одновременно и научными и общеполитическими. Так, разъясняя идею единства объекта и субъекта в физическом познании, Н. Бор ссылается на мудрый завет древних: в драме бытия мы являемся одновременно и актерами, и зрителями. Мы думаем о предмете нашего познания, но мы одновременно думаем и о том, насколько верны наши мысли в данной гносеологической ситуации. В этом случае если субъект становится объектом познавательной деятельности и невозможно различить, что принадлежит каждому из них.

Человек – мера всех вещей – провозглашает Протагор. Человек, познающий, преобразующий Мир и самого себя. Уберегите человека из процесса познания, думающего, мыслящего, постоянно сомневающегося, и вы получите натурфилософскую, упрощенную картину мира, в которой росток якобы отрицает почку, а высшие формы движения материи вырастают из механического перемещения. Но непопулярные примеры и их натурфилософская интерпретация важны для философии, они определяют ее смысл, как и глубокий анализ развития научного познания, постоянное стремление выяснить, каким образом наше знание о простых физических законах и теориях служит источником и основой постижения более сложных явлений и процессов природы, общества и сущности самого человека, величественной драмы его бытия.

Принцип единства диалектики, логики и теории познания созвучен с идеей органической связи мышления и бытия. Каждая сторона этой триады может быть понята только на основе других ее составляющих. Данный принцип был успешно применен К. Марксом в процессе работы над «Капиталом» и постулирует целостность, системный характер диалектико-материалистической философии и ее метода. При этом нужно отметить, что понятие логики употребляется здесь не столько в ее аристотелевском значении, но как диалектическая логика, метод познания противоречивой сущности бытия и построения теоретической системы путем восхождения от абстрактного к конкретному, «целостному» (Гегель).

Диалектика и теория познания действительно едины. Они представляют собой нерасчленимые стороны процесса постижения истины. Диалектика – всеобщая форма теоретического мышления. Теория по-

знания диалектична по своей сути и может быть развита только на основе диалектики.

Диалектика – всеобщая форма теоретического мышления, основанная на принципе раздвоения единого на взаимоисключающие противоположности и познании его противоречивых сторон, их взаимной связи, становления и развития.

Данное определение, как нам представляется, достаточно полно отражает смысл и значение принципа единства диалектики, логики и теории познания; в нем в потенциальной форме заложена возможность построения всей системы категорий и законов. Нужно учитывать при этом только тот факт, что диалектика – это открытая система, которая постоянно развивается, уточняется и наполняется новым содержанием и смыслом.

Система категорий диалектики и философии в целом это не самоцель, но средство достижения цели, способ более полного и глубокого постижения сущности теории. Поэтому и построение системы возможно осуществить не в ее абстрактной самодостаточности, а в процессе анализа принципов диалектики – всеобщей связи, становления и развития, анализа ее законов и соответствующих им категорий. Такая система может быть только открытой, динамичной и поливариантной, ядром и цементирующим началом которой является базовая модель теории, сформулированная в определении диалектики.

Итак, мы выяснили:

1. Категории диалектики не являются абсолютно самостоятельными творениями разума, их содержание и структура в значительной степени определяются сущностью теории диалектики и философии как метатеории.

2. Объект теории, сформулированный в идеальной форме, есть ее базовая модель, которая выражает сущность теории, определяет содержание и структуру ее категориальной системы в целом.

3. Детерминирующая роль общефилософских принципов в построении системы категорий диалектики не является строго однозначной, она многогранна и поливариантна, зависит от многих факторов, в том числе и субъективного восприятия самой теории. Влияние субъективного фактора на выводы теории особенно проявляет себя в философии, да и в социально-гуманитарном познании в целом, в их системном представлении.

Всякое содержание получает определение лишь как момент целого, – отмечал Гегель: «Философствование *без системы* не может иметь в себе ничего научного; помимо того, что такое философствование само

по себе выражает скорее субъективное умонастроение, оно еще и случайно по своему содержанию» [10, с. 100].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Энгельс Ф.* Диалектика природы / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – 2-е изд. – Т. 20. – С. 339–626.
2. *Ленин В. И.* Философские тетради / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. : в 55 т. – 5-е изд. – М. : Издат. полит. лит., 1967–1981. – Т. 29. – 407 с.
3. *Шептулин А. П.* Основные законы диалектики / А. П. Шептулин. – М. : Наука, 1966. – 184 с.
4. *Шептулин А. П.* Система категорий диалектики / А. П. Шептулин. – М. : Наука, 1967. – 375 с.
5. *Готт В. С.* Общенаучные формы и средства познания / В. С. Готт, Э. П. Семенюк, А. Д. Урсул // Науч. докл. Высшей школы. Философские науки. – 1977. – № 6. – С. 137–149; 1978. – № 1. – С. 128–141.
6. *Семенюк Э. П.* Общенаучные категории и подходы к познанию: (философский анализ) / Э. П. Семенюк. – Львов : Львов. ун-т, 1978. – 176 с.
7. *Урсул А. Д.* Философия и интегративно-общенаучные процессы / А. Д. Урсул. – М. : Наука, 1981. – 367 с.
8. *Готт В. С.* Категории современной науки: (становление и развитие) / В. С. Готт, Э. П. Семенюк, А. Д. Урсул. – М. : Мысль, 1984. – 270 с.
9. *Левин Г. Д.* Философские категории в современном дискурсе / Г. Д. Левин. – М. : Логос, 2007. – 224 с.
10. *Гегель Г. Ф. В.* Энциклопедия философских наук : в 3 т. Т. 1. «Наука логики» / Г. В. Ф. Гегель, вступит. ст. Е. П. Ситковского. – М. : Мысль, 1975. – 452 с.

УДК 572:304

Д. Б. Поляков*

ОБЩЕСТВО БЕЗ ГОСУДАРСТВА: К ДИСКУССИИ ОБ АНАРХИСТСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Статья посвящена осмыслению возможностей применения анархистского подхода к исследованиям в области философской и политической антропологии. Предложенные Д. Грэбером тезисы о необходимости формирования анархистской антропологии анализируются через сопоставление с марксистской методологией, применяемой к проблеме развития человека, общества и государства, а также через рассмотрение тех антропологических исследований, которые посвящены «примитивным», безгосударственным обществам прошлого и настоящего.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: анархизм; антропология; власть; государство; безгосударственные общества; эгалитаризм.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: работа выполнена при поддержке гранта научнотехнического совета Забайкальского института железнодорожного транспорта, договор № 34-гр.

D. B. Polyakov

SOCIETY WITHOUT STATE: TO DISCUSSION OF ANARCHIST ANTHROPOLOGY

The article is devoted to understanding the possibilities of applying the anarchist approach to research in the field of philosophical and political anthropology. The theses proposed by D. Graeber about the need to create an anarchist anthropology are analyzed through comparison with the Marxist methodology to the problem of the development of man, society and the state, and also through consideration of those anthropological studies which devoted to the «primitive», stateless societies of the past and the present.

KEYWORDS: anarchism; anthropology; power; state; stateless societies; egalitarianism.

FINANCING: the work was supported by a grant from the Scientific and Technical Council of Trans-Baikal Institute of Railway Transport, Contract No. 34-gr.

Возникновение и развитие человеческого общества, генезис цивилизаций и место человека в этих процессах все еще остается проблем-

* Поляков Дмитрий Борисович, кандидат философских наук, доцент Забайкальского института железнодорожного транспорта (филиал ИрГУПС).

ным полем для социально-гуманитарного знания, несмотря на множество как продолжающихся исследований, так и уже сделанных открытий. При этом зачастую неявным фундаментом этих исследований, своеобразной априорной идеологемой является то, что американский антрополог Дж. С. Скотт называет цивилизационным нарративом – заведомым убеждением в тождестве цивилизации и института государства, в соответствии с которым общества, где данный институт отсутствует, принято маркировать как «примитивные», «варварские», «дикие». Из этого убеждения проистекает, если и не полное игнорирование, то недостаточное изучение этих обществ при общем признании их существования в прошлом или настоящем. Однако такое признание сопряжено с этноцентристским подходом, согласно которому абсолютно все общества от стадии дикости рано или поздно переходят к цивилизации, которая, прежде всего, характеризуется наличием государства. Французский этнолог и антрополог П. Кластр замечал по этому поводу, что «констатация очевидной эволюции никоим образом не может быть основанием для доктрины, которая, произвольно связывая состояние цивилизации (*l'état de civilisation*) с цивилизацией государства (*la civilisation de l'État*), обозначает последнюю как обязательную цель, предписанную каждому обществу» [1]. Отчасти отталкиваясь от антиавторитарных идей Кластра, отчасти их, критикуя, современный американский антрополог и анархист Д. Грэбер формулирует свои тезисы («фрагменты») необходимой сегодня, по его мнению, новой, анархистской антропологии.

Исходные начала этой социальной теории имеют, согласно Грэберу, два базовых положения. Прежде всего, это убежденность или даже вера в то, что другой мир, т.е. мир без государств, капитализма и патриархата, возможен. При условии того, что создание такого мира в перспективе может оказаться невозможным, это исходное положение отнюдь не теряет своего значения, поскольку «в любом случае, даже если мы ошибаемся, мы сможем подойти намного ближе к лучшему миру» [2, с. 12]. Отбрасывая как несостоятельные потенциальные возражения в последствиях утопизма, имевших место в истории («будто воображать иные, лучшие миры – само по себе уже есть проблема»), Грэбер формулирует второе положение анархистской социальной теории в качестве сознательного отказа от любых проявлений авангардизма. Роль интеллектуалов не должна сводиться к созданию академической элиты, способной увлекать людей корректно сформулированным научным анализом реальности. «Одна из очевидных задач радикального интеллектуала <...> наблюдать за теми, кто создает жизнеспособные альтернативы, и пытаться выявить скрытый

смысл, стоящий за их действиями. Затем он предлагает эти обобщенные идеи людям, но не в качестве императивов, а как положения, возможности, как подарок» [2, с. 14]. Завершая анализ предпосылок новой социальной теории, Грэбер приходит к выводу о примечательном и «странном сходстве» между анархизмом и антропологией, усматривая элементы этого сходства в трудах Дж. Фрейзера, Р. Грейвса, А. Рэдклиффа-Брауна и М. Мосса.

Именно с идеями немецкого этнографа и социолога Мосса Грэбер связывает уже существующие фрагменты анархистской антропологии, в частности, с его теорией экономики дара (дарения). Согласно этой теории, экономические отношения в безгосударственных обществах основывались не на принципе расчета, выгоды и своеобразного примитивного рыночного бартера, а на принципе дарения, «на системе ценностей, сознательно отвергавшей большую часть того, в чем мы привыкли видеть базовые принципы экономики» [2, с. 21]. Иными словами, подобная экономическая система представляла собой осознанный выбор людей, а не некий ошибочный путь развития, который рано или поздно объективно привел бы этих людей к рыночным отношениям. И здесь Грэбер обращается к П. Кластру, который применил ту же аргументацию, что и Мосс, но уже к политическим отношениям в безгосударственных обществах.

Кластр так же делает предположение о том, что создание государственных механизмов в подобных обществах сознательно блокировалось, следствием чего являлся естественный эгалитаризм, т. е. равенство между людьми. Такой подход противоречит марксистскому утверждению о первичности экономического неравенства и института частной собственности, которые лишь впоследствии приводят к возникновению государства. По мнению Кластра, политическая власть и появление государства предопределяют классовую дифференциацию, т. е. базисом является политическая сфера, надстройкой – экономические отношения. «Если общество организовано угнетателями, способными эксплуатировать угнетенных – отмечал Кластр, – то только потому, что способность поддерживать это отчуждение основана на использовании определенной силы, т. е. на том, что составляет саму сущность государства, на “монополии на легитимное физическое насилие”» [1]. Иначе говоря, в обществах с «имплицитным запретом на неравенство»¹ появление такого неравенства и его легитимизация

¹ «В функционировании экономики примитивного общества, общества без государства, нет ничего, что позволяет ввести различие между самыми богатыми и самыми бедными, потому что в нём никто не испытывает странного желания делать больше, владеть и казаться чем-то большим, чем сосед» [1].

возможны лишь под влиянием внешней силы, коей и выступает государство.

По Кластру, возникновение элементов государственности не связано с распространенным в описанных обществах вождизмом, как на это часто указывалось в этнографических исследованиях. На примере парагвайских индейцев гуаяки, историю и культуру которых он основательно изучал, Кластр доказывал, что вождь племени – это всегда «вождь без власти», располагающий лишь тем авторитетом, который за ним признают благодаря его навыкам в охоте, военном искусстве и, главное, благодаря ораторскому мастерству для обеспечения согласия и мира внутри общества. При этом, улаживая конфликт, вождь не исполняет функций судьи, так как не может позволить себе принять ту или иную сторону, «но, вооруженный только красноречием, попытаться убедить людей, которых нужно примирить, отказаться от оскорблений <...> Это предприятие, не всегда ведущее к успеху, пари с всегда неопределенным исходом, потому что *слово вождя не имеет силы закона*» [1]. При неудачном исходе дела, когда конфликтующие стороны прибегают к насилию, авторитет вождя может пошатнуться и, в целом, его условно привилегированное положение ничем реальным не обеспечено².

Появление же зачатков государственности в обществе гуаяки в XV в. Кластр гипотетически связывает с демографическими процессами, возрастающей плотностью населения, позволившей функциям вождей получить явное политическое измерение, т. е. управление и контроль над обществом. Однако эти изменения вызвали обратную реакцию в виде пророчеств отдельных членов племен о необходимости отправиться на поиски «Земли без Зла», некоего земного рая. «Есть основания считать – писал Кластр, – что если пророки называли злым мир, в котором живут люди, то это потому, что они нашли несчастье, зло в той медленной смерти, на которую появление политического обрекло общество Тупи-Гуарани как примитивное общество, как общество без государства» [1]. Слова пророков о рождении Зла, или «Единоного» (которое Кластр трактует как государство), таким образом, спровоцировали массовую миграцию индейцев. Но, с другой стороны, эти же слова унифицировали, объединили отличающиеся друг от друга племена, создав си-

² На это указывал и Ж. Делёз, писавший, что государство определяется не существованием отдельного или даже нескольких вождей, а функционированием и сохранением институтов власти, которых в безгосударственных обществах не существует благодаря «превентивным механизмам», мешающим совету вождей трансформироваться в некий отличный от социального тела аппарат [3, с. 597].

туацию, при которой «повстанческий акт пророков против вождей странным образом даровал первым власть бесконечно большую, чем власть вождей» [1]. В конце концов, по предположению Кластра, именно религиозные чаяния и безоговорочное доверие к словам пророков (а не вождей) послужили фундаментом для возникновения государственности.

Грэберу теория Кластра во многом представляется наивно романтической отчасти из-за того, что французский антрополог, говоря об эгалитаризме рассматриваемых племен, не упомянул о подавлении в них женщин путем групповых изнасилований. Однако этот же факт, возможно, указывает на понимание мужчинами этих обществ того, что «деспотичная, неоспоримая власть, поддерживаемая силой, будет похожа на то, что они сами делали со своими женами и дочерьми. Вероятно, по этой самой причине они не хотели, чтобы существовали структуры, способные так же поступать с ними» [2, с. 22]. Подобная логика приводит Грэбера к анализу альтернативной этики в анархических обществах, которая оказывается сопряженной с теорией «контрвласти», в общих чертах очерченной трудами Мосса и Кластра. Суть этой теории заключается в том, что указанные общества, зная о негативных последствиях тщеславия, жадности и им подобных человеческих качеств, рассматривали их как моральную угрозу, а потому выстраивали свою социальную жизнь в попытке их подавить и, следовательно, не допустить появления господствующей элиты. Иными словами, в безгосударственных обществах «контрвласть» противостоит не уже сложившимся институтам власти (которых нет по определению), а «потенциальной, латентной, если угодно, диалектической опасности, существующей в самом обществе» [2, с. 24].

В конце концов, Грэбер считает, что современным обществам мог бы быть полезен анархистский опыт обществ «примитивных», несмотря на то, и это подчеркивает Грэбер, что данный опыт отнюдь не совершенен, поскольку зачастую все-таки предполагает базовые формы иерархии и доминирования (взрослых над детьми, мужчин над женщинами). Тем не менее, способы более или менее мирного сосуществования с государственными обществами при сохранении своей относительной автономности могли бы, согласно Грэберу, привнести что-то новое в концепцию анархистской революции. В частности, должно быть пересмотрено само представление о такой революции, которая далеко не всегда может принимать вид вооруженного мятежа и сопутствующего ему насилия, но при внешнем сохранении *status quo* оборачиваться бегством, игнорированием, основанием автономных локальных сообществ и т. д.

Подобные виды сопротивления анализирует и упомянутый антрополог Дж. С. Скотт, исследования которого Грэбер почему-то не рассматривает. Изучая историю и быт народов высокогорий Юго-Восточной Азии (так называемую Зомию) и их взаимоотношения с равнинными государствами, Скотт приходит, в сущности, к вышеозначенным выводам: безгосударственность примитивных обществ не является аномалией их развития, а предметом стратегического выбора, «который можно было сделать, а потом изменить, если того требовали обстоятельства» [4, с. 29]. При таком подходе, полагает Скотт, многие традиционные концепции социальной эволюции – не более чем безосновательное отождествление цивилизованности и государственности при снисходительном маркировании безгосударственных народов как «примитивных». Государственность не является вневременной данностью и в исторической перспективе целые народы жили то при государстве, то без него, причем безгосударственность носила обратимый и циклический характер.

Возвращаясь к вопросу о целесообразности и актуальности анархистской антропологии, нельзя не согласиться с Грэбером (если экстраполировать его замечание не только на США) в том, что академическая, научная среда чрезвычайно богата представителями марксизма при почти ничтожном числе ученых, использующих в своих исследованиях анархистские подходы. Речь в данном случае, т. е. в случае с антропологией, идет не о методологии «эпистемологического анархизма» П. Фейерабенда, уравнивающего вообще все возможные подходы, а о своеобразном понимании человеческой истории.

Если формационная теория марксизма исходит из интерпретации истории в контексте антагонизма между господствующими и эксплуатируемыми классами, то анархизм рассматривает развитие человеческого общества в его соотношении с институтом государства. Отталкиваясь от такой исторической перспективы, Скотт предлагает следующую последовательность всемирно исторических эпох (по его же словам, максимально упрощенную):

- 1) безгосударственная (самая продолжительная на сегодняшний день);
- 2) эпоха мелких царств, окруженных безгосударственной периферией (куда легко можно было сбежать, спасаясь, например, от налогового бремени);
- 3) эпоха завоевания периферии вследствие государственной экспансии;
- 4) эпоха «управляемого пространства», в которой периферия становится «фольклорным пережитком» [4, с. 471].

При всей упрощенности такой схемы она, на наш взгляд, достаточно верно отражает процесс расширения института государственной власти путем прямого или косвенного подчинения безгосударственных народов, их учета в качестве подданных государства и наложения соответствующих обязанностей в рамках институционализированной иерархии. Конечно, «анархичность» указанных народов не носила абсолютного характера, поскольку в большей или меньшей степени (в зависимости от конкретного народа) их существование включало в себя и иерархию, и дискриминацию, и наступательные войны с целью подчинения других племен и народов. Однако, по справедливому замечанию американского эссеиста Б. Блэка, смысл изучения безгосударственных народов заключается не в восстановлении их образа жизни, но в том, чтобы «понять возможность уклада жизни, абсолютно противоположного нашему, уклада, который в самом деле существовал миллионы лет, а значит и другие жизненные уклады, противоположные сегодняшнему, вполне возможны» [5, с. 219].

Иными словами, анархистский подход в изучении человеческой истории, поиск и обоснование положительных примеров коллективного самоуправления в прошлом и настоящем действительно мог бы способствовать переоценке политической реальности, кажущейся незыблемой и неоспоримой, а также противостоянию авторитарным тенденциям, присущим институту государства как таковому. Смещая акценты с характерной для марксизма экономической проблематики (но не игнорируя ее), в сторону изучения соотношений власти и безвластия в человеческом обществе, анархистская антропология позволяет рассматривать перспективы позитивных социальных преобразований не только в контексте распределения собственности, но и этики взаимопомощи, которая является одной из центральных категорий в философии классического анархизма. Примечательно, что исследования русского ученого-анархиста П. А. Кропоткина, посвященные феномену взаимопомощи в истории разных народов (бушмены, папуасы, эскимосы, буряты, кавказские горцы и др.), можно охарактеризовать как антропологические [6].

С другой стороны, анархистская антропология может рассматриваться лишь как вариант или течение в русле общей политической антропологии, так как сложно назвать ее самодостаточной даже при условии ясной формулировки исследовательских методов, создания понятийного аппарата и т.п. Впрочем, это относимо и к любой другой теории, претендующей на научный статус.

К сказанному можно добавить, что анархистский подход в антропологии как минимум интересен и с точки зрения отечественной истории, богатой на примеры бегства от государственного строительства и

сопротивления ему. Так, в 2014–2015 гг. вышло три антологии текстов о различных анархистских практиках коллективной жизни русского народа, имевших место в разные исторические периоды (см.: [7; 8; 9]). Сложно при этом сказать, насколько востребованным в отечественной науке сегодня является проект анархистской антропологии. Но несомненно, что актуализация критики упомянутого цивилизационного нарратива, который прямо или косвенно может служить оправданием авторитарным и тоталитарным тенденциям, является более чем востребованной в эпоху «управляемого пространства».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кластр П.* Общество против государства [Электронный ресурс] / П. Кластр. – Режим доступа: <http://doxajournal.ru/texts/clastres>.
2. *Грэбер Д.* Фрагменты анархистской антропологии / Д. Грэбер. – М. : Радикальная теория и практика, 2014. – 172 с.
3. *Делез Ж.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари; пер. с франц. и послесл. Я. И. Свирского; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. – Екатеринбург : У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
4. *Скотт Дж. С.* Искусство быть неподвластным: Анархическая история высокогорий Юго-Восточной Азии / Дж. С. Скотт, пер. с англ. – М. : Новое издательство, 2017. – 568 с.
5. *Блэк Б.* Анархия и демократия / Б. Блэк, пер. с англ. А. Умняшова, под ред. С. Михайленко. – М. : Гилея, 2014. – 268 с.
6. *Кропоткин П. А.* Взаимопомощь как фактор эволюции / П. А. Кропоткин. – М. : Редакция журнала «Самообразование», 2011. – 256 с.
7. *Анархия* работает. Примеры из истории России: [антология] – М. : Common place, 2014. – 190 с.
8. *Гиль.* Из истории низового сопротивления в России: [антология] – М. : Common place, 2015. – 346 с.
9. *По своему обычаю.* Формы жизни русского народа – М. : Common place, 2015. – 237 с.

ИСТОРИЯ

УДК 94(571. 1/5) «1919/1920»: 656.2

А. В. Гайдамакин*

ДРАМА ЭВАКУАЦИИ МИНИСТЕРСТВА ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА А. В. КОЛЧАКА ИЗ ОМСКА В ИРКУТСК

На примере эвакуации министерства путей сообщения правительства А. В. Колчака из Омска в Иркутск раскрывается драма, переросшая в трагедию людей, оказавшихся в водовороте Гражданской войны. Показаны мотивация большинства руководителей и специалистов МПС, боровшихся за право переезда в Иркутск, их разочарования в своих надеждах, оставшихся без работы и средств к существованию, ставших жертвами противостояния политических режимов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданская война; А. В. Колчак; правительство Колчака; министерство путей сообщения; эвакуация МПС; железные дороги; руководители и специалисты; Омск; Иркутск.

A. V. Gaydamakin

THE DRAMA OF KOLCHAK'S RAILWAYS MINISTRY EVACUATION FROM OMSK TO IRKUTSK

On the example of the evacuation of the Ministry of Railways of the Government of A. V. Kolchak from Omsk to Irkutsk reveals a drama that has grown into a tragedy of people caught in the maelstrom of the civil war. Are shown The motivation of most of the leaders and specialists of the Ministry of Railways, who fought for the right to move to Irkutsk, and later disappointed in their hopes, were left without work and means of subsistence, being victims of the opposition of political regimes.

KEYWORDS: civil war; A. V. Kolchak; the government of Kolchak; the Ministry of Railways; the evacuation of the Ministry of Railways; managers and specialists; Omsk; Irkutsk.

Гражданская война, разразившаяся на заре Советской власти, – великая трагедия для всех – красных, белых, участников военных действий и людей трудового фронта. Война несла гибель людей, голод, разруху. Об этом немало написано. По проблематике гражданской вой-

* *Андрей Васильевич Гайдамакин, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и культурологии Омского государственного университета путей сообщения.*

ны имеется обширная научная литература. В постсоветские годы исследователи стали уделять внимание белому движению, его проблемам. Однако, на наш взгляд, при этом нередко вне поля научного анализа остаются конкретные люди, их страдания, переживания, поиски путей выхода из чрезвычайных ситуаций, в которых они оказывались в ходе гражданского противостояния.

Именно в таких условиях оказались железнодорожные служащие правительства А. В. Колчака накануне, в период и после переезда этого правительства из столицы белой России Омска в Иркутск. История эвакуации министерства путей сообщения в Иркутск интересна не только тем, что многие ее страницы малоизвестны, а то и вовсе неизвестны. Анализ архивного материала, который практически впервые вводится в научный оборот, позволяет глубже осмыслить трагизм гражданской войны и значение ее уроков. Главный из них, по прошествии ста лет после событий, о которых идет речь в статье, остается крайне актуальным: нельзя доводить общество до той черты, за которой последует взрыв гражданского противостояния, когда, по словам известного историка С. П. Мельгунова, – «Общественная трагедия здесь переплетается с трагедией личной» [1, с. 38].

В данном случае исследователь имел в виду личность А. В. Колчака. Однако, драма, разыгравшаяся в Сибири в 1918–1920 гг., завершилась трагично не только для лидера белого движения, но и многих тех, кто верил ему и шел за ним до конца. Яркий пример такой последовательной верности движению и ее лидеру показали руководители разных уровней, инженеры, служащие министерства путей сообщения колчаковского правительства.

Вопрос об эвакуации правительства А. В. Колчака из столицы белой России обострялся по мере развертывания успешного наступления Красной армии на территории, занятые вооруженными отрядами Колчака. Особое, крайне отрицательное влияние на боеспособность колчаковских войск оказали потери ими контроля за железными дорогами. Еще недавно, в феврале 1919 г. под контролем Колчака находились обширные территории, по которым проходили такие казенные дороги, как Пермская, Самаро-Златоустовская, Омская, Томская и Забайкальская, а также частные дороги – Западно-Уральская, Северо-Восточная Уральская, Троицкая, Кольчугинская, Кулундинская и Алтайская [2, л. 218]. Но уже осенью 1919 г. ситуация стала меняться. С потерей белыми западных железнодорожных путей и участков на Волге и Урале у колчаковского командования появились серьезные затруднения по обеспечению армейских частей оружием, а главное – падала мобильность, терялась управляемость ими. А когда красные вышли на Омскую железную

дорогу и быстро стали приближаться к Омску, вопрос о переезде правительства А. В. Колчака становится очевидным. 28 октября 1919 г. Совет министров Российского государства принимает постановление об эвакуации центральных учреждений г. Омска. 31 октября это постановление утвердил А. В. Колчак – Верховный правитель России [3, л. 15].

Этот документ всеми службами министерства путей сообщения был воспринят тяжело. Многие переезд в Иркутск оценивали как крах белого движения, крах своих надежд и ожиданий. Тем не менее, они вполне осознанно принимали решения о переезде. Можно представить, насколько психологически это было непросто. По сути, люди ехали в неизвестность, где им никто не гарантировал сохранение места работы, нормальных жилищных условий их семьям. Учитывая политическую обстановку, складывающуюся в результате побед или поражений воюющих сторон, судьба каждого из решивших ехать в Иркутск оказывалась под угрозой.

Драматизм ситуации резко обострился в связи с тем, что правительственным решением предусматривалось эвакуировать в Иркутск две трети состава учреждений, а одну треть «оставить за штатом с выдачей четырехмесячного заштатного пособия» [3, л. 15]. Такое решение вызвало резко отрицательное к нему отношение как со стороны руководства МПС, так и рядовых служащих. Дело в том, что желающих выехать вместе с министерством, оказалось значительно больше, чем предусматривалось правительством.

Чем можно объяснить настроения, характерные для большинства служащих МПС Российского правительства в столь критические для него дни? Ведь многие из них предчувствовали, а кто-то понимал неизбежность краха белого движения. На выбор остаться с правительством А. В. Колчака и вместе с ним переехать в Иркутск повлияли несколько факторов. Одним из них стала политика правительства. Колчак пытался перевести работу железных дорог на привычные для всех хозрасчетные отношения, тем самым, обеспечить стабильность в их функционировании. Эта задача для Верховного правителя была вопросом жизни или смерти всего его режима, тем более, что нестабильность и хаос в работе железных дорог ему достались от Временного правительства и недолгого советского правления. Он провел ряд мер, которые рассчитаны были на поддержку его политики железнодорожниками. Так, за короткий период пребывания у власти на железных дорогах дважды повышалась заработная плата (в декабре 1918 г. и в октябре 1919 г.) [2, л. 395; д. 13, л. 1]. Работникам, связанным с разъездной работой, было введено разъездное довольствие [2, л. 478, 479]. Чтобы облегчить финансовое положение дорог и восстановить их стабильную работу, они были освобожд-

дены от уплаты целого ряда налогов – государственного сбора, военного налога, гербового сбора, сбора в пользу Красного креста и других [2, л. 44]. Однако, эти меры не дали ожидаемых результатов: Красная армия быстро приближалась к Омску. Не удавалось остановить тяжелейший финансовый кризис [4, с. 19–217], а чрезмерная политизация («немедленно увольнять со службы лиц, соответствующих большевизму...» [2, д. 2, л. 15, 16], затрудняла решение кадровой проблемы. Тем не менее, большинство работников из аппарата МПС, многие из числа работников путейских служб железнодорожных участков связывали свое будущее с переездом в Иркутск. Это были люди, прежде всего, из числа руководящего состава МПС, железных дорог и участков. Они принимали свои решения вполне осознанно. В основе этих решений лежали как традиционно сложившиеся производственные отношения и общественно-политические ценности, так и неприятие новых, советских порядков.

Другой фактор, в немалой степени повлиявший на выбор пути, связан с личностью А. В. Колчака. Многие в нем видели способного военачальника, боевого адмирала, который может не только оказать сопротивление, но и победить красных. К тому же он был известен и как ученый, исследователь Севера. Интересны сведения тех людей, которые знали Колчака, более того, служили под его началом. Их приводит С. Н. Дмитриев, бывший в 1991-2016 гг. главным редактором издательства «Вече», опубликовавший вступительную статью к книге С. П. Мельгунова «Трагедия адмирала Колчака». Так, барон А. Будберг, некоторое время исполнявший обязанности военного министра в правительстве Колчака в своем «Дневнике» записал: «Все, в ком есть честь, любовь к родине, обязаны сплотиться около адмирала...». Генерал-лейтенант Д. В. Филатьев, являвшийся в конце 1919 г. помощником главнокомандующего колчаковской армии, отмечает такие достоинства Колчака, как «благородный рыцарский характер», «смелый и скромный» человек с «необычайной энергией, исключительным знанием дела». Филатьев отмечал, что исследователи минувшего никогда не найдут в деятельности адмирала одного: «злой воли или себялюбия. С этой стороны Колчак кристально чист; до конца своих дней он оставался чистым идеалистом и убежденным рабом долга и служения Великой России» [1, с. 27]. Именно эти качества, а не те, за которые эти же деятели белого движения резко критиковали Верховного правителя, его ореол борца за единую и неделимую Россию привлекали к нему многих. Из документов складывается впечатление, что Колчак получал наибольшую поддержку именно от руководителей и специалистов железных дорог. Эти люди – профессионалы своего дела, получившие фундаментальное образование в дореволюционные годы, прежде всего,

в одном из двух действовавших железнодорожных вузах страны – в Санкт-Петербурге или Москве, отличались высоким уровнем культуры и профессиональных знаний, что приносило им уважение и авторитет. Министерство путей сообщения, возглавляемое Л. А. УSTRUГОВЫМ, было неплохо укомплектовано инженерно-техническими кадрами. Им импонировала железнодорожная политика А. В. Колчака, направленная на восстановление товарно-денежных отношений, воспринимаемых специалистами как естественные, традиционные на железных дорогах России. Все эти обстоятельства привели к тому, что практически весь состав министерства путей сообщения, многие руководители и специалисты железных дорог заявили о своем желании покинуть Омск и вместе с А. В. Колчаком и его правительством эвакуироваться в Иркутск.

И, наконец, при принятии столь судьбоносного решения определенную роль играл и фактор страха. Были опасения, что оставшиеся в Омске могут быть, как классовые враги или пособники белых подвергнуты разного рода гонениям или даже репрессиям. Заметим, что опасения такого рода не были безосновательными: вскоре, особенно после окончания гражданской войны началось составление списков неблагонадежных, в том числе и служивших у Колчака, после чего последовали наказания. В годы новой экономической политики наиболее распространенными были увольнения с работы.

Совокупность этих и других факторов объясняет мотивацию многих железнодорожников, решившихся на крутой поворот своей судьбы – идти до конца за А. В. Колчаком.

Казалось, что главное – принять простое решение «ехать – не ехать». Оказалось, что это решение стало началом настоящей драмы железнодорожной интеллигенции – руководителей и специалистов министерства путей сообщения правительства А. В. Колчака, железных дорог Урала и Сибири. Они резко отрицательно отнеслись к решению одну треть министерства «оставить за штатом», что означало отказать им в переезде в Иркутск. Руководители управлений и комитетов МПС заявили, что об этом «в г. Омске известно не было». Представитель канцелярии МПС в сложившейся ситуации обвинил чиновников министерства: по его словам, работники министерства получили «личные указания министра, что эвакуироваться могут все служащие [3, л. 22].

Ситуация еще более обострилась, когда эвакуированное из Омска правительство оказалось в Иркутске. Здесь события для структур колчаковского правительства развивались самым неблагоприятным образом. В Иркутске действовали свои органы управления железнодорожным транспортом. Над приезжими из Омска нависла угроза остаться без работы, без средств к существованию. Как ранее в Омске шла борьба за

сокращение отъезжающих, так теперь в Иркутске развернулась борьба за то, чтобы остаться в штабе МПС при его постоянном сокращении.

Архивные материалы позволяют реконструировать обстановку, показать ее трагизм, настроения, психологическое состояние людей, оказавшихся в атмосфере неприятия со стороны иркутских властей и работников, воспринявших приезжих как своих конкурентов. Психологически самым сложным для МПС и его служащих оказалась ситуация, когда пришлось бороться в условиях сокращения штатов за право остаться в своем ведомстве. Примечательно, оказавшись униженными этой ситуацией, люди вели себя достойно, не опускаясь до оскорблений друг друга. Главная вина за положение, в котором они оказались, возлагалась на правительство. Интересно, что при этом имя А. В. Колчака даже не упоминалось.

Ситуация накалялась с каждым днем. Друг за другом созывались совещания «по проведению срочной реорганизации министерства путей сообщения». Главной целью такой реорганизации было новое сокращение штатов МПС. На совещаниях выступающие выражали тревогу за свое будущее и своих семей. Правительство упрекали в безответственности: приглашая специалистов в Иркутск, оно теперь не может предоставить им работу. Представитель Управления по сооружениям железных дорог МПС с тревогой говорил: «...люди, выброшенные за борт правительством, которые ему верны, неизбежно будут брошены в противоположный лагерь» [3, л. 22–25].

Между тем работа по так называемой реорганизации МПС продолжалась. Была создана специальная комиссия во главе с представителем эсеровского Политцентра Иркутска по реорганизации министерства и выяснению оставшегося после реорганизации штата. Об итогах ее работы можно судить по результатам сокращения штатов ряда структур МПС за период 10–21 января 1920 г. За это время штат работников Административного управления МПС сократился с 18 человек до 8, Канцелярии министра путей сообщения – с 43 человек до 25, Технического управления – с 27 до 12 человек, Отдела движения эксплуатационного управления – с 24 до 14 человек [3, л. 76–112]. Так, в ходе очередной реорганизации только четырех подразделений МПС колчаковского правительства штат работников (по терминологии тех лет – служащих) был сокращен более чем наполовину. Комиссия Политцентра утвердила «конструкцию МПС сокращенного состава» [3, л. 118].

На этом драма железнодорожников, эвакуированных вместе с правительством А. В. Колчака из Омска в Иркутск, не закончилась. Испытанием для них стали последние месяцы и дни А. В. Колчака. Его предали чехи, передав в руки иркутского Политцентра. А когда власть

21 января 1920 г. была передана большевистскому Военно-революционному Комитету, Колчак оказался в руках большевиков. 7 февраля 1920 г. он был казнен. Это означало не только крах белого движения на востоке страны, но и трагедию для людей, которые верили в него и шли за ним до его кончины.

Вскоре была окончательно решена судьба министерства путей сообщения правительства Колчака. Особоуполномоченный Наркомата путей сообщения Советской республики Ю. В. Рудой своим приказом от 18 февраля 1920 г. ликвидировал Комиссариат путей сообщения Политцентра. Перестало существовать и министерство путей сообщения колчаковского правительства. Решением специальной комиссии ликвидировалось большинство отделов бывшего МПС, а его дела передавались разным хозяйственным органам или «подготовлены к хранению» [3, л. 190].

Такова история драмы эвакуации министерства путей сообщения колчаковского правительства из Омска в Иркутск, завершившаяся крахом белого движения в Сибири, личной трагедией его лидера А. В. Колчака и тех, кто вместе с его правительством оказался в Иркутске. Оставшись без крыши над головой, без работы и средств к существованию, они, опасаясь преследования советской властью за службу у А. В. Колчака, вынуждены были или покинуть родину, или жить с постоянным чувством тревоги и страха быть арестованным.

События, представленные в статье, отражают хоть и важный, но лишь один эпизод из множества трагедий времен гражданской войны. Главным уроком, вытекающим из них, является вывод – политические партии и общественные движения должны осознавать свою ответственность за будущее российского общества и не допускать социального и политического противостояния, способного перерасти в гражданскую войну.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Из истории Гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири / С. П. Мельгунов. – М. : Вече, 2017. – 592 с.
2. Государственный исторический архив Омской области (далее – ГИАОО). Ф. 2045. Оп. 1. Д. 10.
3. ГИАОО. Ф. 981. Оп. 2. Д. 15.
4. Вдовина О. Ю. Эмиссионная политика Верховного правителя / О. Ю. Вдовина // Гражданская война в Сибири: матер. Всерос. заочн. науч.-практ. конф. – Омск : Ист. архив Омской обл., 2013. – 216 с.

УДК 622.1(091)

В. Г. Третьяков*

ПЕРВАЯ УЗКОКОЛЕЙНАЯ ДОРОГА В МОНГОЛИИ (К 80-ЛЕТИЮ СДАЧИ В ЭКСПЛУАТАЦИЮ)

Статья посвящена истории сооружения и эксплуатации первой железнодорожной узкоколейной дороги в монгольском государстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: транспорт; Монголтранс; железная дорога; изыскательские работы; подготовка кадров; паровоз; машинист; промкомбинат; угольные копи Налайха.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: статья написана в рамках РФФИ № 18-514-94002 «Национальные интересы России и Монголии в треугольнике отношений Россия – Монголия – Китай: проблемы, противоречия, сценарии».

V. G. Tretyakov

THE FIRST NARROW-GAGE ROAD IN MONGOLIA (TO THE 80 ANNIVERSARY OF COMMISSIONING)

Article is devoted to history of a construction and operation of the first railway narrow-gage road in the Mongolian state.

KEYWORDS: transport; Mongoltrans; railroad; prospecting works; training; engine; driver; group of industrial enterprises; coal mines of Nalaykh.

FINANCING: the article was written in the framework of the Russian Fundamental Research Fund No. 18-514-94002 "The national interests of Russia and Mongolia in the triangle of Russia – Mongolia – China relations: problems, contradictions, scenarios".

В 1930-е гг. между СССР и Монгольской Народной Республикой установились дружеские отношения, которые сопровождались значительным ростом сотрудничества, прежде всего в сфере экономики. Так, с 1923 по 1930 гг. объем внешней торговли между СССР и МНР вырос в 11 раз. Если в 1924 г. на долю Советского Союза приходилось 13 % импорта и 14 % экспорта Монголии, то уже в 1928 г. приходилось 73 % импорта и 90 % экспорта [1, с. 89]. Народнохозяйственное развитие СССР и МНР настоятельно требовали совершенствования старых

* Третьяков Валерий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения.

транспортных средств и внедрения новых видов транспорта и поиска внедрения новых видов транспорта, используемых в большинстве развитых стран мира.

В ходе сотрудничества МНР и СССР в июле 1925 г. при поддержке СССР была создана первая монгольская автотранспортная организация – государственное главное транспортное управление Монголтранспорт. Его функции заключались в развитии автомобильного транспорта Монголии, организации услуг по перевозкам грузов внутри страны, руководстве дорожным строительством. Это управление имело всего семь автомобилей, которые перевозили в год 4 тыс. т грузов; кроме того, почту и пассажиров между Улан-Батором и Ундурхоном, Улан-Батором и Алтан-Булаком.

30 декабря 1929 г. между МНР и СССР было подписано развернутое соглашение «Об организации транспорта на территории Монгольской народной республики». Главной задачей этого соглашения являлось улучшение ныне существующих в Монголии дорог и трактов, прокладка новых дорог, ремонт мостов, постройка новых мостов, улучшение переправ, паромов, приведение в порядок подъемов на дорогах и трактах, организация перевозки грузов и пассажиров как от границ МНР, так и от пунктов, лежащих на реках до населенных местностей, так и между внутренними населенными пунктами [2, с. 40–41].

В МНР было образовано акционерное общество путей сообщения и транспорта Монголтранс. Новое общество было создано на основе объединения организаций Монголтранспорт и Совторгфлот, располагало монопольным правом использования сухопутного и водного транспорта, руководило работой почти всего дорожного хозяйства страны. Эта организация внесла большой вклад в создание системы автомобильного сообщения в стране. Имевшийся в стране автотранспорт был передан артели шоферов. Были организованы автобазы в Буян-Тумэне, Ховде; созданы перевалочные базы, склады, гаражи в Цаган-Нуре, Турте, Цаганэрэге. В стране создавались автомобильные мастерские, автошколы.

Вскоре Монголтранс превращается в крупнейшее транспортное предприятие страны. Доля его перевозок возросла с 5,4 в 1930 г. до 22,3 % в 1931 г. [3, с. 74–80] Это общество создало на территории Монголии более 50 автотранспортных агентств и контрольно-ремонтных пунктов. В распоряжении Монголтранса имелись 322 автомобиля, авторемонтная мастерская, заправочная станция. Была открыта автошкола, которая готовила национальные кадры для работы на автомобильном транспорте. В состав Монголтранса входили 6 автобаз, 11 районных

контор, 16 агентств, автомеханический завод и 48 автодорожных станций. Все это позволяло обеспечить устойчивые почтово-пассажирские автомобильные перевозки.

СССР также оказывал помощь в обеспечении регулярных сообщений через Союзтранс. От берегов Байкала 70 автомобилями грузы доставлялись до Кош-Агача. В связи с тем, что СССР стал к этому времени основным экономическим партнером Монголии, остро поднимались вопросы организации все возрастающих объемов перевозок вблизи его границ. Поэтому были образованы четыре новых приграничных перевалочных пункта: Цаган-Нур, получающий грузы с железнодорожной станции Бийск и Кош-Агач (МНР); Хонд, получающий грузы от железнодорожной станции Култук (СССР) и Монды (МНР); от Верхнеудинска грузы шли через Кяхту в Алтан-Булак; в Забайкалье грузы шли от железнодорожной ст. Борзя на Соловьевск (СССР) и Эрэнцав (МНР). Наибольшее развитие получил Алтан-Булакский перевалочный пункт в связи с близостью к границе железнодорожного и водного путей. Через этот пункт в МНР проходило до 60 % всех грузов из СССР. Для успешной работы автомобильного транспорта нужны были не только автомобили, но и благоустроенные дороги. Развитие транспортной сети требовало строительства новых и улучшения уже существующих трактов.

С образованием Монголтранса начались восстановительные работы по улучшению дорог. Отсыпалось земляное полотно, ремонтировались старые и строились новые мосты. В 1932 г. была образована специальная правительственная комиссия, которая разработала план строительства автомобильных дорог и мостов в Монголии. В 1933 г. было образовано дорожное управление при объединенном Министерстве транспорта, торговли, промышленности и связи. В результате развития экономического сотрудничества МНР и СССР к 1930 г. были налажены стабильные автомобильные перевозки грузов между главными перевалочными базами обеих стран.

Быстрое развитие автомобильного транспорта поставило проблему подготовки национальных инженерно-технических и рабочих кадров. Специалистов готовили и в МНР, и в СССР. В 1934 г. удельный вес национальных кадров в отрасли составлял более 54 %. В 1935 г. 70 % ИТР и 60 % водителей составляли местные кадры. Как только в Монголии появились свои специалисты, знающие автомобильное дело и транспортное производство и способные им управлять, СССР в 1936 г. передал монгольской стороне все свое имущество и капитал, вложенный в акционерное общество Монголтранс. Переданы были автомобили, здания, оборудование на сумму более 4 млн. тугр. И на основе по-

становления XII съезда Великого Народного Хурала Монголтранс был преобразован в Главное управление транспорта республики при Министерстве торговли и промышленности.

До появления в МНР железнодорожного транспорта роль автомобильного транспорта продолжала расти. Только за 1930-1940 гг. количество автомобилей в Монголии выросло в 7,6 раза, а грузооборот – в 7,7 раз. Удельный вес автомобильного транспорта в общем объеме перевозок составлял 40 %. Одновременно с помощью в создании автомобильного транспорта СССР оказывал Монголии серьезную помощь в строительстве шоссе Улан-Батор – Сухэ-Батор – Ундурхон – Баян-Тумэн протяженностью свыше 1000 км.

Раньше железнодорожного в Монголии появился и авиационный транспорт. С 1925 г. начала действовать авиационная линия Москва – Улан-Батор. В 1926 г. было введено воздушное сообщение по линии Верхнеудинск – Улан-Батор. В 1928 г. между СССР и МНР был подписан договор о воздушном почтовом сообщении. В 1940 г. открылось регулярное воздушное сообщение между СССР и МНР, в этом же году открылись и воздушные рейсы между регионами МНР.

В 1920–1930-х гг. ВКП(б) и МНРП тесно сотрудничали во всех сферах экономической и политической жизни. Стратегической целью правящих политических партий было развитие промышленного производства и на его основе повышение жизненного уровня и культуры своих народов. В столице Монголии Улан-Баторе и крупных центрах начали создаваться первые промышленные комбинаты, ТЭЦ, автотранспортные предприятия и т. д. Это сразу же усиливало потребность в обеспечении транспортной связью этих объектов с сырьевой базой, требовало кардинального разрешения топливно-энергетической проблемы. Все это можно было успешно решить только путем создания и развития нового в тот период для Монголии вида транспорта – железнодорожного. Транспорт такой, как известно, особо требуется там и тогда, где и когда требуются большие постоянные объемы перевозок грузов и пассажиров. А такие объемы появляются в связи с началом добычи полезных ископаемых и строительством крупных промышленных предприятий. По мере развития промышленности и торговли гужевой транспорт оказался не в состоянии справляться со все возрастающими объемами перевозок грузов и пассажиров.

Монгольская Народно-Революционная партия (МНРП), правительство Монголии начинают осуществлять различные мероприятия по созданию и развитию новых, современных видов транспорта. В 1935 г. началась подготовка к строительству первой узкоколейной железной

дороги Улан-Батор – Налайха. Эта дорога была необходима для снабжения Улан-Батора продукцией Налайхинского угольного бассейна.

В разделе итогов работы МНР в 1937 г. еще нет раздела о транспорте. Но в разделе дорожного строительства впервые отмечается, что наиболее значительным событием 1937 г. является начало строительства железной дороги Промкомбинат – копи Налайха. Это строительство вводит в хозяйство МНР совершенно новый, до тех пор неизвестный населению Монголии вид транспорта и освобождает значительное количество автомашин от перевозок угля для снабжения города. Окончание двух крупнейших строителей (этой узкоколейки и автомобильной дороги Улан-Батор – Алтан-Булак протяженностью более 300 км) в значительной мере разрешит основную проблему экономики МНР – проблему транспорта. «Транспорт до сих пор сдерживает ряд других отраслей народного хозяйства и поглощает значительную долю производственных и торговых расходов для всех хозяйственно-торговых организаций» [4, с. 44].

Сдача в Улан-Баторе в 1934–1936 гг. ряда промышленных объектов потребовала значительного использования угля, с перевозом которого гужевой и автомобильный транспорт перестал справляться. В октябре 1936 г. ЦК МНРП и правительство МНР принимают решение и необходимости строительства железной дороги от Улан-Батора до угольных копи Налайха. Начинается подготовка необходимых документов, постоянно идут переговоры по дипломатическим каналам. Так, 5 ноября 1937 г. полномочный представитель СССР в МНР Миронов направил премьер-министру и министру иностранных дел МНР официальное письмо «О согласии советского правительства выполнить заказ на строительство узкоколейной железной дороги от угольных копи Налайха до Улан-Батора» и на доставку для нужд этой строящейся дороги необходимого количества паровозов, вагонов и необходимых материалов на определенных условиях.

Проектно-изыскательские и строительные работы возлагались на Наркомат Путей сообщения СССР. Строительные работы предполагалось начать уже в 1937 г. Монгольская сторона должна была обеспечить все строительные объекты транспортными средствами, строительными материалами и рабочей силой. Ввозимое из СССР оборудование и материалы освобождались от таможенного обложения. СССР предоставлял МНР долгосрочный кредит для оплаты стоимости строительных работ, необходимой техники, оборудования и материалов при 3 % годовых. Причем погашение этого кредита должно было начинаться через 10 лет после сдачи дороги в эксплуатацию и продолжаться в течение последующих 10 лет. В письме подчеркивалось, что окончательная сумма за-

трат должна быть установлена после окончания строительства и сдачи в эксплуатацию [2, с. 111].

Буквально на следующий день премьер-министр и министр иностранных дел МНР Амор направил письмо полномочному представителю СССР Миронову, в котором соглашался со всеми предложениями СССР по строительству этой дороги.

Следует отметить, что в эти же дни 4–6 ноября 1937 г. состоялся обмен письмами между полномочным представителем СССР в МНР Мионовым и премьер-министром и министром иностранных дел Амором о строительстве шоссейной дороги Улан-Батор – Алтан-Булак, через пристань Сухэ-Батор. Строительство этой дороги также должно было начинаться в 1937 г почти на аналогичных условиях, что и сооружение узкоколейной железной дороги. Особенностью является то, что для строительства шоссейной дороги СССР предоставлял МНР беспроцентный кредит и погашение этого кредита должно было начинаться через 5 лет после сдачи в эксплуатацию этого объекта и закончиться через 25 лет [2, с. 113].

Таким образом, развитие экономического сотрудничества СССР и МНР к 1937 г. достигли такого значительного уровня, который требовал резкого совершенствования транспортного обеспечения между СССР и МНР и обеспечения углем промышленных объектов Улан-Батора посредством узкоколейной железной дороги. Изыскание, проектирование и строительство первой железной дороги в Монголии выполнялись силами советских специализированных организаций на кредитные средства, предоставленные Советским Союзом. Строительство узкоколейной линии началось в 1937 г.

11 июля 1938 г. в день 17-й годовщины победы Народной революции жители столицы и тысячи ее гостей, прибывшие со всех частей страны на всенародный праздник Наадам, торжественно встретили первый поезд, открывший рабочее движение на первой в Монголии железнодорожной узкоколейной линии. Этот поезд провели машинист К. Ф. Королев из локомотивного депо Красный лиман Донецкой железной дороги и помощник машиниста молодой монгольский рабочий Д. Шарав. День 11 июля 1938 г. вошел в историю Монголии как день появления железнодорожного транспорта.

В 1938 г. по узкоколейке для Улан-Баторского промышленного комбината было перевезено 200 тыс. т угля, тогда как в 1927 г. в Налайхе было добыто всего 7981 т. Узкоколейная дорога имела 14 паровозов, 16 пассажирских вагонов, 9 цистерн и более 200 грузовых вагонов. Средний вес поезда составлял 199 т, скорость – 30 км/ч.

К концу 1938 г. в Улан-Батор было отгружено 38,6 тыс. т, а в 1939 г. – 112 тыс. т угля. В первые годы погрузочно-разгрузочные работы осуществлялись вручную, грузчиками работали советские военнослужащие.

Для эксплуатации этого участка дороги были построены административные здания, вагонное депо, дома для работников, школа; установлена телефонная связь; построено 68 труб, мостов и других сооружений.

Для организации работы на этой линии по договоренности правительств СССР и МНР в 1938–1939 гг. в СССР было направлено более 60 человек на курсы для получения специальности машиниста, помощников машиниста, дежурных по станции и др. Среди них Самбуу, Дагва, Магнай, Сэрж, Намжил, Нацагдорж, Гомбосурэн, Дондог, Халтар, Увсан, Бгжав, Балган; большинство затем долгое время проработали на железнодорожном транспорте. На этих курсах посланцы Монголии изучили русский язык, математику, физику, химию, технологию металлов, водоснабжение, устройство паровоза, отопление паровоза, паровозное хозяйство, устройство вагонов, безопасность движения поездов, кузнечное дело.

У входа в Улан-Баторское локомотивное депо стоит паровоз № 0549, построенный на Подольском заводе. Этот паровоз-ветеран раньше работал на узкоколейной железной дороге Улан-Батор – Налайха. В 1938 г. этот паровоз водил один из первых монгольских машинистов Сэр-Одын Нацагдорж [5, с. 49–52]. Теперь, покрашенный, он является символом доблести и славы монгольских железнодорожников. Таким образом, эксплуатация даже узкоколейного железнодорожного пути сразу же показало его преимущество для Монголии перед всеми видами транспорта.

Советские специалисты не только проектировали и строили эту первую железную дорогу в Монголии, но им же и приходилось организовывать ее работу. Своих специалистов Монголия еще не имела, тем более руководителей. Первым начальником этой линии был И. И. Коновалов. Но с 1940-го г. начальниками были только Монгольские специалисты.

Железная дорога Улан-Батор – Налайха, протяженностью 43 км, стала первой железной дорогой Монголии и положила начало развитию железнодорожного транспорта в стране. Окончательно она была построена в течение 1937–1938 гг. и была сдана в эксплуатацию в 1939 г. 9 сентября 1940 г. между ССР и МНР было подписано соглашение о порядке передачи в собственность этой узкоколейной железной дороги.

Дорога в таком виде функционировала до 1958 г. В том году была построена ширококолейная железнодорожная линия Хонхор – Налайха. В связи с этим, узкоколейная линия утратила значение и была демонтирована [1, с. 526].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Железнодорожная артерия Монголии // под ред. В. Г. Третьякова. – Иркутск : Облмашинформ, 2001. – 608 с.
2. Советско-Монгольские отношения: сб. документов 1921–1966. – М. : Наука, 1966. – 360 с.
3. Сборник законов, положений и основных положений, принятых в Монгольской народной республике за время с февраля 1934 г. по октябрь 1936 г. – Улан-Батор : Современная Монголия, 1937. – 11 т.
4. Современная Монголия. – 1938. – № 2 (журнал выходил в 1933–1941 и в 1956–1969 гг.). – 100 с.
5. *Кривель А. М.* Какая она, Монголия / А. М. Кривель. – М. : Политиздат, 1982. – 233 с.

УДК 336/72

Т. П. Томилова*

ИЗ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО ТОРГОВОГО БАНКА

Статья посвящена истории одного из наиболее известных и влиятельных в конце XIX – начале XX вв. учреждений страны – истории Сибирского торгового банка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история России; Сибирский торговый банк; правление банка; банковский капитал.

T. P. Tomilova

FROM THE HISTORY OF THE SIBERIAN TRADE BANK

The article is devoted to the history of one of the most influential and influential in the late XIXth – early XXth centuries. institutions of the country - the history of the Siberian Trade Bank.

KEYWORDS: history of Russia; Siberian commercial bank; bank's board; banking capital.

Это здание в Иркутске по ул. Карла Маркса, 23 хорошо знакомо всем иркутянам. Оно имеет давнюю и богатую историю. После пожара в Иркутске летом 1879 г. участок с землей и одноэтажным зданием был куплен купцом-золотопромышленником известным меценатом И. И. Базановым, почетным гражданином г. Иркутска, действительным статским советником у горожанина Туржанского за 35 тысяч рублей. На этом месте в 1893 г. и было построено новое здание по проекту архитекторов Г. В. Розена, В. А. Рассушина, В. А. Кудельского и др.

После смерти И. И. Базанова (1883) здание перешло его наследницам: невестке Юлии Ивановне Базановой и ее дочери Варваре Петровне Кельх. В 1896 г. Сибирский торговый банк выкупил здание у В. П. Кельх.

В 1900–1903 гг. здание было перестроено по проекту петербургского архитектора П. П. Светлицкого. На первом этаже располагались

* *Томилова Татьяна Павловна, специалист музея Байкальского банка ПАО Сбербанк России.*

магазины, второй этаж занимал Сибирский торговый банк. С 1920 г. по 1934 г. здесь располагалось Иркутское отделение Государственного банка СССР.

В 1951 г. второй этаж был передан областному художественному музею. С 1975 г. здесь находился выставочный отдел художественного музея (после переезда музея в отдельное здание по ул. Ленина, д. 5), а с 2000 г. и по настоящее время – галерея сибирского искусства. На первом этаже 1999 г. находится галерея музея, принимающая более 20 выставок в год [1].

В настоящее время на фасаде здания установлены памятные доски – городскому голове и потомственному почетному гражданину Иркутска, управляющему отделением Сибирского банка Болеславу Петровичу Шостаковичу (1845–1919) и бывшему директору Иркутского художественного музея Алексею Дементьевичу Фатьянову (1915–2001).

Важно отметить, что Сибирский торговый банк был основан в 1872 г. как акционерный коммерческий банк Российской империи. Устав банка был утвержден министром финансов Российской империи 28 июня (10 июля) 1872 г. Учреждение банка было утверждено Сенатом 30 июня 1872 года. 5 (17) июля 1872 года был опубликован Указ.

Учредителями банка была группа крупнейших уральских и сибирских горнопромышленников, золотопромышленников и купцов:

Павел Андреевич Шувалов – генерал-адъютант, граф.

Петр Павлович Дурново – Свиты Его Императорского Величества генерал-майор.

Гораций Евзелевич Гинцбург – банкир, барон.

Михаил Ананьевич Нуров – надворный советник.

Вениамин Иванович Асташев – полковник.

Николай Дмитриевич Бенардаки – коллежский советник.

Леон Моисеевич Розенталь – потомственный почетный гражданин [2, с. 61–70].

Сибирский торговый банк открыл свои отделения в г. Екатеринбурге 10 ноября 1872 г. на основании устава для производства всех банковских операций [3, с. 1730, 1909].

Основной (складочный) капитал банка был установлен в 4 000 000 руб., образованный путем выпуска и реализации 16 тысяч акций по 250 руб. каждая [2, с. 61–70]. Не прибегая в течение первых 30 лет своего существования к увеличению складочного капитала, банк удвоил за это время свои средства, образовав за счет прибылей значительный запасной и резервный капиталы.

Здание Сибирского торгового банка

Сразу же после учреждения банк открыл свое первое отделение 25 февраля 1873 г. в г. Иркутске [4]. Банк арендовал для его размещения сначала дом Я. А. Немчинова, а затем с августа 1893 г. дом В. П. Сукачева (оба на Ивановской площади) [5, с. 106]. Управляющим Иркутского отделения банка в 1901–1902 гг. служил Б. П. Шостакович, бухгалтером К. Н. Сапожников [6, с. 20]. С 1903 г. управляющим был В. В. Жарников, бухгалтером – А. Ф. Клещев, кассиром В. Н. Кермик [7, с. 191].

Сибирский торговый банк платил своим вкладчикам по текущему счету и по вкладам до востребования 4 % годовых, по текущему счету и по вкладам на шесть месяцев 4,5 % годовых, на 12 месяцев 5 %, от 2 до 3 лет – 6 %.

Операции, проводимые Иркутским отделением Сибирского банка по Уставу были: учет векселей (русских и иностранных), производство ссуд и открытие кредита под залог государственных процентных бумаг, паев, акций, облигаций и закладных листов, товаров, товарных документов; покупку и продажу процентных бумаг, покупку и сплав драгоценных металлов. Банк имел собственные золотосплавочные лаборатории в Екатеринбурге, Томске, Семипалатинске, Красноярске, Иркутске, Благовещенске. Осуществлял прием денег во вклады и в текущие счета, перевод денег, аккредитивы и исполнения поручений по получению платежей (инкассо) на города Европейской и Азиатской России и за границу и др. [8, с. 278–279].

За 30 лет было открыто 14 отделений банка в крупнейших городах и торговых центрах Сибири и Урала. Банк приобрел репутацию солидного провинциального кредитного учреждения, не выходившего в своей деятельности за пределы установленных его уставом операций.

Основными операциями являлись: учет торговых векселей, ссуды под товары и товарные документы и скупка от золотопромышленников золота и платины с переработкой аффинажем их в слитки в специально устроенных банком в Екатеринбурге, Томске и Иркутске золото-сплавочных лабораториях.

Этим направлением деятельности и приобретенной репутацией банк в значительной мере был обязан опытности и осторожности Альберта Михайловича Соловейчика, руководившего банком в течение свыше 20 лет в должностях сначала члена правления, а затем бессменного до своей смерти председателя правления.

В начале девяностых годов в рядах членов правления банка, возникла идея о перенесении резиденции правления из Екатеринбурга в Петербург. Идея эта мотивировалась не только личными удобствами, но и деловыми соображениями и интересами банка. Рамки провинциального банка становились узки и для развертывания деятельности банка требовались и более постоянный, непосредственный контакт его правления с Министерством финансов и Петербургской фондовой и товарной биржей. Важна была и более тесная кооперация со столичными банками, а для этого обычная форма «корреспондентских» отношений и договоров была уже недостаточно гибка.

Активную роль в подготовке перевода правления в Петербург сыграл М. А. Соловейчик благодаря его личным связям еще со студенческой скамьи в Петербургском университете с видными и влиятельными чиновниками Министерства финансов: А. И. Путиловым 14 (директором общей канцелярии министерства) и А. И. Вышнеградским (директор Особенной канцелярии по кредитной части министерства).

В 1904 г. правление уже находится в Петербурге; в состав его, после смерти А. М. Соловейчика, входили – председатель Е. А. Лансере, состоявший одновременно председателем правления Коммерческого страхового общества, и члены: М. А. Соловейчик (единственный сын умершего А. М. Соловейчика), В. Л. Лунц (муж дочери А. М. Соловейчика), Э. С. Мандль (дядя В. Л. Лунца) и Я. И. Савич (брат жены А. И. Вышнеградского).

Интерес к банку со стороны его учредителей – уральских и сибирских предпринимателей – к этому времени значительно ослаб, часть принадлежавших им акций перешла в новые руки, поэтому в состав совета банка начали постепенно входить новые лица, благодаря которым у

банка завязывались более широкие связи с петербургскими деловыми кругами...

Человек темпераментный, энергичный, предприимчивый, безусловно, авторитетный среди своих коллег по правлению, М. А. Соловейчик не мог мириться с отводимым ему скромным положением. Независимо от этого он усматривал в ограничении его самостоятельности ущемление его «династических» прав, претендуя на главенствующую роль в банке в качестве единственного сына многолетнего руководителя банка.

Не мирился он и с консерватизмом своих коллег, продолжавших прежнюю политику банка и воздерживавшихся от вовлечения банка в биржевую игру и грюндерство, т. е. тех операций, которые начали широко развивать такие предприимчивые столичные банки, как Петербургский международный, Русский для внешней торговли, Русский торгово-промышленный и Частный коммерческий.

На почве этой неудовлетворенности своим положением, не позволявшим развернуть силы и связывавшим инициативу, произошло сближение М. А. Соловейчика с А. И. Путиловым, занимавшим с 1907 г. пост председателя правления Русско-Китайского банка. Широко образованный, талантливый человек, увлекавшийся в молодые годы социалистическими идеями, А. И. Путилов был в свое время замечен и выдвинут С. Ю. Витте сначала на пост директора канцелярии Министерства финансов, а затем управляющего Дворянским и Крестьянским поземельными банками. С последнего поста он вынужден был уйти по требованию Николая II, нашедшего недопустимо революционной его докладную записку с проектом расширения крестьянского землевладения за счет принудительного выкупа государством помещичьих земель.

Дорожа А. И. Путиловым как выдающимся работником, С. Ю. Витте провел его на пост председателя правления номинально частного, а фактически полугосударственного Русско-Китайского банка, находившегося в это время в исключительно критическом положении из-за потерь (свыше 16 млн руб. золотом), возникших как следствие неудачно закончившейся для России войны с Японией.

Связываемый в своей деятельности и инициативе неблагодарной ролью руководителя агонизировавшим банком так же А. И. Путилов, как и М. А. Соловейчик, искал выход из тяготившей его обстановки.

Обдумывая совместно пути и средства к такому выходу, они пришли к идее организовать слияние Сибирского банка с Русско-Китайским, рассчитывая на то, что в качестве инициаторов слияния им удастся занять в новом банке руководящие роли, освободив М. А. Соловейчика от ненавистной ему опеки его родственников – коллег по Сибирскому банку.

Вскоре после провала проекта слияния Русско-Китайского банка с Сибирским А. И. Путилову удалось провести объединение Русско-Китайского банка с неудачно работавшим в России, патронируемым французскими капиталистами Северным банком и стать председателем правления возникшего из этого объединения Русско-Азиатского банка.

Связи с московскими промышленными кругами, возникшие на почве открытия еще в 1905 г. отделения в Москве, продиктовали необходимость открыть ряд отделений в Средней Азии (в Коканде, Самарканде и Бухаре) для финансирования заготовок и вывоза хлопка, каракуля и сухих фруктов.

В Рыбинске и на Петербургской Калашниковой бирже были открыты отделения для обслуживания петербургских мукомольных и хлеботорговых фирм.

В 1910–1912 гг. Сибирский банк начал принимать участие с другими банками и частными предприятиями в учредительстве новых железных дорог: Троицкой, Западно-Уральской и Уральской.

В 1913 г. заправила Banque Francaise, формально отстранившиеся от вмешательства в дела Сибирского банка, предприняли новые закулисные шаги, задумав слияние Сибирского банка с Петербургским частным коммерческим банком, в финансирование которого и патронируемых им промышленных предприятий были увязаны значительные средства.

Состояние дел Петербургского частного коммерческого банка, старейшего в России акционерного учреждения краткосрочного кредита (основан в 1864 г.), было уже давно крайне напряженным (почти все его капиталы были заморожены в затяжных промышленных ссудах, и у него совсем не было филиалов).

Для осуществления этого замысла его инициаторы решили добиться любыми средствами скомпрометировать правление Сибирского банка, для того чтобы, таким образом, разбить фронт его сторонников как из среды акционеров, так и из числа влиятельных членов Министерства финансов.

Сибирский банк приобрел весь выпуск частично оплаченных акций недавно учрежденного в Париже кредитного предприятия, именовавшегося Banque pour Credet et pour le commerce с основным капиталом в 10 млн.

В период 1913–1916 гг. Сибирский банк приобрел репутацию одного из самых предприимчивых столичных банков и, опираясь на завязываемые связи с крупными капиталистами, стал играть заметную роль в истории финансового капитала в России [9, с. 251–253].

К 1914 г. число его отделений достигало уже 57, а к 1917 г. – 72, не считая двух временных, действовавших на Ирбитской и Нижегородской ярмарках. Большая часть филиалов банка приходилась на Урал и Сибирь.

Из 72 отделений Банка большая часть находилась на Урале и в Сибири. Банк вел крупные дела по финансированию, главным образом, горной промышленности и торговли. В октябре 1914 г. банк получил право на образование банка в пределах Монголии и учредил Монгольский национальный банк.

Общее собрание акционеров Сибирского торгового банка созывалось ежегодно не позже мая. Оно избирало руководящий орган Банка – Правление, состоявшее из пути членов, и контролирующий – Совет из 12 человек. Главную роль в управлении делами банка до 1916 г. занимал М. А. Соловейчик.

Сибирский торговый банк вел крупные дела по финансированию горной промышленности, большей частью в Восточных районах страны и, имея наряду с Русско-Азиатским банком, большое значение в кредитовании торговли этих районов. Он был связан личной унией с 22 обществами, 16 из которых были промышленными, и 5 – транспортными. В числе патронируемых банком обществ были: Верхне-Амурская золотопромышленная компания, Акционерное общество Невьянских горных и механических заводов, Акционерное общество машиностроительного завода «И. М. Айваз» Новосильцевское каменноугольное акционерное общество, Амурское общество пароходства и торговли и др.

Одновременно банк выступал в качестве второго партнера в операциях Русско-Азиатского и Петроградского международного коммерческих банков, в частности, по финансированию нефтепромышленности.

Сибирский торговый банк был связан также с немецкими и французскими банками, хотя они и не оказывали на него решающего влияния.

Сибирский торговый банк был национализирован по Декрету ВЦИК от 27 декабря 1917 г. и вошел в состав Народного банка РСФСР. Иркутское отделение осуществляло банковские операции после временного падения советской власти в 1918–1919 гг.

В Иркутском отделении Сибирского торгового банка существовали сейфовые хранилища, служившие излюбленным местом хранилища ценностей купечества. Немедленно после переворота сейфы эти были опечатаны и затем, на основании Постановления СНК и циркулярных распоряжений Сибфинуправления, началась их ликвидация, для чего владельцы сейфов вызывались объявлениями в газетах.

Из общего количества 442 имевшихся в банке сейфов, добровольно явились владельцы 220. Арендаторы остальных, как выяснилось, скрылись в свое время на Дальний Восток и даже за границу, из-за чего производилось вскрытие сейфов путем взлома.

В сейфах было обнаружено значительное количество драгоценных вещей, золота и других благородных металлов в сыром виде и в изделиях. Определить точную стоимость всех обнаруженных вещей не представляется возможным, но, во всяком случае, она исчислялась во многие сотни миллионов рублей.

Все эти вещи были объявлены конфискованными в доход Республики, обезличены и отправлены в Москву, часть в Государственное хранение ценностей, часть на монетный двор [10, с. 21–22].

Сибирский торговый банк прекратил свое существование на основании декрета ВЦИК от 14 декабря 1917 г. о национализации банков. Иркутское отделение Сибирского торгового банка было ликвидировано в 1920 г. [11, с. 304].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иркутский областной художественный музей им. В. П. Сукачева. – Режим доступа: <http://museum.irk.ru>.
2. ПСЗ. Собр.2. – СПб., 1875. – Т. XLVII, отд. 2, 1872, № 51065. – 70 с.
3. Собрание узаконений и распоряжений правительства 11.07. 1872 «55.; Указатель действующих в империи акционерных предприятий / под ред. В. А. Дмитриева-Мамонова. – СПб. : Тип-я Исихора Гольдберга, 1905. – 281 с.
4. РГИА. Ф. 638. Оп. 1. Историческая справка. 30 л.
5. Иркутская летопись 1661–1940 / сост. Ю. П. Колмаков. – Иркутск : Оттиск, 2003. – 847 с.
6. Памятная книжка Иркутской губернии на 1901. – Иркутск : Изд-во Ирк. губерн. статист. ком., 1901. – 209 с.
7. Памятная книжка Иркутской губернии на 1903. – Иркутск : Изд-во Ирк. губерн. статист. ком., 1903. – 305 с.
8. Восточно-Сибирский календарь на 1875 г. – Иркутск : Иркут. губ. тип., 1874. – 117 с.
9. *Тарновский В. В.* История Сибирского торгового банка (1872–1917) // Труды Государственного Исторического музея. – М., 1976. – Вып. 46.
10. Сберегательное дело в Забайкалье. – Иркутск, 2001.
11. Декреты Советской революции. – Т. 1. М., 1957. – 624 с.

УДК 623.438.3

А. А. Курасова*

**«НА ПОЛЕ ТАНКИ ГРОХОТАЛИ...»:
ИЗ ИСТОРИИ ТАНКОСТРОЕНИЯ
(окончание следует)**

В статье рассматривается история возникновения и развития бронемашин с древности до наших дней, анализируются наиболее показательные эпизоды боевого применения танков в прошедших войнах, современные тенденции мирового танкостроения, определяется роль и значение бронетехники для достижения победы над противником.

Исследуется специфика развития танкостроения и совершенствования бронемашин на каждом этапе, проводится сравнительный анализ возможностей отечественных бронемашин и машин, созданных в других государствах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: танкостроение; модели танков; военные конфликты.

A. A. Kurasova

**“ON THE FIELD, THE TANKS RUMBLED...”:
THE HISTORY OF TANK CONSTRUCTION**

The history of origin and development of the armored vehicles from ancient time to the present day is examined. The most significant episodes of combat use of tanks in past wars as well as modern tendencies of the tank construction are analyzed. The role and value of the armored vehicles in achieving victory over the enemy is defined.

Tank development and improvement of the armored vehicles are investigated. A comparative analysis of the capabilities of both domestic armored vehicles and vehicles created in other countries is carried out.

KEYWORDS: tank construction; tank models; military conflicts.

Выбор данной темы во многом обусловлен дискуссиями о роли и боевых возможностях бронетанковой техники в наши дни, особенно в связи с последними событиями – применением танков в Ираке и Сирии. Современные средства поражения позволяют вести боевые

* *Курасова Антонина Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия и история» Уральского государственного университета путей сообщения.*

действия дистанционно и добиваться победы над противником без применения на поле боя пехоты и танков. Закономерно возникает вопрос: целесообразно ли в таком случае развитие танкостроения в наше время?

И почему тогда танкостроение ведущих стран мира развивается, танки совершенствуются и приобретаются другими странами, по-прежнему активно используются в войнах и военных конфликтах?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо, по нашему мнению, проанализировать историю применения танков в военных конфликтах, выявить их «плюсы» и «минусы».

Идея создания боевого устройства, способного поражать противника усилиями находящихся в нем защищенных воинов, возникла еще во времена древних шумеров.

Многочисленные боевые тараны, передвижные осадные башни (гелеполы) и подобные им сооружения предназначались для того, чтобы воины под их защитой могли приблизиться вплотную к крепостной стене и либо разрушить ее, либо поражать защитников, находясь в безопасности. Для защиты от стрел и другого метательного оружия противника такие сооружения накрывались деревянными щитами, обшивались металлом или кожей, имели различные средства поражения противника (катапульты и другие метательные устройства) и разрушения крепостных стен (онагры). Приводились они в движение мышечной силой находящихся внутри людей или животных.

Другой разновидностью сухопутной боевой техники древности были боевые колесницы, которые также приводились в движение силой животных, однако с несколько иной целью. Их устройство и конструкция свидетельствуют, что главной целью их применения на поле боя был прорыв строя пехоты противника и нанесение максимального урона его живой силе силами экипажа и различных режуще-колющих устройств на колесах и корпусе повозки.

В XV в. Леонардо да Винчи впервые спроектировал «боевую самодвижущуюся повозку» – устройство бронированного типа, которое приводилось в движение мускульной силой находящихся внутри восьми человек за счет механической передачи. Оно было со всех сторон (даже со стороны днища) защищено внешней броней от воздействия противника и могло маневрировать на поле боя. При этом радиально расположенные в боевой повозке 36 огнестрельных орудий позволяли эффективно поражать противника.

Таким образом, все действующие боевые устройства древности имели следующие свойства и предназначение:

- защита находящихся внутри людей от поражения противником;

- поражение противника силами находящихся внутри устройства людей;
- безопасное преодоление расстояния до противника для его последующего поражения с малого расстояния.

Исходя из того, что данные устройства предназначены для приближения к находящемуся на месте противнику, можно сказать, что основной вид боевых действий для использования такой техники – наступление.

Попытки создать боевую самодвижущуюся машину смогли найти реальное воплощение в металле только с изобретением человечеством тепловых двигателей как источников механической энергии.

Что такое танк? Суммируя различные определения, можно составить представление об этом понятии и установить основные качества этого устройства.

Классическое определение танка – это бронированная самоходная боевая машина на гусеничном ходу с мощным вооружением, способная самостоятельно перемещаться по пересеченной местности (без дорог).

Точкой отсчета появления танков как боевых машин, способных передвигаться вне дорог и преодолевать оборонительные линии противника, можно считать изобретение в XVIII в. паровых двигателей и успешное испытание в 1769 г. французским инженером Кюньо самоходной «паровой телеги». Это дало толчок старту проектов боевых машин. Конструкторов вдохновила возможность одноцилиндровой паровой машины мощностью в 2 л. с. передвигать конструкцию в две тонны весом по ровной дороге со скоростью 3 км/ч [1].

Проектов было огромное количество, но случаев реализации не было, так как авторы проектов не учитывали, что удельная мощность танка и, соответственно, способность передвигаться по бездорожью, в отличие от обычного автомобиля, резко снижается из-за увеличения его массы, большую часть которой составляет броня, а также вооружение и боекомплект.

Поэтому попытки создания танков путем навешивания броневых листов на гусеничные и колесные трактора с паровым двигателем не увенчались успехом. Например, противопульное бронирование танка «Америка» при отсутствии пушечного вооружения довело его массу до 51 тонны, и два паровых двигателя (мощностью в 250 л. с. каждый) не смогли долго передвигать машину – оба вышли из строя во время парада в Бостоне в 1916 г. [2]. Неудачей закончилась в 1918 г. и попытка американцев одеть в броню колесный трактор «Холт». Конструкция смогла продвинуться по дороге около 15 метров, после чего изошла паром и встала.

Ситуация изменилась, когда стали использоваться двигатели внутреннего сгорания: бензиновые карбюраторные и дизельные – КПД этих двигателей в разы превышали характеристику паровых машин, что позволило значительно повысить удельную мощность бронированных машин.

Строительство подобной бронированной машины было весьма дорогим и в частном порядке не могло быть осуществлено. Необходима была поддержка государства, в первую очередь – военного ведомства. Однако военные считали эти проекты сомнительными, и они долгое время оставались нереализованными.

Положение дел изменила Первая мировая война, начавшаяся в 1914 г. Считается, что именно Первая мировая война дала толчок рождению танков как боевых машин.

Несмотря на то, что все воюющие страны стремились решить свои задачи стремительным наступлением, к середине ноября 1915 г. активные операции прекратились, противники «зарылись в землю». На всем протяжении от швейцарской границы до фландрского побережья установился позиционный фронт со сплошными линиями окопов, прикрытых проволочными заграждениями и пулеметным огнем, срывавшим любые атаки. Чтобы изменить положение дел, требовалось средство, способное провести защищенные броней пулеметы или легкие пушки через простреливаемую полосу «ничейной земли» к позициям противника и перенести их за передовые траншеи, проложить путь в заграждениях, прикрыть атаку пехоты, уничтожить огневые точки противника.

Именно для этих целей весной 1915 г. при британском Адмиралтействе был создан специализированный «Комитет по сухопутным кораблям», принявший решение о постройке танков (танком, т. е. «баком», новую машину называли для того, чтобы дезинформировать противника при перевозке по железной дороге). Первая модель танка прошла испытания и была готова в 1916 г., первый заказ на 100 машин поступил в производство.

Это был танк «Мк 1». Карбюраторный двигатель в 105 л. с позволял 28-тонной гусеничной машине преодолевать траншеи и проволочные заграждения и двигаться со скоростью до 6 км/ч, при этом противопульное бронирование этих машин, состоящее из листов катаной брони 10–15 мм толщиной, обеспечивало надежную защиту экипажа от ружейно-пулеметного огня. Наличие 57-мм орудий и 4–5 пулеметов превращало такой танк в эффективное оружие для уничтожения пехоты и инженерных сооружений противника. Тактика применения танков была проста: преодолеть проволочные заграждения, выйти на линию окопов противника и

подавить огнем его пулеметы и пехоту, тем самым, обеспечить беспрепятственное продвижение своей пехоты вперед [3, с. 2].

Танк поступил на вооружение английских войск в августе 1916 г. Впервые он был использован против немецких войск 15 сентября 1916 г. во Франции, в сражении на реке Сомма. В ходе боя выяснилось, что конструкция танка недостаточно отработана – из 49 машин, подготовленных англичанами для атаки, на исходные позиции выдвинулось только 32 (17 танков вышли из строя из-за неполадок), а из этих тридцати двух, начавших атаку, 5 застряло в болоте и 9 вышли из строя по техническим причинам. Тем не менее, даже оставшиеся 18 танков смогли прорвать оборону немецких войск и продвинуться вглубь на 5 км, причем потери англичан в этой наступательной операции оказались в 20 раз меньше обычных [4].

Следующим значимым эпизодом применения танков в бою можно считать сражение при Камбре 20 ноября 1917 г. Британское командование, сформировав специализированный танковый корпус, массово применило танки в этом сражении. Одновременно в бой пошли около 400 танков, действуя при прорыве немецких оборонительных позиций звеньями по три машины в сопровождении пехоты. Атака вызвала панику в рядах германских войск. В первые часы боя германцы потеряли большое число позиций и опорных пунктов, а наступавшие войска добились крупных успехов, захватив первую и вторую линии германских окопов и продвинувшись на 6–8 км. Однако преимущество, ввиду несвоевременного ввода в прорыв кавалерийских частей, было утеряно. Германский офицер, участник тех боев, позднее написал: «...без танков они не смогли бы прорвать отлично построенные неуязвимые позиции; если бы командующий английской армией полностью использовал свое преимущество, мы бы не смогли локализовать прорыв в этом районе...» [5].

Практика боевого применения танков незамедлительно сказалась на их техническом и боевом совершенствовании. Так, до окончания войны были созданы восемь модификаций танка «Мк 1». Усовершенствования касались, в первую очередь, повышения боевых качеств танков – проходимости, управляемости, броневой защиты. Так, толщина броневых листов была увеличена до 14 мм, и, хотя масса машины выросла до 37 т, значительно улучшились ходовые качества за счет модификации моторно-трансмиссионной установки. Стали более совершенными система управления машиной и ее эксплуатационные качества.

Машины становились все более дорогостоящими, и военному ведомству приходилось тратить на них все больше бюджетных средств. Тем не менее, танков в войсках становилось все больше, совершенство-

валась тактика их применения, они использовались во множестве операций и зачастую достигали значительных успехов.

Период Первой мировой войны был ознаменован началом строительства танков практически во всех странах Европы. Танки создавались Великобританией, Францией, Германией (до ее поражения).

Уже к 1918 г. наметилось две основные тенденции в танкостроении – создание тяжелых танков прорыва и легких танков сопровождения пехоты.

Тяжелые танки отличались усиленным бронированием и значительным пушечно-пулеметным вооружением. Так появились танки «прорыва обороны»: французский FCM-2С «Char Lourdes» в 1918 г., английский «А1Е1» «Independent» – в 1926 г. Безусловно, усиление брони привело к тому, что масса этих «сухопутных броненосцев» доходила до 50 т, а снижение удельной мощности вело к уменьшению скорости, маневренности и проходимости. Однако, по мнению военных, это не имело значения, ставка делалась на создание «неуязвимых для оружия пехоты боевых машин, которые, уничтожая своим вооружением все в пределах видимости, будут медленно, но уверенно прорывать оборону противника» [6].

В Советском Союзе в 1933 г. также был создан тяжелый танк – 5-башенный «Т-35» «для качественного усиления войск при прорыве особо сильно укрепленных позиций противника».

Другое направление танкостроения – создание легких, быстроходных и маневренных танков с более слабым, преимущественно пулеметным вооружением. Начало этому направлению дал полковник артиллерии Жан-Батист Этьенн, разработавший и внедривший в танкостроение Франции легкий танк «Рено FT-17». Конструкция этого танка надолго определила тактику применения легких танков в качестве «непосредственного сопровождения пехоты в наступлении и действия в ее боевых порядках» [6].

В СССР (по инициативе заместителя наркома по военным и морским делам М. Н. Тухачевского) легкие танки получили широкое распространение в начале 1930-х гг., «как нельзя лучше подходящие задаче сопровождения пехоты при атаке вражеских окопов». В 1930-х гг. были созданы и стояли на вооружении Красной Армии легкие танки «Т-26», которых до начала Второй мировой войны было выпущено около 11 тыс. шт.

Параллельно создавались быстроходные колесно-гусеничные танки серии «БТ», отличавшиеся высокими скоростными качествами: 50 км/ч на гусеничном ходу и до 70 км/ч – на колесах со снятыми гусе-

ницами. Их предназначение, согласно теории «глубоких операций», принятой к руководству в Красной Армии в феврале 1933 г., заключалось в том, что «достигнутый при прорыве обороны противника тактический успех быстро превращался в оперативный» [7, с. 26].

Таких же взглядов на применение бронетанковой техники придерживались в Германии, которая, несмотря на установленные Версальским договором 1919 г. жесткие ограничения в развитии вооруженных сил, тайно создавала боевую технику, в том числе и танки. Так, в начале 1930-х гг. на вооружении вермахта уже состояли легкие, имевшие пулеметное вооружение танки «Pz.I» и «Pz.II», предназначавшиеся для поддержки пехоты при прорыве обороны и быстрых рейдов по тылам противника с целью «разгрома штабов, коммуникаций и тыловых запасов».

Некоторые коррективы в теорию применения танков и, соответственно, в танкостроение внесла война в Испании 1936–1939 гг., которая была, по сути, «генеральной репетицией» будущей войны, где опробовались новая техника, тактика и др.

В сражениях этой войны итало-испанские части использовали легкие танкетки CV 3/35 «Фиат-Ансальдо» с пулеметно-огнеметным вооружением и немецкие танки «Т-1», также вооруженные пулеметами, а республиканцы – советские танки «Т-26» и «БТ-5», имевшие явное преимущество как по бронированию, так и в пушечном вооружении. Учитывая это, националисты стали использовать быстроходные танкетки в качестве «быстрых подразделений», и это оказалось оправданным. Так, в июле 1938 г. усиленные германскими 37-мм орудиями «РАК-36» эти танкетки смогли прорвать фронт республиканцев у Теруэля и продвинуться затем вперед более чем на 100 км. [8]. Успеху таких действий способствовала также продуманная организация взаимодействия всех родов войск националистов, которую им помогали наладить военные инструкторы – офицеры германского генерального штаба.

В этой войне были опробованы в боевых условиях не только танки Советского Союза и Германии, но и противотанковая артиллерия. Выяснилось, что тонкая броня легких танков делает их весьма уязвимыми от огня легких и мобильных противотанковых пушек, а пулеметное вооружение не годится для борьбы с оборонительными инженерными сооружениями и другими танками. Таким образом, с появлением противотанковой артиллерии эффективность легких танков как средства прорыва обороны и поддержки наступления резко снижалась.

Так появилась необходимость создания средних танков, более защищенных и с более мощным пушечным вооружением. К началу Второй мировой войны военными инженерами СССР и Германии были

предприняты разработки средних танков – советских «Т-34-76» и германских «Pz.IV».

Средний танк «Т-34-76» был защищен 45-мм броней, вооружен 76-мм пушкой. Машина обладала высокими ходовыми качествами – проходимостью по бездорожью и высокой (до 50 км/час) скоростью. Была у этого танка еще одна особенность: броневые листы корпуса были расположены под рациональными углами наклона. Это значительно снижало величину бронепробития и увеличивало возможность рикошета снарядов от брони. При этом боевая машина обладала очень удачной компоновкой, надежностью в управлении и эксплуатации. Простота конструкции позволяла быстро наладить массовый выпуск танков при сравнительно низкой себестоимости машины.

Главным качеством бронированных машин вермахта считалась высокая подвижность – скорость передвижения танка по шоссе составляла 40 км/ч, что обеспечивало высокую мобильность танковых подразделений на европейском театре с хорошо развитой сетью коммуникаций.

Серийно средние танки в обеих странах стали выпускаться уже в 1937–1940 гг., но в весьма ограниченных количествах. В чем же причина?

В Красной Армии в этот период действовала наступательная военная доктрина, предполагавшая «бить врага ... на его территории». Танки в боевых действиях предполагалось применять для поддержки наступления пехоты, причем они должны были противостоять огню противотанковой артиллерии и вооружению танков противника, обладать высокими скоростными качествами. Поэтому предпочтение в армии отдавалось по-прежнему таким легким танкам, как «Т-26» и «БТ».

У командования вермахта были другие взгляды на применение танков. Это теория «блицкрига», автором которой считается Х. Гудериан. Учитывая опыт боев в Испании, он полагал, что в будущей войне важен баланс сил и средств, отводил роль главной ударной силы высококомобильным группировкам танков при поддержке мотопехоты и артиллерии. Важнейшим моментом считалось правильно выбрать направление главного удара и заранее подготовить на выбранном участке фронта «бронированный кулак». Танковые дивизии вермахта имели подвижные пункты управления, позволявшие управлять подчиненными войсками на марше и в бою. В результате немецкие генералы имели возможность получать более полную и оперативную картину, чем командование противника.

Таким образом, скорость боевых машин и скорость получения информации решали успех. В связи с этим подавляющее количество танков в вермахте были легкими – «Pz.I» и «Pz.II», и в малых количествах – средние танки «Pz.III» и «Pz.IV», которые составляли лишь четвертую часть танкового парка вермахта.

Первые эпизоды применения немецких танковых подразделений в Польше и во Франции показали эффективность их тактики применения боевых машин в наступательном бою. Так, в сражении на реке Бзура в сентябре 1939 г. немецкие танковые подразделения, взаимодействуя с авиацией и сочетая обход с прорывами слабых участков обороны, помогли вермахту сломить сопротивление польских войск буквально за три дня [9]. Однако боевые характеристики легких танков показали их сильную уязвимость от огня противника. Поэтому уже 20 августа 1940 г. Гитлер потребовал больше не производить танки «Pz.I» и «Pz.II», а только лишь «Pz.III» и «Pz.IV». Однако, из-за сложностей с перестройкой производства и возросшей в четыре-пять раз потребностью в стали, танковый парк вермахта пополнялся средними танками очень медленно.

Красная Армия СССР накануне предстоящего противостояния также набирала боевой опыт в военных конфликтах локального характера. Первым был неудачный опыт наступательных боев в районе оз. Хасан летом 1938 г. Здесь легкие советские танки «Т-26» и «БТ-7» поддерживали наступление пехоты на укрепленные японцами высоты Заозерная и Безымянная. Заболоченная местность не способствовала применению быстроходных танков, они вязли в болоте и поймах ручьев и служили хорошей мишенью для японской противотанковой артиллерии, расположенной на господствующих высотах. В результате значительное количество танков было сожжено или подбито, и, хотя в этом конфликте японские войска были отброшены за линию границы, потери Красной Армии, в том числе и в танках, были очень большими.

Через год, в боях у р. Халхин-Гол в мае-сентябре 1939 г., части 57-го Особого корпуса Красной Армии, выполняя договор с Монголией о взаимопомощи, вновь столкнулись с Квантунской армией Японии. Советским танкам «БТ-5» и «БТ-7» противостояли японские легкие танки Тип 89 «Ко» («А») и Тип 89 «Оцу» («Б»), Тип 95 «Ха-Го», Тип 95 «Ха-Го». Это были машины легкого класса (масса не превышала 10 т), с противопульным бронированием и пушечно-пулеметным вооружением (орудия калибра 37 мм). Скорость – около 50 км/ч. Кроме этого, боевое крещение в этих боях получили новые японские танки Тип 97 «Чи-Ха». При массе в 14 т машина имела броню 20–25 мм, экипаж из 4 человек и вооружалась 57-мм пушкой и двумя пулеметами, и, в отличие от других

японских танков, оснащалась радиостанцией с антенной на башне. Однако в боях участвовали только 4 таких машины [10].

Японские танки имели такое же бронирование, как у советских «БТ-5», но уступали им по вооружению, приборам наблюдения, прицеливания и связи, удобству работы экипажей, а также по маневренным качествам. Кроме того, советская 45-мм танковая пушка образца 1934 г. позволяла успешно бороться с японскими танками.

Первые боевые столкновения показали крупные пробелы советского командования в тактике применения танковых подразделений, управления ими и взаимодействия с подразделениями других родов войск. После тяжелых боев в июне-июле 1939 г. положение изменилось: боевые действия стали организованными, взаимодействие налажено, и здесь проявилось в полной мере техническое превосходство советских танков, в первую очередь – их ходовые качества, и выучка экипажей.

4 октября 1939 г. японская газета «Асахи» писала о событиях на Халхин-Голе: «Нужно до предела насытить армию моторизованными частями ... до сих пор мы не знали, до какой степени оборудованы моторизованные части Советского Союза» [11].

Без сомнения, своей победой на р. Халхин-Гол Красная Армия обязана, прежде всего, своим танковым частям, сыгравшим в этих боях решающую роль.

Зимняя кампания 1939–1940 гг. в Финляндии показала советскому командованию не только большие недочеты в тактике применения танковых подразделений и их обеспечения, но и несостоятельность легких танков в прорыве оборонительных позиций и наступательных боях в лесистой и сложной пересеченной местности. За три месяца боевых действий было потеряно около 3000 танков, в подавляющем большинстве легкие «Т-26» и «БТ» [12]. Хорошо зарекомендовали себя в боях тяжелые танки «КВ-1», но они применялись экспериментально, в единичных экземплярах.

Перед советским командованием встала проблема: нужен был массовый танк с более мощной броней и вооружением, с лучшей проходимостью и более надежный для эксплуатации в сложных условиях. Поэтому Красная Армия уже к июню 1941 г. имела почти тысячу современных средних танков «Т-34-76», которые практически были равнозначны немецким танкам «Pz.IV».

Великая Отечественная война стала суровым испытанием для экономики и танкостроительной промышленности СССР. Ни в одной из предшествующих войн танки не применялись столь массово и не совершенствовались так стремительно. Кроме того, первые сражения с

применением огромного количества танков явились для советского командования серьезной проверкой правильности выбранной тактики ведения боя, выявлением ошибок в организации связи и координации действий с другими родами войск.

Так, в битве за Дубно-Луцк-Броды (23–30 июня 1941 г.) с целью нанесения контрудара по наступавшим на Киев четырем танковым дивизиям вермахта (728 танков) советское командование бросило в бой пять танковых корпусов, которые насчитывали 2800 машин. У обеих противоборствующих сторон преобладали легкие танки, средних танков было крайне мало, тяжелые – «КВ-1» и «КВ-2» – были только с советской стороны.

В этом сражении, быстро переросшем в катастрофу для советских войск, изолированные атаки советских механизированных корпусов не дали результата: немецкое командование отразило контрудар и продолжило наступление на Киев. Советские войска потеряли более 1500 танков, что составляло четверть всей бронетехники Красной Армии [13].

Вот как вспоминал об этом сражении маршал П. А. Ротмистров:

«Механизированные корпуса Юго-Западного фронта вступили в это сражение после 200–400 километровых маршей в условиях господства в воздухе авиации противника. Ввод в сражение этих корпусов осуществлялся без должной организации наступления, без разведки противника и местности. Отсутствовала авиационная и должная артиллерийская поддержка.

Поэтому противник имел возможность отражать атаки наших войск поочередно, маневрируя частью своих сил, и одновременно продолжать наступление на неприкрытых направлениях» [14].

Кроме того, немецкие войска намного активнее пользовались всеми видами связи, да и координация усилий различных видов и родов войск в вермахте в тот момент была, к сожалению, намного выше, чем в Красной Армии. В сражении под Дубно-Луцком-Бродами эти факторы привел к тому, что советские танковые подразделения действовали без общей координации, без всякой поддержки, сами по себе. Пехота просто не успевала поддержать танки, помочь им в борьбе с противотанковой артиллерией: стрелковые подразделения банально не догоняли ушедшие вперед танки.

Еще одной причиной массовой гибели советских танков в битве под Дубно стала их неготовность к танковому бою – следствие довоенных концепций («танки не воюют с танками»). Среди советских танков, вступивших в битву под Дубно, легких танков сопровождения пехоты, созданных в 1930-х гг., было большинство. Точнее – практически все. У советских легких танков, в силу специфики воз-

лагаемых на них задач, была противоположная или противоосколочная броня. Легкие танки – прекрасный инструмент для глубоких рейдов в тыл противника и действий на его коммуникациях, но они совершенно не приспособлены для прорыва обороны. Немецкое командование учло сильные и слабые стороны советской бронетехники, сведя «на нет» все ее преимущества.

Сыграла свою роль в этом сражении и немецкая полевая артиллерия: если для Т-34 и КВ она, как правило, была неопасна, то легкие танки (Т-26 и БТ) в результате попадания зенитных снарядов не просто останавливались, а частично разрушались [15].

Причины поражения можно понять, прочитав строки из дневника Х. Гудериана: «Персонально русский солдат был хорошо обучен и являлся отличным бойцом. Стрелковая подготовка была превосходной... (но – А. К.) по нашему впечатлению, русские роты и взводы были предоставлены сами себе. У них не было кооперации с артиллерией и танками. Совершенно не применялась разведка. Не было радиосвязи между штабами и подразделениями. Поэтому наши атаки часто были для них неожиданными... Им пришлось столкнуться с нашей профессиональной тактикой немецких панцирных дивизий, т. е. с маневренностью, неожиданными атаками, ночными атаками и четко отлаженным взаимодействием танков и пехоты» [16].

В то же время эпизоды отдельных боевых столкновений «Т-34-76» с легкими и средними немецкими танками показали полное превосходство советских средних танков по всем боевым показателям, а тяжелые танки «КВ» вызывали «ужас у немецких танкистов своей неуязвимостью». Немецкие противотанковые пушки были бессильны против лобовой брони «Т-34-76», а вывести из строя тяжелые танки «КВ» могли только прямые попадания бронебойным снарядом из 88-мм зенитных длинноствольных орудий.

Также командование вермахта было обескуражено количеством советской бронетехники. По воспоминаниям Гудериана, в разговоре с ним в августе 1941 г. Гитлер сказал: «Если бы я знал, что данные о количестве российских танков, приведенные в вашей книге (Х. Гудериан «Achtung Panzer», 1937 г. – А. К.) были верны, то думаю, что я никогда не начинал бы эту войну» [17].

Все сражения, где участвовали танковые подразделения, от приграничных до Сталинградской битвы, имели большое значение для противоборствующих сторон: советское командование постигало и совершенствовало тактику применения танков в бою, нарабатывало опыт взаимодействия с ними пехоты, артиллерии и авиации, а командование

вермахта вело поиск средств и способов эффективной борьбы с советскими средними и тяжелыми танками.

Советское руководство сделало ставку на увеличение выпуска средних танков и параллельно – разработку новых тяжелых боевых машин. В результате этого советские части и соединения пополнялись новыми танками «Т-34-76», благо эвакуированные на восток заводы довели производство этой машины до невиданных для танкостроения масштабов. Так, Уральский завод тяжелого машиностроения в декабре 1942 г. выпускал уже 758 машин в месяц, ненамного отставали от него заводы Челябинска, Нижнего Тагила, Горького. В 1943 г. пять заводов передали фронту 15 696 танков «Т-34-76» [18].

В Германии за время войны было построено 89 тыс. боевых машин, СССР за тот же срок произвел 125 тыс. С 1942 г. немецкое танкостроение выпускало в основном средние танки «Pz.IV», с усиленным бронированием и длинноствольной 75-мм пушкой, позволяющей на равных противостоять советским «тридцатьчетверкам». Ставку на достижение превосходства над советскими танками руководство Германии сделало на выпуск тяжелых танков – Pz.V «Пантера» и Pz.VI «Тигр». Массовое производство этих тяжелых машин началось в первые месяцы 1943 г. и продолжалось до окончания войны. О надеждах, возлагаемых Гитлером на эти танки, говорят цифры выпуска: за период 1943–1945 гг. было выпущено 5 976 танков «Pz.V», 1 354 танка «Pz.VI» и 489 «Pz.VI» – модели «Королевский тигр» [19].

Надо отдать им должное: лобовая броня немецких «Тигров» была неуязвима для орудий любых существующих на то время танков, а броневой снаряд его мощной 88-мм пушки легко пробивал лобовую броню любого танка с дистанций 1500–2000 метров. Однако толстая броня и тяжелое вооружение резко снизили ходовые качества машин. Из-за чрезмерной нагрузки карбюраторные двигатели и трансмиссия, особенно у «Пантер», быстро выходили из строя, да и маневренность танков на пересеченной местности и мягком грунте была весьма низкая. Любой танк – это компромисс между огневой мощностью, защищенностью и подвижностью. Создатели «Тигра» выбрали огонь и защиту, при этом пожертвовав подвижностью.

В результате к сражению на Курской дуге, решившему исход Великой Отечественной войны, бронетанковые силы воюющих сторон выглядели следующим образом: советская сторона – большое количество средних танков, быстроходных и маневренных, но способных поразить тяжелые немецкие танки только в борт или корму с дистанции 200–500 метров (всего около 5000 единиц бронетехники). Участвующие в наступлении части вермахта имели около вдвое меньше танков, но сре-

ди них было 348 танков Pz.V «Пантера», Pz.VI танков «Тигр» и самоходных орудий «Фердинанд» [20].

Любопытно, что советское командование имело планы предвзвешивать планирующееся наступление немцев и самим начать сражение с наступления. Если бы это произошло, преимущество танковых пушек немецких тяжелых танков стало бы решающим, и никто не знает, чем бы закончилось сражение. Однако маршал Г. К. Жуков предвидел, что именно танки будут решающей силой в этой битве, и в своем докладе в Ставке Верховного Главнокомандования настаивал, что переход советских войск в наступление с целью упреждения противника нецелесообразен, считал, что начинать операцию можно, только тогда, когда она всесторонне подготовлена и материально обеспечена. «Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей стороне, выбьем ему танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника» [21].

Именно так и произошло. Наши потери были огромны, но противник был обескровлен и отброшен более чем на 200 км. В тяжелых боях на Курском выступе маневренные качества советских танков и их количество взяли верх над огневым превосходством и толстой броней немецких тяжелых «Тигров» и «Пантер». Г. К. Жуков в своих воспоминаниях писал: «Противник особенно надеялся на свои танки “тигр”, “пантера” и штурмовые орудия “фердинанд”. Ему, видимо, казалось, что эти системы ошеломят советские войска, и они не выдержат их таранного удара. Но этого не случилось» [22, с. 494].

Кроме того, советским командованием были учтены все ошибки в разработке тактики прошлых боев, подготовлена мощная противотанковая оборона, координировались действия различных родов войск, налажена оперативная связь. Фельдмаршал Эрих фон Манштейн, разрабатывавший и проводивший операцию «Цитадель», впоследствии писал: «Она была последней попыткой сохранить нашу инициативу на Востоке. С ее неудачей, равнозначной провалу, инициатива в войне окончательно перешла к советской стороне» [23, с. 507].

Такое положение дел в танкостроении и на полях сражений сохранялось до последних дней Великой Отечественной войны, а разработка и успешное использование в наступательных боях советских тяжелых танков серии «ИС», непревзойденных по огневой мощи 122-мм орудия, лишь ускорили поражение фашистской Германии.

Почти полвека назад, с появлением ракет разнообразных классов, военные эксперты думали, что настала пора бесконтактных войн. Некоторые руководители даже успели отправить тысячи танков в ме-

таллолом на переплавку, а также остановить множество разработок в области создания перспективных образцов бронетанкового вооружения и техники.

Похожее наблюдается и сейчас, когда в процессе создания новых образцов вооружения и военной техники активным образом используются современные компьютерные технологии, спутниковые системы связи и др. На базе применения новейших технологий за последние десятилетия было создано немало новых образцов вооружения и военной техники, которые, благодаря своим боевым свойствам, наложили определенный отпечаток на характер вооруженной борьбы, но говорить о его полном изменении нельзя. Прошли годы, а танки продолжают свою службу и вписывают в мировую историю войн и военного искусства немало ярких страниц.

Конечно, новые образцы вооружения и военной техники и их грамотное использование в бою меняют характер вооруженной борьбы. Появилась, например, возможность наносить достаточно точные и эффективные огневые удары, находясь за многие сотни и даже тысячи километров от цели. Но история военного искусства доказывает, что только наступление может привести к окружению, разгрому и уничтожению врага.

В чем же заключается суть наступления? Обратимся к документам:

– «Боевой Устав пехоты» Красной Армии 1942 г.: наступательный бой ведется с целью «...захватить в плен или уничтожить противника ... закрепить за собой захваченную местность» [24].

– «Боевой Устав по подготовке и ведению общевойскового боя» Вооруженных сил Российской Федерации, 2005 г.: цель наступления заключается в «...уничтожении и пленении живой силы, захвате вооружения, техники и различных объектов» [25, с. 61].

– «Полевой устав» армии США, 2010 г.: «...чтобы бороться и выиграть войну путем создания условий для прочного мира необходимо сухопутное господство силы... Присутствие солдат в нужном месте и времени дополняет и дает прочный значение для воздействия воздушных судов или корабельных систем вооружения. В бою только сухопутные войска могут обеспечить полное применение и поддержание интегрированной общественной власти» [26].

Другими словами, наступление как способ ведения вооруженной борьбы в войнах и локальных вооруженных конфликтах осуществляется с целью захвата территории противника и осуществления контроля над ней. Эта цель может быть реализована только тогда, когда именно пехотинец будет господствовать на территории и

при этом останется способным выполнять предписывающиеся ему задачи. Все остальные средства вооруженной борьбы, в том числе танки, артиллерия, авианосцы, самолеты, служат только для того, чтобы пехотинец смог это сделать.

Анализ военных конфликтов последних двух десятилетий является наглядным тому подтверждением. После подавления системы ПВО и нанесения с воздуха ударов по основным группировкам сухопутных сил противника и их уничтожения наступает наземная фаза операции – занятие территории противника. Эта фаза просто немыслима без активного использования танков и, конечно же, многих других средств. Так что в решающей фазе современной вооруженной борьбы принципиальных изменений не произошло. Меняются средства, способы, временные и пространственные интервалы. Пехота по-прежнему остается на современном поле боя, а танки, в числе других средств, обеспечивают ее действия.

Так, боевые действия корейской войны 1950–1953 гг. имели явный территориальный характер. В начале этого конфликта многие американские советники были уверены, что сильно пересеченный рельеф «Страны утренней свежести», преимущественно горный, вообще не позволяет применять танки. Разгром южнокорейских частей и взятие Сеула армией Северной Кореи на третий день боев были доказательством ошибочности подобного подхода, и американцы срочно стали перестраиваться. Из Японии, где дислоцировались соединения 8-й армии США, морским путем пошли танки. Это были почти исключительно машины второй мировой – легкие М-24 «Чаффи» и «Шерманы». Из современных лишь несколько танков М-26 «Першинг».

К концу 1950 г. у армии Южной Кореи и поддерживающих их американцев в этом районе имелось уже свыше 1300 танков, из которых наиболее современными были приблизительно 300 «Першингов» и 200 «Паттон-1» М-46. Это повлияло на эскалацию конфликта и изменило ситуацию на полуострове [27].

Опыт боевых действий в Корее пригодился американской армии и во Вьетнаме. Вопрос «Нужны ли танки для противопартизанских действий в джунглях?» был решен однозначно – в конце 1964 г. во Вьетнам стали прибывать соединения американских вооруженных сил, в том числе танковые. Первые же стычки с вьетконговцами подтвердили эффективность использования бронетехники. Танки и самоходные пушки «Онтос» оказывали огневую поддержку наступающим американским частям. Своими действиями танкисты доказали возможность использования тяжелой техники в условиях джунглей и заболоченных рисовых чеков. В то же время там, где войска действо-

вали без поддержки или сопровождения танков, американцы несли значительные потери.

Танки нередко применялись обеими сторонами в поисково-ударных операциях, а танковые орудия оказались эффективными для разрушения командных пунктов противника, как правило, хорошо защищенных.

Высокую эффективность бронекавалерийские подразделения США продемонстрировали при отражении серии хорошо спланированных ударов отрядов Вьет Конга и регулярных частей армии ДРВ в начале 1968 г., известных как «новогоднее наступление». Хорошая тактическая мобильность танков позволяла быстро перебрасывать их на необходимые участки для оказания огневой поддержки обороняющимся.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. 1769–1770 гг. Малая и Большая повозка Кюньо [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.drive2.ru/b/1970891/>.
2. Федосеев С. Л. Самые первые танки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://arsenal-info.ru/b/book/3326362887/3>
3. Федосеев С. Л. Сухопутные корабли (английские тяжелые танки Первой мировой войны. – Бронекolleкция (приложение к журналу «Моделист-конструктор»). – 2000, № 5(32) – 64 с.
4. Первое в истории боевое применение танков: битва на Сомме, 1916 г. [Электронный ресурс] // Танки в бою. – Режим доступа: <https://tankyvbou.blogspot.ru/2013/03/1916.html>.
5. Битва при Камбре [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://tankibtr.narod.ru/sragenia/bitva_kambre.html
6. Пашилок Ю. Многобашенная независимость. Опытный тяжелый танк A1E1 Independent. Великобритания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://alternathistory.com/mnogobashennaya-nezavisimost-opytnyi-tyazhelyi-tank-a1e1-independent-velikobritaniya>.
7. Шентура В. Н. Влияние теории глубокой операции и глубокого боя на разработку основ организации связи накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. – 2006. – № 7. – С. 28–34.
8. Шнаковский В. Танки в гражданской войне в Испании 1936–1938 гг. (ч. 3) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/96344-tanki-grazhdanskoj-vojne-v-ispanii-1936-1938-gg-chast-3.html>
9. Главная битва польской кампании 1939. Битва на Бзуре, подробности (ч. 3) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://istoriya-kg.ru/index.php?option=content&view=article&Itemid=bitva-na-bzure-podrob-1939-pc>.
10. Советско-японские военные конфликты у озера Хасан и у реки Халкин-Гол (1938–1939 гг.) // Сто великих войн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bibliotekar.ru/encW/100/84.htm>.
11. Коломиец М. Танки на Халкин-Голе. «Необъявленная война» Сталина. Боевое крещение советских танкистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://coollib.com/b/359772/read>.

12. *Кожемякин М.* Два танковых боя Советско-Финской войны 1939–1940 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://m2kozhemiyakin.livejournal.com/43551.html>.
13. *Панкратов Д.* Битва под Бродами (1941) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://d-pankratov.ru/archives/1865>.
14. *Анатомия катастрофы. Танковое сражение под Дубно* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxpark.com/community/14/content/1919549>.
15. *Антонов С.* Битва под Дубно: забытый подвиг [Электронный ресурс] // Военное обозрение. – 2015. – 30 июня. – Режим доступа: <https://topwar.ru/77802-bitva-pod-dubno-zabytyy-podvig.html>.
16. *Битва под Бродами (1941)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxpark.com/community/5747/content/2181674>.
17. *Первые столкновения вермахта с танками КВ-2* // Виртуальная энциклопедия бронетехники [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pro-tank.ru/blog/694-first-collisions-wermacht-with-tanks-kw2>.
18. *Шмелев И.* Танки Т-34в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://otvaga2004.ru/tanki/v-boyah/tanki-t34-vov/>.
19. *Бронетехника в период с 1937 по 1945 гг.* [Электронный ресурс] // Армии и Солдаты. Военная энциклопедия. – Режим доступа: <http://armedman.ru/tanki/>.
20. *Курская битва. Хронология славы* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.russlav.ru>.
21. *Афанасьев В. А.* Г.К. Жуков в Курской битве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.zhukov-marshal.narod.ru/stat5.html>.
22. *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. – М. : Изд-во Агентства Печати Новости, 1969. – 734 с.
23. *Маништейн Э.* Утерянные победы / сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. – М. : АСТ, 1999. – 896 с.
24. *Боевой Устав пехоты Красной Армии. Ч. II* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voennizdat.com/ychebn/ystav/Yshebystav14.pdf>.
25. *Боевой Устав по подготовке и ведению общевойскового боя.* – М., 2005. – МО РФ. – Ч. 3, гл. 3. – 201 с.
26. *Полевой Устав армии США* [Электронный ресурс]. – Вашингтон, 1986. – Режим доступа: <http://voennizdat.com/ychebn/ystav/Yshebystav37.pdf>.
27. *Танки в бою: Танки в Корейской войне 1950–1953 гг.* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tankyvbou.blogspot.ru/2013/02/1950-53.html>.

УДК 930.1(47)

В. В. Третьяков*

К ВОПРОСУ О СТАНОВЛЕНИИ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА П. Н. МИЛЮКОВА

В статье рассматриваются аспекты процесса формирования исторической концепции П. Н. Милюкова. Выделяются источники, позволяющие анализировать становление его исторической концепции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *П. Н. Милюков; русская историография; исторический процесс; историческая закономерность; идея параллелизма.*

V. V. Tretyakov

TO THE QUESTION OF FORMATION OF THE CONCEPT HISTORICAL PROCESS OF P.N. MILYUKOV

Aspects of process of formation of the historical concept of P. N. Milyukov are considered. The sources allowing to analyze formation of his historical concept are allocated.

KEYWORDS: *P. N. Milyukov; Russian historiography; historical process; historical regularity; idea of overlapping.*

Исторические и социологические взгляды русского историка Павла Николаевича Милюкова (1859–1943) обстоятельно рассмотрены в литературе. В советской историографии больший интерес вызывал Милюков-политик, а в его научных взглядах нередко замечали, прежде всего, выражение черт буржуазного мировоззрения. В последующие годы появилось много интересных работ об ученом, посвященных углубленному анализу его исторических взглядов. Однако и сегодня в отношении к научной позиции П. Н. Милюкова историки высказывают различные суждения, порой противоречивые. Один из сложных вопросов – формирование специфического подхода П. Н. Милюкова к изучению исторического процесса.

Под становлением концепции обычно понимают сколько-либо продолжительный период научного творчества, в течение которого у ученого постепенно складывалась своеобразная точка зрения на задачи

* *Третьяков Валерий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.*

исторического изучения и способы исторического построения цельного взгляда на исторический процесс. Таким образом, речь идет о формировании тех методологических установок, на основе которых П. Н. Милюков затем подготовил свой главный научный труд – «Очерки по истории русской культуры». Источниками в данном случае можно рассматривать три крупные работы П. Н. Милюкова – «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого», «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства» и «Главные течения русской исторической мысли». В этих работах, пусть и с разной степени глубиной, но все же просматривается одна из характерных черт методологической установки Милюкова-историка – стремление выработать такую исследовательскую позицию, с которой можно полноценно реализовывать главные задачи исторического изучения: видеть подвижность и текучесть исторических форм, выразить процессивный характер истории.

Хотя появились эти книги с разницей в несколько лет и посвящены они разным аспектам исторического знания, но все же отмеченная черта позволяет видеть в них общее. Конечно, стоит отметить особое значение книги «Главные течения». Здесь для нас особо важно то, что П. Н. Милюков не только анализирует историографическую ситуацию в России, но и прямо отмечает главные принципы, принятые им за основу построения собственной концепции исторического процесса.

В 1892 г. П. Н. Милюков защищает магистерскую диссертацию, материалы которой и были представлены в книге «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого» [1]. В этой работе содержится богатый материал, позволяющий характеризовать разные стороны подхода историка к источнику, его работу с фактом. Здесь пока еще нет тех развернутых положений автора, по которым можно основательно судить о его отношении к понятию исторического процесса, но все же можно выделить отдельные моменты, характеризующие взгляды молодого талантливого ученого на задачи исторического изучения.

В коротком введении он разъясняет свою исследовательскую позицию, как соответствующую современным задачам исторической науки: «на очередь, – замечает Милюков, – теперь поставлено изучение материальной стороны исторического процесса, тогда как прежде историки видели лишь культурную его сторону» [1, с. 11]. Как представляет читателям П. Н. Милюков образ культурной стороны Петровской реформы, созданный историками-предшественниками, об этом можно судить по отдельным высказываниям автора: пестрый костюм с причудливыми узорами; новомодный костюм и внешние формы жизни, «в ко-

торые реформатор облек себя и служилую Россию» [1, с. 543]. Конечно, в подобных оценках, да и в самом подходе автора еще не проявляется то значение культурной истории, какое П. Н. Милюков придавал ей во время подготовки «Очерков». Да и культурные явления в «Государственном хозяйстве» вырастают у него во многом из «материальных», появляются в связи с внешними причинами, не имеют собственных потенций.

Он замечает, что уже его предшественники для углубления в оценках реформ Петра обратили внимание на военную и дипломатическую стороны процесса реформирования России. Однако эти новые аспекты в добавление к прежнему (культурному), по мнению П. Н. Милюкова, лишь усложнили характеристику реформы, но не дали нового взгляда. Автор полагает, что проделанная им работа позволяет раскрыть такую сторону реформы, которая прежде практически была не известна; однако и эта сторона является только одним аспектом русского исторического процесса: «представляя этот взгляд, мы меньше всего думали заменить им другие или дать оценку реформы во всей ее совокупности» [1, с. 546]. Но как же тогда вообще судить об историческом процессе?

Во введении к «Государственному хозяйству» П. Н. Милюков пишет, что новое знание может быть связано с изменением самого предмета исследования – с выяснением связей между отдельными составляющими исторического процесса. Так, он замечает, что отдельные аспекты исторического процесса (военный и культурный, в частности) «конечно, могут соприкасаться, и даже оказывать взаимное влияние, но во все не состоять в необходимой внутренней связи: относительно каждой, следовательно, возможны и законны особые заключения... первое должно объясняться историей европейской политики, второе – историей русской цивилизации» [1, с. 545]. Здесь уже можно заметить основания идеи, которая в дальнейшем будет обстоятельно развернута П. Н. Милюковым – идеи параллелизма как исследовательского принципа. И, к тому же, проявляется его установка на то, что анализ параллельных процессов предполагает выход за границы чисто фактологического исследования и построение соответствующей социологической позиции. Эти мысли П. Н. Милюкова можно подтвердить его же примером параллелизма процессов истории военных округов XVII в. и истории округов финансовых: он приходит к выводу о том, что, имея одинаковую тенденцию – концентрацию управления, – эти взаимно связанные процессы вызвали противоречивые результаты [1, с. 249-250].

Одним из интересных моментов диссертации П. Н. Милюкова стали авторские характеристики хода петровских преобразований, его

оценки роли Петра в деле преобразования России. Объясняя конкретные шаги реформаторов, П. Н. Милюков проводит мысль, «что цели реформы сами собой указывались тогдашним положением дел, а средства ее были выработаны коллективным обсуждением иностранных и русских советчиков» [1, с. 538]. Полагая, что движущей пружиной преобразований Петра выступали финансовые затруднения, стараясь показать ход реформы в связи с историей государственного хозяйства России, П. Н. Милюков дает следующую оценку административной реформы: «Не личная инициатива и не исторические прецеденты вызвали эту реформу, хотя тот и другой элемент в ней соединились: ее вызвали текущие потребности минуты, в свою очередь созданные и личной инициативой и историческими прецедентами» [1, с. 545].

Диссертация принесла П. Н. Милюкову научную известность. Как проявивший себя талантливый молодой ученый, он по поручению Императорской Академии наук пишет рецензию на книгу А. С. Лаппо-Данилевского «Организация прямого обложения в Московском государстве». Подготовленная рецензия была развернута автором в монографию «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства», получившую признание историков. Эта книга, правда, не столь широко известна как «Государственное хозяйство». Но в ней более четко, чем в диссертации, П. Н. Милюковым обозначены некоторые пункты собственной исследовательской позиции. Этому способствовал и полемический характер изложения материала. Отметим отдельные положения «Спорных вопросов», характеризующие взгляды П. Н. Милюкова.

В своеобразном введении в критически острых замечаниях на работу коллеги П. Н. Милюков говорит, что Лаппо-Данилевский рассматривает финансовую историю России как важнейшую сторону русского исторического процесса и именно с этой точки зрения намеревается показать особенности русской национальной истории. Однако, во-первых, мы видели выше, что сам П. Н. Милюков выступает за многофакторный подход при оценках исторического процесса, потому вполне понятен его своеобразный скептицизм в отношении цели Лаппо-Данилевского – объяснить специфические особенности русской национальной истории через один ее аспект. Во-вторых, в связи с этим можно рассматривать и замечание П. Н. Милюкова о сложном характере причинных отношений между фактами, относимыми историком к отдельным сторонам исторического процесса, о сложных причинно-следственных связях между ними. По логике П. Н. Милюкова Лаппо-Данилевский выстроил одностороннюю зависимость, почему неизбежны и сложности с объяснением исторической ситуации, а в результате: «Как видим, “характерные чер-

ты” русской истории ... не объясняются, а сами употребляются для объяснения особенностей нашей финансовой истории» [2, с. 3].

Можно заметить и другой интересный момент позиции П. Н. Милюкова, обозначенный им во введении к «Спорным вопросам». Дело в том, что Лаппо-Данилевский принялся за изучение финансовой системы Московского государства XVII в., считая сложившийся в эту эпоху порядок наиболее специфическим явлением русской национальной истории. Поскольку, полагает Лаппо-Данилевский, в XVII в. развитие великорусской национальности было односторонним и проявилось главным образом в «...росте правительственных органов и их функций, а не в историческом разностороннем движении всей совокупности народных сил», то и «...изучение XVII в. сводится, главным образом, к ознакомлению с его правительственной историей» [2, с. 3]; здесь-то, по мысли Лаппо-Данилевского, и формируется яркий, определенный и специфический государственный тип. П. Н. Милюков подвергает критике такой взгляд на исторический процесс: как же соотносятся прошлое и настоящее, и как объяснять будущее состояние, – как бы задает он вполне справедливый вопрос? Критикуя идею устойчивого исторического типа, П. Н. Милюков замечает: «преувеличивая “устойчивость” явлений, исследователь рискует утратить необходимую гибкость мысли и остроту зрения; следя за единством типа, историк рискует пропустить главное, что подлежит историческому изучению: разнообразие, сложность и подвижность исторического процесса» [2, с. 4].

В приведенном положении заметно и сделанное П. Н. Милюковым уточнение его взгляда на позиции исследователя истории: важными являются факты, тенденции, параллельные процессы и связи состояний, но на первый план выведен динамический аспект истории. Здесь и далее П. Н. Милюков замечает, что в книге Лаппо-Данилевского изображение исторического процесса фрагментарно, что важнее, поставив задачу изучения **формальной** организации финансовой системы Московии, он в итоге сможет показать «...не финансовую *историю* XVII в., а именно финансовую *систему*, не процесс, а устройство» [2, с. 5]. П. Н. Милюков замечает, что изучать механизм системы в его функционировании – еще не значит вставить на «динамическую» точку зрения. Пусть черты такой точки зрения в «Спорных вопросах» П. Н. Милюковым намечены весьма образно, но он красноречиво показал сложности, с которыми сталкивается исследователь, пытающийся примирить «однообразную схему» и «живую ткань соотношений»: «При изображении схемы непригодны индивидуальные факты и случайные черты. При изображении жизни все это нужно; но по жизни нельзя судить о схеме. Автор недостаточно оценил, как нам кажется,

несовместимость этих условий; слишком часто он клеит свою картину порядка из единичных исключений, понятных только на своем месте; отрывая их от этого места, он лишает их индивидуального смысла, но не может часто найти в них и смысла общего» [2, с. 7–8].

Нужно так же обратить внимание на акцентуацию важной роли социологических обобщений, без чего, как полагает П. Н. Милюков, историческая действительность не может быть понята: в результате, порядок будет представляться как полный хаос, а исторические формы будут представать своей бесформенностью. По мысли П. Н. Милюкова, без такого рода обобщений сами суждения об определенных сторонах исторического процесса будут затруднительны. В пример здесь можно выставить рассуждения П. Н. Милюкова о некотором несоответствии между заявленной темой и содержанием книги Лаппо-Данилевского, о проблематичности избранного автором способа изложения материала [2, с. 4–7].

Итак, в обеих отмеченных работах ясно выделяются отдельные аспекты научных взглядов П. Н. Милюкова, которые в последующем – в «Очерках по истории русской культуры» – получают свое развитие. Но задолго до «Очерков» многие вопросы методологического характера нашли свое выражение в других трудах П. Н. Милюкова, на одном из которых, подготовленных уже Милюковым-преподавателем, следует остановиться особо.

Книга «Главные течения русской исторической мысли» была подготовлена на основе материалов учебного курса, прочитанного П. Н. Милюковым студентам Московского университета в 1886–1887 учебном году [3]. Книга эта не раз переиздавалась, но каждый раз П. Н. Милюков отмечал незыблемость изначально обозначенных в ней общетеоретических позиций автора и характеристик, данных русским историкам. Интересно, что сам П. Н. Милюков рассматривал работу над книгой в то же время и средством уточнения избранного им направления исторического изучения [4, с. III–IV]. Мы же можем заметить, что в этой работе получили дальнейшее развитие отдельные уже известные нам взгляды П. Н. Милюкова и, что более важно, были обоснованы новые положения, позволяющие судить об основаниях методологических позиций автора.

Среди основных идей, которыми руководствуется П. Н. Милюков в «Главных течениях», можно выделить идею исторической закономерности (ее можно выводить из стремления Милюкова-историка к освоению возможностей социологической интерпретации), идею развития (ее можно выводить из поиска П. Н. Милюковым отношения прошлое – настоящее, где настоящее рассматривается вырастающем из прошлого

как внутренне обусловленное и закономерное, как имеющее внутреннюю потенцию), идею становления (она хорошо иллюстрируется отношением П. Н. Милюкова к проблеме начала истории) и др.

Обратим внимание на исходный момент милюковской концепции развития русской историографии в XIX в.: распространение философского взгляда на историю стало результатом «...того умственного брожения, которое охватило Европу в начале нашего века» [3, с. 256]. Этот процесс, согласно П. Н. Милюкову, и выразился, прежде всего, в росте внимания к идее исторической закономерности. Эта идея встречается уже в литературе XVI в. но лишь в конце XVIII – начале XIX вв. складывается такое философское понимание закона, которое стало приемлемым для научного объяснения исторического процесса. Теперь внимание обращали не столько на историю законодательства или государственных учреждений, сколько на историю стихийных народных процессов, в которых нет целесообразности, но видна закономерность, следовательно, «...легче подслушать мерный ход последующего развития» [3, с. 260].

Обобщая ситуацию в отечественной историографии, П. Н. Милюков замечает, что русские историки до середины XIX в. при изучении исторического процесса предпочитали рассматривать связь настоящего с прошлым как порожденную внешними к самим историческим явлениям силами. Конечно, любое явление можно показать как продукт деятельности людей, но от внимания исследователей ускользало объяснение (да и представлялось ли это важным?) связи весьма разнообразных продуктов, выстраивающихся к тому же в определенном порядке. Как следствие, сам процесс истории оставался не объясняемым. Для объяснения же требовалось применить к истории идею исторического движения и подвижности социальных форм. Вот эта последняя идея, согласно взглядам П. Н. Милюкова, была принята русскими историками при освоении ими идей западной философской мысли и историографии, прежде всего – эволюционного подхода к объяснению всеобщих связей вещей. Уже в первой половине XIX в. историзм стал знаменем западной науки, и в философии Канта, Гегеля, Шеллинга историки искали обоснование идеи исторического развития.

То, что философские идеи Шеллинга привлекали внимание П. Н. Милюкова, нетрудно заметить именно в «Главных течениях». Симпатии Милюкова вызывал шеллингов подход к решению познавательных задач. В частности, он отмечает, что если Кант обосновал необходимость выводить высшее из внутреннего, а Фихте признал наше духовное единственным началом, то Шеллинг пошел дальше: он видит все сущее, природу и дух в общем их начале. Шеллинг нашел, что по-

добное можно познать только подобным: посредством сознания можно познать только сознание. Но, следовательно, мир есть видоизмененное сознание. Если все сущее должно быть познаваемо в духе, а это возможно только если законы познающего духа согласны с законами бытия явлений, то формы знания согласны с формами бытия и могут служить друг другу взаимным объяснением [3, с. 311].

Придавая особое значение философскому методу познания истории, П. Н. Милюков принимает положения Шеллинга о единстве и тождестве законов обоих миров, идеального и вещного, знания и бытия. Интерпретируя позиции автора «Системы трансцендентального идеализма», П. Н. Милюков обращается к положению Шеллинга о противоположности теории и истории [4, с. 321]. Разъясняя это положение, он добавляет: что по Шеллингу теоретически обосновать исторический процесс невозможно, ибо история есть субъективная человеческая иллюзия; объективно истории не существует, как не существует и реального мира. Существует только абсолютное, бесконечно добывающееся полного сознания самого себя. Не сознающий себя мировой дух творит реальные явления природы. Так же и не сознавший себя человеческий дух создает в истории нечто реальное, внешнее себе, именно правовой порядок. Не сознавая своего тождества с созданной им общественной формой, человеческий дух вступает в противоречие с этой формой, как несовместимой с его сознанием внутренней свободы. Таким образом, история на первой ступени является внешним духу стеснением его свободы, необходимостью, судьбой, а дальнейшее развитие истории состоит в постепенном примирении и слиянии этой внешней необходимости с внутренней свободой [3, с. 320]. Есть ли закономерность в историческом процессе или там господствует произвол; если признается закономерность в истории, то как же быть с идеей личной свободы; если признать исторический процесс цельным, то как же следует его изучать – вот те вопросы, которые, по мнению П. Н. Милюкова, стали основанием для возникновения новой историографии.

В то же время, обратившись к историографии 20-х – 30-х XIX гг., анализируя научные позиции Погодина, Лебедева, Полевого и других историков, П. Н. Милюков в «Главных течениях» намечает три главных вопроса, решение которых, по его мнению, выступает основанием для становления «научной истории»: вопрос о методе исследования исторического процесса (в «Главных течениях» он рассматривает метод параллелизма), вопрос о факторах исторического процесса (здесь он обращает внимание на ряд положительных результатов, полученных при обращении историков к учету факторов «психологических условий» и физико-географических условий) и вопрос о соотношении всемирной и

национальной истории. Отвечая на эти вопросы в последующих своих трудах, П. Н. Миллюков сформировал те теоретические и методологические основания, которые послужили базой для подготовки его главного труда – «Очерки по истории русской культуры».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Миллюков П.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. – 2-е изд.. – СПб. : Книгоизд-во М. В. Пирожкова, 1905. – 679 с.
2. *Миллюков П.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. – СПб. : Тип-ия Имп. Академии наук, 1892. – 183 с.
3. *Миллюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. – М. : Изд-во ГПИБР, 2006. – 400 с. [Книга переиздана по изданию 1913 г.].
4. *Миллюков П. Н.* Главные течения русской исторической мысли. – 2-е изд. – М. : Русская мысль, 1898. – 396 с.

УДК 316.74

А. Е. Кацаев*

КЛИПОВОЕ МЫШЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОЦЕНКИ

Статья посвящена малоисследованной проблеме клипового мышления и сознания. Рассмотрены основные свойства, стороны клипового мышления, его влияние на качество интеллектуальной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сознание; мышление; клип; клиповое мышление; понятийное мышление; образ мира.

A. E. Kaschaev

CLIPS IN INTELLECTION: PROBLEMS AND ASSESSMENTS

The article is devoted to the little studied problem of clip thinking and consciousness. The main properties, aspects of clip-on thinking, its influence on the quality of intellectual activity are considered.

KEYWORDS: consciousness; thinking; clip; clip-on thinking; conceptual thinking; the image of the world.

В настоящее время форма сознания, получившего название клипового, стала весьма актуальна как в теоретическом, так и в практическом плане, поскольку все ощутимее начинает сказываться его негативное влияние на качество подготовки школьников и студентов, на уровень научного творчества.

Проблемы клипового мышления (далее – КМ) начинают давать о себе знать еще в 1960-е гг. прошлого столетия, когда широкое распространение получило телевидение, стала заметна тенденция снижения интереса молодежи к чтению. Чаще всего это явление трактовалось как болезнь роста и особой тревоги в педагогических и образовательных системах не вызывала. В настоящее время форма сознания, получившего название клипового, стала весьма актуальной как в теоретическом, так и в практическом плане, поскольку все ощутимее начинает сказыв-

* *Кацаев Александр Евграфович, доктор философских наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения.*

ваться его негативное влияние на качество подготовки школьников и студентов, на уровень научного творчества.

В последнее десятилетие стали появляться работы популярно-публицистического и научного характера, в которых предпринимается попытка разобраться в этом феномене. Одной их серьезных работ последнего времени стала книга российского философа Ф. И. Гиренка «Клиповое сознание». Ф. И. Гиренок впервые в научной и философской литературе разрабатывает концепт клипового сознания (далее – КС) и показывает его связь с виртуальной реальностью. КС рассматривается автором не как знание, а как аффективное действие. Для него существует не мир, а образ мира, для него мыслить – это значит быстро мыслить. В нем важна не логика, а реальность. В книге делается достаточно интересная попытка показать, как работает клиповое сознание в философии, в науке, в искусстве, в образовании и политике [1].

Термин «клиповое сознание» ввел в обиход Элвин Тоффлер, американский философ, футуролог и социолог. Оно формирует такие уникальные формы восприятия, как «зеппинг», когда путем безостановочного переключения каналов телевидения создается новый образ, состоящий из обрывков информации и осколков впечатлений. Этот образ не требует подключения воображения, рефлексии, осмысления, здесь все время происходит «перезагрузка», «обновление» информации, когда все первоначально увиденное без временного разрыва утрачивает свое значение, устаревает. Он также ввел термин «блип-культура», («blip» – выброс сигнала) означающий фрагментарно-мозаичный характер представлений о мире, возникающих у постоянных потребителей аудиовизуальной электронной информации в условиях ее демассификации, причем хаотичность блип-культурной информации с трудом укладывается в сознании людей, привыкших к логической стройности и целостности массовых вещательных программ [2].

В ходе своего развития и распространения идея Тоффлера породила достаточно много мифов. Люди стали считать, что это особенность представителей современного общества. На самом деле она существовала всегда. В тех же Соединенных Штатах еще в XIX столетии возник стандарт журналистики, получивший название «перевернутая пирамида», который подразумевал подачу информации так, чтобы все стало ясно еще только при прочтении заголовка и подзаголовка. Те читатели, которые не разобрались, о чем идет речь в содержании новости, могут прочитать лид – несколько строк, которые поясняют основные моменты. Кто-то может прочитать всю статью целиком. Чтение можно прервать в любой момент и в этот момент возникает иллюзия того, что все ясно, хотя на самом деле – это очень сомнительно [3].

Общепризнанным является факт доминирования визуального на современном этапе развития культуры в отличие от предшествующих периодов. А феномен, сходный с метаморфозами процесса современного чтения, видимо, возник с появлением монтажа в кино. Монтаж прерывал линейность изображения-повествования, к которой европейская и американская публика была приучена печатными текстами, и вводил дискретность, столь непривычную для ранних кинозрителей. Т. Черниговская отмечает, что картинки все чаще начинают заменять собой тексты в публичном пространстве, как она полагает, дело в том, что мы «стали использовать другой способ чтения. Это нелинейное чтение» [4].

В книге «Галактика Гутенберга» канадский философ Маршалл Маклюэн, определяя предпосылки появления клипового мышления (далее – КМ), приходит к еще более радикальному выводу: «...общество, находясь на современном этапе развития, трансформируется в “электронное общество” или “глобальную деревню” и задает, посредством электронных средств коммуникации, многомерное восприятие мира. Развитие электронных средств коммуникации возвращает человеческое мышление к дотекстовой эпохе, и линейная последовательность знаков перестает быть базой культуры» [5, с. 127].

Одной из причин появления КМ становится объективный процесс ускорения социально-экономического развития общества в силу непрерывного развития производительных сил, совершенствования техники и технологических процессов, широкого использования вычислительной техники, комплексной механизации и автоматизации, оптимизации трудовой деятельности и т. д. Обобщенным показателем социально-экономического ускорения служит рост информации. Соответственно этому процессу осуществляется ускоренное нарастание информации. За каких-то 20 лет поток информации удвоился в 120 раз и в дальнейшем информации будет расти лавинообразно. Можно предположить, что станет с сознанием человечества примерно через сто лет. Количество разнообразных данных, поступающих в мозг человека, увеличится в 1200 раз! Что будет с человеком? Превратится ли он в киборга или его мозг взорвется?

Другой причиной и условием появления КМ стало широкое распространение и влияние электронных средств массовой информации и коммуникации, которые позволяют человеку быть в гуще событий, получать любую информацию и в любом количестве, экономить огромное количество времени на чтение книг, газет, статей и т. д.

Несомненно, наиболее широко КМ распространено среди молодежи, прежде всего школьников и студентов. Так, на формирование КМ у учащихся влияет социальная неэффективность образования – участие

шиеся случаи несовпадения образованности и успешности, общее отставание системы образования от требований жизни. Упадок среднего образования наблюдается во многих странах мира, включая Россию, несмотря на инвестиции в эту сферу. Многие учащиеся и студенты, выросшие в эпоху высоких технологий, по-другому смотрят на мир, не чувствуют потребности в книгах, поскольку вынуждены приспосабливаться к новому типу восприятия и темпу жизни. Считается, что за последний век скорость изменений вокруг человека увеличилась в 50 раз, то вполне естественно, что возникают и другие способы переработки информации. Тем более, что они поддерживаются с помощью телевизора, компьютера, интернета.

Немаловажное значение имеет тот факт, что «клиповый тип» сознания и поведения является следствием влияния моды и масс-культуры и отмирания (увядания) воспитательной функции школы. Отмеченные факторы вместе с рекламируемой ленью и праздностью также оказывают заметное влияние на мышление и поведение взрослых и молодежи, хотя эти факторы являются не определяющими.

КМ противостоит линейности понятийного мышления, для которого характерен строгий порядок языковой коммуникации. Поэтому человек с КМ стремится свести присутствие языка к минимуму, для него комфортно существовать в пространстве коротких и информативных постов в социальной сети. Суть отношений с языком уловил Ф. Ницше, а в России – В. В. Розанов, который записывал свои мысли на отдельных листочках, а потом собирал их вместе и издавал. Получались книги с характерными названиями «Опавшие листья» (Короб первый, второй), «Последние листья». В этом проявляется отступление от линейного текста и воспроизведение шелеста бытия, в котором звучит множество смыслов. Ф. И. Гиренок делает вывод, что языковой минимализм – первый признак КС. Вторым признаком КС он называет обращение не к опыту, а к воображению [1, с. 127].

На протяжении всей истории, человечество стремилось подчинить свое сознание логике понятий, движению понятий в их развертывании и диалектической взаимосвязи. Высшим достижением последовательности развития мышления в его понятийном развертывании всегда был текст (былина, летопись, книга, рукопись), в котором предложения, устойчивые словосочетания не должны прерываться. Нарушение последовательности изложения текста, разрыв предложений ведет к хаосу мысли, следовательно, к неадекватной оценке социального бытия, окружающей среды. Возникновение и существование КС и есть манифестация мыслительного хаоса. КС, таким образом, есть разрыв логического мышления, нарушение процесса развертывания понятий, значит и

ступень к разрушению содержания сознания. Внешним признаком клипового сознания является отсутствие или слабое проявление символического сознания.

Несмотря на колоссальные изменения в науке, технике, социальной жизни, содержание сознания не изменялось, оставалось понятийным [1, с. 88].

Понятие «КМ» стало оформляться примерно в середине девяностых годов. Сначала это словосочетание означало восприятие человеком коротких ярких образов, появляющихся в СМИ: телепередачах, новостях, видеороликах, газетах и т. п. Термин «клип» (англ. «clip») означает отрезок чего-либо (стрижка, отрывок, фрагмент). Это может быть короткий видеоролик, отрывок фильма или газеты. Слово «clipping» часто обозначает подборку газетных вырезок на определенную тему. Клиповое сознание людей напоминает подобную подборку отрывков разнородной информации из разных источников только не связанных между собой ни логически, ни тематически. для наглядности клиповое сознание можно соотнести с принципами построения музыкальных клипов, к тем их разновидностям, где видеоряд представляет собой слабо связанный между собой набор образов [6; 7].

Clipping более всего характерен не для глубинного, а скоростного типа мышления. Это в большей степени применимо к молодежи, которая воспринимает мир в форме преимущественно ярких образов ли кратких красочных текстов. Ускорение социально-экономического развития на всех его уровнях не дает возможности людям остановиться, передохнуть, осмыслить окружающее. С появлением новых гаджетов и скоростного Интернета становится все сложнее мыслить понятийно, а не «клипово».

Клип – это часть без отсылки к целому. Если бы она отсылала к целому, то тогда она являлась бы символом, а не клипом. Но эта часть не отсылает также и к другой части. Если бы она отсылала к другой части, то тогда она была бы знаком. Но клип – это и не знак. Это часть, которая отсылает к самой себе. А это значит, что у нее нет горизонта ни вовне ее, ни внутри ее. Клип избавляет сознание от необходимости обобщать. В нем общее предстоит осязательно. Посредством клипа сознание пытается проникнуть за пределы языка для осязательного прикосновения к миру. При этом сознание фрагментируется, ибо оно попадает в зеркальную комнату, в которой видит только свое отражение [7].

Внешние признаки КМ.

Поспешность в выводах. Клиповость требует, если думать, то думать быстро. В стороне остается вдумчивость, сосредоточенность или проницательность.

Языковой минимализм. Короткометражность присущая КМ, отражается и в речи говорящего. Мышление картинками не позволяет учиться формулировать свои мысли. А словарный запас не пополняется, поскольку его объем напрямую зависит от количества и глубины прочитанного и осмысленного в жизни. В лучшем случае носители КМ прибегают к цитированию фраз из кино и мультипликационных фильмов, афоризмов с картинок в соцсетях и т. п.

Бедность эмоций. Человек с КМ все более и более превращается в разновидность технического существа с определенным набором способностей (компетенций), чем в полноценную личность. Постепенно у него теряется способность к сочувствию, сопереживанию, состраданию, так как для этого нужно представлять себя на месте другого человека и стараться понять его. А это требует использования воображения, логики, анализа и т. д. Этому способствует также нескончаемый поток картин жесткости и насилия, льющийся ежедневно с экранов телевизоров и компьютеров, что не позволяют человеку успевать посочувствовать жертвам трагедий.

Снижение способности к запоминанию. Поскольку мозг пропускает и утилизирует огромнейшую все возрастающую в объемах устаревшую информацию, то следствием этого становится определенное увеличение объема кратковременной (рабочей, оперативной) памяти, с одновременным уменьшением долговременной памяти. Такому человеку трудно осуществлять прогнозирование, планирование, нести ответственность за свои поступки, накапливать и передавать опыт.

КМ не безвредно. Люди постоянно смотрят телевизор, прикованы к Интернету, сотовому телефону или планшету. Компьютер стал неотъемлемым атрибутом как рабочего, так и свободного времени. Если зависимость от компьютера (планшета, айфона и т. д.) будет расти такими же темпами как сейчас, КМ станет преобладающим, что приведет к отсутствию способности анализировать окружающее, вдумываться в смысл того, что происходит на самом деле. При просмотре фильма человек с клиповым сознанием видит только картинку, не утруждая себя размышлением о внутреннем мире героев, их чувствах, настроениях, мотивации поступков и т. д. Читая книгу, у человека просыпается фантазия, обогащается его эмоциональный мир. Вместо выстраивания образной системы, развития фантазии, обогащения эмоционального мира, как это происходит при чтении книг, идет прямое восприятие информации.

Итак, что представляет собой феномен клипового сознания?

Современный человек практически постоянно находится под воздействием постоянно увеличивающегося бесконечного потока информации. Как правило, мы ее получаем маленькими дозами, короткими

новостями, кусочками, фразами, яркими картинками, фрагментами, т. е. клипами, которые засасывают человека, делают его зависимым от этой информации, если даже в значительной степени она ненужная. Переосмыслить, систематизировать этот поток становится все сложнее. Более того, люди привыкают к обезличенному существованию в нем. Так формируется поколение людей с КМ.

Для человека с КМ сложно или невозможно освоить объемную книгу с витиеватым языком и пространными описаниями. Куда проще прочитать дайджест, или лучше вообще ничего не читать, тем самым сэкономить умственные усилия. В лучшем случае чтение заменяется интернет-мемами, подборками мудрых мыслей и цитат великих людей.

Такому трудно человеку воспринимать глубоко содержательное кино, которое к тому же длится долгое время. Легко воспринимаются так называемые блокбастеры (фильмы-клоны), в которых нередко отсутствуют причинно-следственные связи, логичность, но зато много динамики, взрывов, убийств, секса, кровавой натуральности и немногословности. Эти фильмы быстро рождаются и быстро умирают, не оставляя о себе воспоминаний. КМ не нуждается в том, чтобы глубоко проникать в суть вещей, тратить много времени и усилий. КМ лишено способности осуществлять аналитические процедуры, выявлять причинно-следственные связи, поскольку оно формируется из мало или несвязанных между собой отрывков. Глубокий мыслительный процесс заменяется постоянно сменяющимися друг друга визуальными и иными перцептивными раздражителями. Такой способ мышления легко сменяет усилия по углубленному чтению на восприятие ярких визуальных образов.

Современный человек буквально тонет в море информации, непрерывно поступающей из телевизоров, компьютеров, планшетов, телефонов, рекламных щитов, баннеров и т. п. Человек становится ее заложником потребления. Круговорот ярких картинок формирует КМ. Вместо предполагаемой свободы в выборе и использовании информации он оказывается в весьма ограниченном и содержательно скудном информационном поле.

Потребность интеллекта в глубоком познании, упражнениях воображения, анализе отпадает сама собой. Интеллект, сотканный из множества клипов, быстро утомляется, он требует сжатой, «цветной» информации, которую (по аналогии с пищеварительным процессом) легко проглотить и усвоить. Душу человека с клиповым сознанием не трогают шедевры мирового искусства, поскольку они слишком сложны для восприятия, требуют обширных знаний в области истории развития искусства. К тому же в современном мире погони за прибылью эти познания становятся бесполезными, так не приносят видимой выгоды.

КМ делает человека бесчувственным. Все происходящее вокруг сводится к короткой новостной строке на телевидении или в Интернете. Сегодня убили столько-то человек, завтра еще столько-то и все это внедряется в сознание между рекламой прокладок, туалетной бумаги и дорогих автомобилей. Убийство человека, перестрелка с жертвами, бомбардировка Израилем иранских военных объектов в Сирии воспринимается нередко как очередные клипы и только.

КМ функционирует на базе постоянно действующих внешних раздражителей, так как оно не может существовать автономно, поскольку оно само себя пожирает и тем самым нуждается во все новых клиповых дозах. Человеку с таким сознанием очень трудно, дискомфортно, а иногда страшно оставаться наедине с собой без сотового телефона, телевизора, компьютера.

КМ не затрагивают онтологические вопросы. Есть предположения, что со временем такое сознание станет единственно возможным. Чтобы этого не случилось, следует сопротивляться: напрягать мозги и правильно воспитывать детей. Чтение, живое общение, путешествия, пребывание на природе – все это помогает сознанию расширять собственные границы до бесконечности. Жизнь должна жить, а не становиться одним из фрагментов клипа i[5].

Обладатель КМ оперирует только смыслами фиксированной длины и не может работать с семиотическими структурами произвольной сложности. Внешне это проявляется в том, что человек не в состоянии длительное время сосредотачиваться на какой-либо информации из-за снижения способности к анализу.

КМ вырабатывается при длительном потреблении информации в мозаичном и препарированном виде через музыкальные каналы и СМИ. КМ – небезвредно, прежде всего потому, что оно негативно отражается на качестве учебного процесса. Нынешние школьники и студенты с трудом осиливают обязательный для обучения минимум классической литературы.

Однако имеются и иные точки зрения на КМ.

Клиповое мышление – это приобретенное качество, которое формируется на основе изменяющихся условий существования и ритма жизни. Особенности «клиповости» являются быстрота обработки данных, преобладание визуального восприятия, проблемы с восприятием длительной линейной последовательности и однородной информации. Это прямо противоположно понятийному мышлению, описанному Л. С. Выготским, которое позволяет человеку находить и выделять существенные признаки предметов, легко углубляться в информацию и осуществлять ее аналитический обзор. Тот, кто обладает понятийным

типом мышления, досконально изучает и анализирует информацию, однако из-за этого времени на обработку уходит больше. Таких людей психологи часто называют «людьми книги».

В условиях ускоренного ритма человеку необходимо быть многозадачным и способным выполнять одновременно несколько действий. Информация поступает хаотичными потоками, и у человека не всегда остается время для глубокого и сосредоточенного анализа. Как отмечает психолог С. Ю. Кличников, клиповое мышление выступает в роли «фильтра» перед информационными перегрузками [8].

Безусловно, применение клипового мышления помогает человеку быстрее запоминать информацию, что может помочь ему, например, в изучении иностранных языков или быстром запоминании небольших объемов данных. Правда, как отмечает Т. В. Семеновских оно помогает лишь запомнить некие «маркеры»-термины, слова, но общего понимания не дает [3].

Валерий Опойцев, доктор физико-математических наук, профессор МФТИ – один из тех ученых и педагогов, который утверждает, нет ничего фундаментально страшного в клиповом мышлении. В современном мире люди с клиповым мышлением уходят с тех «глубин», на которых им просто неинтересно, и довольствуются поверхностными фактами. Однако, по его мнению, даже наука и цивилизация поверхностны. Как отмечает профессор, об этом еще в XX в. говорил австрийский математик К. Гедель в своей теории о неполноте, смысл которой сводится к тому, что даже если мы опишем очевидные истины и постараемся построить на них всю систему знания, все равно найдутся утверждения, которые нельзя будет подтвердить или опровергнуть. Выходит, что даже наука не спускается «достаточно глубоко», а лишь стремится к этому [9].

В то же время, чтобы не стать слепым заложником КМ, ученые предлагают различные методики и тренинги, посвященных его преодолению. В частности, немало методик направлено на концентрацию внимания. Исследователи предлагают ежедневно анализировать даже очевидные, на первый взгляд, вещи. Так, закон эмоций гласит, что для лучшего запоминания достаточно получить яркие впечатления о заданном предмете. Самым известным человеком, использовавшим данное правило, был президент США Ф. Д. Рузвельт. Он всегда сохранял отличную концентрацию внимания. Все, что он прочитывал, запоминал почти дословно. Секрет данной методики развития памяти у взрослых сокрыт в необходимости полностью сосредоточиться, хотя бы ненадолго, на нужной информации. Именно в этом случае она запомнится лучше, чем если долго размышлять о ней и отвлекаться. Удивительную ме-

тодику оставил после себя император Наполеон. Он отлично помнил на смотре войск расположение каждого своего бойца и его фамилию. Секрет его запоминания имени человека состоял в том, чтобы получить о нем более яркое впечатление, например, спросив, как пишется его фамилия. Президент США Линкольн имел свою методику запоминания: он читал вслух то, что было важно помнить. Получается, что нужно задействовать как можно больше органов чувств. Это позволяет достаточно эффективно повлиять на развитие памяти у взрослых. Упражнения, которые строятся на задействовании нескольких чувств, рекомендуются большинством психологов. К примеру, чтобы запомнить, достаточно записать, а затем мысленно представить написанное. Марк Твен часто читал лекции. Чтобы запомнить длинный текст, он записывал пару слов с начала каждого абзаца. Перед выступлением Твен повторял всю лекцию, используя эту шпаргалку [10].

Однако самым доступным и эффективным методом является чтение. Оно позволяет видеть весь контекст и предлагает возможность самому анализировать полученную информацию.

Существует еще одна методика Л. И. Ястребовой для развития собственного мышления. Она основана на алгоритме работы «Анализируй – Структурируй – Систематизируй – Синтезируй – Анализируй», который предполагает:

- 1) анализировать, а именно: исследовать проблему;
- 2) структурировать, находить отдельные элементы видимого явления, процесса, ситуации;
- 3) систематизировать, отслеживать взаимосвязи полученных элементов;
- 4) синтезировать, пытаться увидеть единую картину во «взаимодействии» найденных элементов;
- 5) анализировать, оценивать полученный результат [10].

В любом вопросе нужно искать противоположный взгляд. Обсуждение и участие в дискуссионных клубах и круглых столах делает человека трезвомыслящим. Причем лучше всего участвовать именно в дискуссиях, а не в полемике. В процессе полемики люди просто отстаивают свою позицию и хотят победить, участники же дискуссии защищают свои точки зрения, но пытаются понять друг друга и найти истину. Важны и полемика, и дискуссия, но именно второе развивает умение и желание думать.

День отдыха от информации, когда нужно ограничить себя в потреблении информации. В этот день ничего нельзя смотреть или читать. Потребление заменяется созиданием и творчеством: можно рисовать, писать, общаться с природой и т. д.

Таким образом, феномен КМ в сегодняшнем мире пока еще достаточно исследован, в общественном сознании оно оценивается преимущественно негативно, поскольку вступает в противоречие с нормами и ценности предыдущей многовековой культуры, развивавшейся на основе строго понятийного мышления, опирающегося на текст (книгу). Однако поспешные уничижительные или сугубо отрицательные оценки делать в отношении КМ, представляется неверным. Возможно, мы стоим перед новым «коперникианским» мировоззренческим и методологическим переворотом. Оптимальный путь к раскрытию сущности КМ и тенденций его развития, функциональных последствий возможен, по нашему мнению, только на стыке философии, социологии, психологии, медицины, экономической теории, демографии, истории науки и техники и с опорой на системный подход, теорию систем, в частности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гиренок Ф. И.* Клиповое сознание: клипы в науке, клипы в философии, клипы в политике, клипы в искусстве, клипы в образовании, неклиповое / Ф. И. Гиренок. – М. : Проспект, 2016. – 256 с.
2. *Тоффлер Э.* Шок будущего: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 2002. – 557 с.; *Его же:* Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века: пер. с англ. / Э. Тоффлер. – М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. Разд. 22, 25, 27. – 669 с.
3. *Семеновских Т. В.* Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде [Электронный ресурс] / Т. В. Семеновских // Naukovedenie.ru. – Интернет-журнал «Науковедение». Научный журнал открытого доступа. – 2016. – Вып. 5 (сентябрь, октябрь). – Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf>.
4. *Черниговская Т.* Распределенное сознание [Электронный ресурс] / Т. Черниговская. – Режим доступа: <http://theoryandpractice.ru/posts/7582-chernigovskaya>.
5. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего: пер. с англ. / М. Маклюэн. – М. : Академический проект, 2005. – 464 с.
6. *Фридман О.* Клиповое сознание [Электронный ресурс] / О. Фридман. – Режим доступа: <http://shkolazhizni.ru/psychology/articles/8011/hkolazhizni.ru>.
7. *Садовничий С.* На игле клипового сознания [Электронный ресурс] / С. Садовничий. – Режим доступа: <http://www.cablook.com/mirror/na-igle-klipovogo-soznaniya/>.
8. *Кличников С. Ю.* Мастер жизни. Психологическая защита в социуме / С. Ю. Кличников. – М. : Беловодье, 2001. – 592 с.
9. *Опойцев В.* Клиповое мышление -манипуляция сознанием. Чем отличаются «люди экрана» от «людей книги»? [Электронный ресурс] / В. Опойцев. – Режим доступа: <https://shabdua.livejournal.com/5767776.html>.
10. Как развить память у взрослого: упражнения для тренировки. Обзор лучших методик по развитию памяти [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/162910/kak-razvit-pamyat-u-vzroslogo-uprajneniya-dlya-trenirovki-obzor-luchshih-metodik-po-razvitiyu-pamyati>.

УДК 165.12

С. С. Анардович*

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОЛОГИИ

В статье рассматривается становление и основные этапы развития отношений человека с окружающей природной средой, место экологии в системе наук. Представлены и обоснованы перспективные пути развития экологической науки. Обозначена роль современной философии в решении экологических проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экология; экологический кризис; интеграция наук; философия.

S. S. Anardovich

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECTS OF ECOLOGY

The article presents the formation and main stages of the development of human relations with the natural environment, the place of ecology in the system of sciences. Prospective ways of development of ecological science are presented and grounded. The role of modern philosophy in solving environmental problems is indicated.

KEYWORDS: ecology; ecological crisis; integration of sciences; philosophy.

Со времени появления общества на Земле происходит три рода процессов: природные, специфически общественные и процессы, сочетающие в себе и те, и другие.

Особенность взаимодействия природы и общества состоит в том, что по мере развития общества его непосредственная зависимость от природы уменьшается, а опосредованная – усиливается. Это связано с тем, что, познавая все в большей степени законы природы и преобразуя ее, человек увеличивает свою власть над ней; вместе с тем общество в ходе своего развития вступает во все более тесный контакт с природой. Невозможно анализировать общество, не принимая во внимание его взаимодействие с природой, поскольку оно живет в природе. Воздействие общества на природу обуславливается развитием материального

* Анардович Светлана Сергеевна, аспирант Иркутского государственного университета путей сообщения.

производства, науки и техники, общественных потребностей, а также характером общественных отношений [1].

Человек является частью биосферы, ее структура и энергоинформационные процессы определяются прошлой и современной деятельностью живых организмов. В результате длительной эволюции биосфера сложилась как динамическая равновесная система. Она, будучи самоорганизующейся, развивается вместе с эволюцией Вселенной и всего живого. История жизни на нашей планете показывает, что глубокие преобразования происходили уже не раз, и качественная перестройка биосферы приводила к исчезновению разных видов животных и растений и появлению новых. Эволюционный процесс биосферы имеет необратимый характер.

Влияние человека ускоряет процесс изменения биосферы, оказывая все более мощное и интенсивное воздействие на нее в связи с развитием науки и техники. Все природные ресурсы планеты обуславливают возможность жизни человека, служат основой его материального производства. Под влиянием научной мысли и человеческого труда возникла возможность перехода биосферы в новое состояние – ноосферу, новую, особую реальность, связанную с более глубокими и всесторонними формами преобразующего воздействия общества на природу. Она предполагает как использование научных достижений, так и сотрудничество государств, всего человечества, и высокие гуманистические принципы отношения к природе.

Известно, что посредством человеческой деятельности осуществляется постоянное взаимодействие между человеком и природой. Любые изменения человеческой деятельности лежат в основе изменений отношения общества и природы. С развитием практически-преобразующей деятельности человека увеличились и масштабы его вмешательства в естественные связи биосферы [1].

Рассмотрим эволюцию общества по отношению к природе для выделения основных этапов развития их взаимодействия.

Каждая схема общественного развития строится на каком-либо основании, показывающем, что именно ее основатели и приверженцы считают главным. Например, это производственные отношения у К. Маркса, уровень производительных сил в технократических концепциях и т. д. Исходя из этого, представим условную периодизацию, характеризующую эволюцию отношения человека к природе:

1 этап – непосредственное единство человека с природой и становление трудовой деятельности;

2 этап – переход к охоте в процессе совершенствования создаваемых для этого орудий и развития общественных форм жизни;

3 этап – переход в результате неолитической революции к скотоводческо-землевладельческому хозяйству;

4 этап – переход в результате промышленной революции к главенству индустриального производства и развитие техники как эффективного способа преобразования природы;

5 этап – переход к главенству производства информации и гармонизации взаимоотношений человека и природы в постиндустриальном обществе в процессе создания экологической цивилизации [2].

Обостряющийся в настоящее время глобальный экологический кризис уже не первый в длительных геологических эпохах Земли. Один из первых экологических кризисов был на Земле в те времена, когда в процессе эволюции живые клетки различных организмов в поисках воды и ее диализа выделяли в огромных количествах кислород, создав на Земле кислородную атмосферу, что было катастрофическим событием – глобальным экологическим кризисом, приведшим к вымиранию большинства существовавших бескислородных организмов. В ходе последующей эволюции биосферы установилось динамическое равновесие ее частей, но на протяжении длительной истории Земли вымирания биоты, связанные с экологическими кризисами, происходили многократно.

Все эти глобальные экологические катастрофы в истории Земли вызывались разными естественными планетарными и космическими причинами. Причины их до конца не установлены, но все эти катастрофы были естественными, природными [3, с. 61].

Теперь же главнейший фактор глобального экологического кризиса на Земле – человек, и в этом заключается главное отличие настоящего кризиса от всех предыдущих. Неразумная материально-хозяйственная (антропогенная), деятельность приводит на наших глазах природу на Земле к экологическому кризису. Неразумная антропогенная деятельность вносит огромный дисбаланс в равновесие земной биосферы. «Технологическое развитие цивилизации стало носить катастрофически быстрый характер» [3, с. 62].

Технические возможности человека изменять природную среду стремительно возрастали, достигнув своей наивысшей точки в эпоху НТР.

Несмотря на то, что человек становится все менее зависим от природы, подчиняя ее своему влиянию, все чаще слышатся слова «охрана природы», «экологический кризис» и т. д. Это объясняется тем, что рост могущества человека влечет к увеличению негативных для природы и опасных для существования человека последствий его деятельности.

Становление и развитие человеческого общества сопровождалось локальными и региональными экологическими кризисами антропоген-

ного происхождения. Ранее воздействие человека на природу носило преимущественно локальный и региональный характер, но никогда не было столь значительным, как в современную эпоху.

Население Земли стремительно растет. Нынешние темпы роста таковы, что для обеспечения даже тех условий, каковы на Земле сейчас, каждое вновь появляющееся поколение обязано построить новую техноструктуру, равную той, которая в настоящий момент существует. Проблема небывалого увеличения давления на биосферу растущего населения становится все более острой [2].

Характерной особенностью нашего времени становится интенсификация и глобализация воздействия человека на окружающую его среду, сопровождающимися небывалыми ранее интенсификацией и глобализацией негативных последствий этого воздействия. Нынешняя экологическая ситуация чревата глобальным экологическим коллапсом, поскольку современный человек разрушает механизмы целостного функционирования биосферы в планетарном масштабе. Кризисных точек становится все больше, и они оказываются тесно связанными между собой. Именно это обстоятельство и позволяет говорить о наличии глобального экологического кризиса и угрозе экологической катастрофы.

Рассмотрим более подробно современную экологическую ситуацию. Процессы жизнедеятельности человека можно представить в виде незамкнутой цепи: человек берет у природы необходимые ему вещества, энергию и информацию, преобразовывает их в полезные для себя продукты и возвращает в природу отходы своей деятельности. Каждый из этих элементов влечет за собой негативные последствия, которые делятся на реальные отрицательные последствия и потенциально опасные [2].

То, что современный экологический кризис является обратной стороной НТР, подтверждает тот факт, что именно достижения научно-технического прогресса привели к самым мощным экологическим катастрофам на планете (например, взрыв на Чернобыльской АЭС, высыхание Аральского моря, связанное со строительством Каракумского канала). Человечество столкнулось с такими техногенными катастрофами, которые вполне могут претендовать на статус суперрегиональных, если и не глобальных [2].

Проблема загрязнения природной среды становится столь острой как из-за роста объемов производства, так и в связи с качественным изменением производства под влиянием научно-технического прогресса. Отходы современной производственной деятельности все больше загрязняют литосферу, гидросферу и атмосферу Земли [2].

Обычно говорят о загрязнении почвы, воды, воздуха, растительных и животных организмов, что, в конечном счете, отрицательно отражается и на человеке. Резкое изменение природных условий в современную эпоху, наличие физических и химических факторов, с которыми организм никогда в ходе эволюции не взаимодействовал, может привести к тому, что механизмы биологической и социальной адаптации окажутся не в состоянии сработать.

Одним из путей предупреждения загрязнения являются попытки упрятать отходы как можно дальше. Но соответствующие предложения уже не могут не навести на мысль: а не приведет ли это к еще большим проблемам?

Огромное количество обрабатываемых земель находится в серьезной опасности: они или засолены или подвержены эрозии, или переувлажнены, или перенасыщены ядохимикатами. К вызывающим тревогу последствиям научно-технического прогресса относят также изменение фундаментальных физических параметров, в частности повышение шумового фона и радиационного уровня [2].

Среди потенциальных экологических опасностей отметим вначале те, которые могут актуализироваться в будущем при сохранении существующих тенденций технико-экономического развития.

Все природные ресурсы условно можно разделить на возобновляемые и невозобновляемые. К экологическим проблемам, связанным с невозобновляемыми природными ресурсами, относится, в первую очередь истощение полезных ископаемых. Это приводит «к сырьевой проблеме, разрушению горными выработками почвенного покрова, увеличению затрат на геологоразведочные работы, вследствие возрастающей трудности поиска полезных ископаемых» [2, с. 97].

Немного лучше положение с возобновляемыми ресурсами. Однако их возобновимость вызвала самоуспокоенность и вела к тому, что истребляя ценные виды растений и животных, человек не думал и препятствовал их естественному возобновлению.

К экологическим проблемам, связанным с воспроизводимыми ресурсами, относятся также истощение запасов пресных вод, вырубка лесов [2].

Особо следует сказать о проблеме обеспечения энергетическими ресурсами. Запасы нефти и природного газа могут быть исчерпаны в ближайшем будущем. Перспективы связывают с атомной энергетикой, способной обеспечить человечество огромным количеством дешевой энергии при более благоприятных условиях в смысле предохранения природной среды от загрязнения, но ее применение влечет неподдающийся учету риск.

Атомная энергетика таит второй тип потенциальных опасностей, связанных с вероятностью радиоактивного заражения природной среды в результате аварий, которые могут актуализироваться в любой момент в результате случайных обстоятельств. Проблема захоронения радиоактивных отходов также не решена.

При этом ученые указывают на опасность теплового перегрева планеты и превышение энергетических барьеров биосферы, связанные с существующими темпами роста вырабатываемой энергии. Ряд ученых высказывает предположение о грядущем похолодании, связанном с запылением атмосферы и т. д. В любом случае резкие изменения климата могут вызвать катастрофические результаты [2].

Потенциально опасными являются и те процессы, которые сейчас приводят к реальным экологически негативным последствиям. Загрязнение природной среды не только приносит реальные потери, но создает риск еще больших неприятностей.

Потенциальные опасности важнее тех, которые уже в полный рост стоят перед человечеством, потому что в отличие от реальных опасностей их нельзя уменьшить, они подстерегают неожиданно и имеют тенденцию возрастать по мере роста масштабности человеческой преобразовательской деятельности.

Итак, наряду с традиционными проблемами, которые можно отнести к разряду экологических – нехваткой продовольствия в слаборазвитых странах, предотвращением стихийных бедствий и т. д., – человечество столкнулось с новыми экологическими трудностями. Оно не избавилось от старых бед, а пришли новые, не менее опасные [2].

На основании анализа экологической ситуации можно сделать вывод, что на осуществление целей человечества накладывают ограничения фундаментальные законы природы. Надежды на преодоление экологических трудностей связывают, в частности, с разработкой и введением в эксплуатацию замкнутых экологических циклов. Однако полная и окончательная перестройка индустрии по принципу круговорота вещества в природе нереальна. Нарушение замкнутости технологического цикла практически неизбежно.

Повышение уровня организации и разнообразия культурной системы уменьшает ее энтропию, но увеличивает энтропию природной среды, вызывая ее деградацию.

В какой степени можно устранить эти неизбежные следствия? Существуют два пути. Первый заключается в уменьшении потерь используемой человеком энергии при различных ее превращениях. Второй путь заключается в переходе от повышения упорядоченности культурной системы к повышению упорядоченности всей биосферы [2].

Еще одним принципиально важным конкретно-научным положением, накладывающим ограничения на человеческую деятельность, является сформулированный в кибернетике закон «необходимого разнообразия». В соответствии с ним эффективное управление возможно только в том случае, когда внутренне разнообразие управляющей системы не уступает внутреннему разнообразию управляемой системы. «Человечество ставит перед собой задачу управления природой, и для этого оно должно или уменьшить разнообразие во внешней природе, или увеличить свое внутреннее разнообразие (путем развития науки, культуры, совершенствования умственных и психосоматических характеристик человека)» [2, с. 110].

Человечество часто предпочитает первый путь, как более легкий. Но он может привести к коллапсу, поскольку уменьшение разнообразия в природе уменьшает стабильность экосистем. И лишь второй путь – развития человеческой культуры – представляется надежным способом разрешения противоречий между человеком и природой.

Современная экологическая ситуация показывает, что влияние природы на человека зависит от объективных закономерностей ее развития, и это заставляет обращать пристальное внимание на изучение механизмов ее целостного функционирования. Отсутствие или повреждение нескольких связей система может компенсировать, но если их будет нарушено много или будут затронуты наиболее существенные из них, система прекращает существование. В этом аспекте важно понимать степень ответственности науки, призванной познавать законы природы, и техники, преобразующей природную среду.

Прогресс современного общества нельзя представить без развития науки и техники, без внедрения технологических новшеств, однако стремительное повышение роли науки и техники как фактора социальных преобразований актуализирует сложный спектр мировоззренческих, социально-этических и других проблем. Таким образом, среди многочисленных глобальных проблем, порождённых техногенной цивилизацией и поставивших под угрозу само существование человечества, можно выделить угрозу экологического кризиса [4].

В экологическом кризисе непосредственно виновно производство, в наибольшей степени те его части, которые основаны на современной технике, источником которой, в свою очередь, является наука. Науку и технику следует рассматривать «в качестве лежащих на поверхности причин экологических трудностей» [2, с. 113].

Развитие науки определяется целями, которые перед ней ставятся, методологией, которой она пользуется и организацией деятельности. Экологическое знание также зависит от этих трех компонентов.

Наука в ее современном понимании возникла в Новое время. Освобождавшееся от религиозных догм человечество поставило своей задачей стать хозяевами и господами природы, и здесь-то понадобилась наука как инструмент познания сил природы с целью противодействия им и использования их.

В основе новоевропейской науки лежит определенная парадигма отношения к природе, которая сама зависела от успехов науки. Не было рабов, над которыми нужно было господствовать, и в их роли выступила научно подчиняемая природа и создаваемая на ее основе техника.

Влияние христианства на науку проявилось в том, что мир представлялся в виде некоего вечного часового механизма, подчиняющегося влиянию Высшего Существа. Человек не способен проникнуть в побуждения этого Существа, но узнав вечные законы, он может взять на себя функции Бога. Ученый присваивает себе божественные атрибуты.

Так формировалась научная картина мира, которая продержалась до XX в. Такое понимание мира вызывало бесконечные споры о свободе воли человека, которые не удавалось решить.

Классическая наука воплотила в себе основную тему западной философии, ориентированную на господство человека над природой. Легче властвовать над тем, частью чего ты не являешься, с чем не возможен диалог, что пассивно подчиняется законам, которые ты можешь познать и использовать.

Положительное значение объективности научного знания в том, что результатом исследования являются законы природы при исключении влияния на них человеческого фактора, общепризнанно. Но обратной стороной объективности зачастую выступает безликий характер, который понимается как достоинство науки в ее сциентистской интерпретации. На эту обратную сторону научной объективности обращалось мало внимания, пока не выявились негативные экологические последствия подхода к изучению природы.

Основой структуры научного познания является анализ предмета исследования, т. е. выделение абстрактных элементарных объектов и последующий синтез из этих абстрактных элементов единого целого. Ситуация в области исследования экологической проблемы в практическом плане ставит под сомнение правомерность процесса искусственной изоляции и анализа, и многие ученые именно эти черты науки считают ответственными за экологические трудности.

Аналитизм, лежащий в фундаменте научного подхода к действительности, вполне отвечает стремлению человека практически овладеть предметным миром. Человек подчиняет себе мир через его познание, но это познание не может быть абсолютным, так как предпосылкой позна-

ния предмета выступает его идеальное разрушение, идеализация. Наука ранее «разрушала» мир идеально, но ныне она начинает вносить свой вклад в реальное разрушение мира.

Итак, один из корней экологического кризиса – чрезмерный аналитизм научного мышления, который таит в себе опасность отхода от целостного взгляда на природу. Аналитическая устремленность науки должна уравниваться синтетическим подходом, очень важным сейчас в связи с целостным характером функционирования экосистем и природной среды в целом. Повышение в современной науке значения таких синтетических дисциплин, как экология, говорит о том, что намечаются положительные сдвиги в данном направлении.

Корни экологических трудностей связаны и с разрывом между науками, неравномерностью их развития, что определяется как внутренней спецификой науки, так и влиянием общественных потребностей. Неравномерное развитие науки на фоне громадного увеличения общего количества знаний и является одной из причин того, что противоречия между возможностью человека внести изменение в природную среду и пониманием последствий этого изменения становятся все более острыми, драматичными.

До конца XIX в. технические науки, довольно тесно связанные с физико-химическими, развивались по большей части обособленно от наук о природной среде. В начале XX в. понадобилось большое количество естественнонаучных данных для обеспечения функционирования создаваемых на месте естественных и взамен их технических систем. Здесь науки о природной среде обеспечивали данные для осуществления технического проекта.

Хотя усиление связи между техническими науками и науками о природной среде являлось для последних в целом положительным, подчиненное положение дисциплин, изучающих природную среду, имело отрицательное влияние на направление исследований в них. Необходимо, чтобы все отрасли наук выступали в деле определения перспектив преобразования нашей планеты в качестве равноправных партнеров [2].

Наука предоставляет человеку самый надежный ресурс – информацию, не имеющую обусловленных природными законами ограничений. Информация в ее субъективном аспекте способствует росту знания человеком природы, в объективном же аспекте представляет собой один из уникальных ресурсов человечества, имеющий способность передаваться без потерь. Человечество, перерабатывая информацию, в состоянии противодействовать повышению энтропии системы. Наука, следовательно, обеспечивает возможность увеличить количество упорядо-

ченности, извлекаемой из природной среды, а познание представляет собой процесс выявления упорядоченности в природе.

Но роль современной науки и в информационно-энтропийном плане двойственна. Парадоксальность ситуации состоит в том, что научно-техническая информация, призванная оказывать негэнтропийное влияние на среду, на самом деле приводит к энтропийным последствиям. Стремление к количественному росту достигается за счет уменьшения разнообразия в природе, служащего источником ее саморазвития. Итак, количественный рост современного производства обеспечивается часто за счет потенциалов развития, и это грозит экологическими бедами. Но очевидно, что рост познавательных и преобразовательных возможностей человека не должен сопровождаться упрощением природы для удовлетворения его материальных потребностей.

Укрепление взаимосвязи между познавательной и преобразовательной сторонами человеческой деятельности приобретает исключительно важное значение: чем выше технический уровень, тем более прочные и важные связи в природе могут быть нарушены. Перед наукой встают новые задачи – изучение системы адаптации биосферы к условиям, созданным человеком, изучение механизмов, возможностей адаптации человека к изменяющейся природной среде и выяснение новых системных закономерностей, порожденных объединением в единую систему биосферы и индустриально-технических элементов.

Насущной потребностью современного этапа взаимоотношений человека и природы становится проведение комплексных экологических исследований. Новое положение человека по отношению к природной среде, рост его технической мощи и превращение его деятельности в «геологическую силу» требуют существенной модификации науки, если она хочет адекватно отразить данную ситуацию. Для науки становится характерной ее переориентация, которую можно назвать тенденцией *экологизации* [2].

Понятие экологизации включает процесс осознания места и роли каждого действия в глобальной системе жизнеобеспечивающих режимов биосферы и реализацию этого осознания в практике. Экологизация включает в себя также рационализацию природопользования и формирует принципиально новое состояние геосоциоверсума – «нового человека на новой Земле» [5, с. 67].

Одной из основных форм этой тенденции выступает развитие наук, переходных от экологии к другим наукам биологического цикла, к наукам о Земле, наукам физико-химического цикла, техническим и сельскохозяйственным наукам, медицине, общественным наукам. Раз-

витие этих научных направлений протекает в рамках тенденции экологизации человеческой деятельности. Развитие данной тенденции призвано решить экологическую проблему как на глобальном, так и на региональном и локальном уровнях.

Стремление к комплексному исследованию поведения природных систем при взаимодействии их с обществом – одна из наиболее характерных черт экологизации науки, способствующей преодолению конфликтов между познающей и преобразовательной деятельностью человека. Путь обрращения экологии смежными с этой наукой направлениями, представляется одним из наиболее перспективных для решения экологической проблемы. Важная черта экологизации науки – повышение теоретического уровня исследований взаимоотношений общества с природой, что тесным образом связано с практикой природопреобразовательной деятельности.

В исследовании экологической проблемы наука должна основываться на единстве целей, которые стоят перед исследователями, единстве предмета исследований. Обе стороны единства предполагают «единство методологии познания взаимоотношений человека и природной среды» [2, с. 126].

Современная экология принадлежит к числу наук, которые возникли на стыке многих научных дисциплин, именно она отражает как глобальность современных задач, так и многообразие форм интеграции методов и направлений научного поиска. Эффективное взаимодействие различных научных дисциплин являются неперенным условием развития этого перспективного и быстро развивающегося направления научного исследования, которое приобретает все большее значение в определении оптимальных путей дальнейшего развития человеческой цивилизации [5].

Методология экологического познания должна включать в себя нормативный аспект и использовать методы опережающего отражения и преобразования действительности. В то же время она должна сохранять все черты естественнонаучной методологии, с учетом человеческой деятельности в целом как важнейшего фактора изменения и развития биосферы, а также общественных и индивидуальных особенностей преобразующего природу человека.

Вырисовывается новая научная картина мира. Человек и природа предстают как два относительно самостоятельных, но взаимообуславливающих субъекта, которые могут «вести диалог» [2].

Очень важно понимание механизма экологизации не только само по себе как подготовка и переустройство наук в целях рационализации природопользования, но и как предвидимо наиболее продуктивный

подход к самопознанию и осознанному развитию, саморазвитию наук в последующем [5].

Современная наука дает возможность достичь согласия с природой, а как этим воспользуется человек, зависит от него. Для этого требуется изменить всю структуру связей между отдельными научными дисциплинами. Однако знания о преобразовании мира (нередко связанные в том числе и с военными нуждами) находятся в приоритетном положении по отношению к знаниям о природной среде. Подобная направленность развития современной науки «особенно остро ставит в наше время вопрос о соотношении научной истины и моральных ценностей» [2, с. 127].

Разделение наук как одно из направлений разделения труда ведет к чрезмерной специализации ученых, которые порой не видят ничего за пределами своей узкой специальности, частных дисциплин, на которые разбита наука.

Человек стремится познать мир в целостности, и познание отдельных сторон действительности оправдывается лишь при учете значения фрагмента в функционировании целого. Истинное познание неразрывно связано с целостностью и интегративностью.

Можно выделить следующие основания интеграции знаний: онтологическое (единство мира), гносеологическое (единство человеческого сознания и законов мышления), методологическое (наличие общенаучных методов исследования), социальное (целостность человека). Актуальность интеграции знаний вызвана также тем, что интеграция выступает как способ повышения гибкости науки в условиях все более масштабных изменений среды, приводящим ко все более ощутимым последствиям. Существующая система организации науки с жесткими подразделениями не удовлетворяет современным социальным и экологическим требованиям и должна быть заменена более гибкой и мобильной.

В последние годы все более осознается, что для решения экологической проблемы необходима выработка целостного представления о функционировании окружающей человека среды и его вместе с ней. Противоречие между традиционной наукой, разделенной на жестко обособленные дисциплины, и потребностью целостного познания реальности стимулирует становление нового типа организации науки.

Прогрессом науки в целом можно считать согласованный рост ее разнообразия, интеграции и удовлетворения социальных потребностей. На основе принципа интегративного разнообразия наука продвигается по пути становления целостной интегративно-разнообразной гармоничной системы. Необходимость иметь целостную и гармоничную систему

науки вытекает из стремлений к познанию мира как целого и роли науки в становлении целостной гармонически развитой личности, а также из потребностей современного этапа взаимоотношений человека и природы.

В целом наука должна приближаться не к такой степени интеграции, как механическая система или биологический организм, а к степени органичной системы. Нужна не интеграция в максимально возможной степени, а максимально возможная в данный момент гармоничная интеграция. Таким образом, гармонизованная наука поможет созданию гармоничной системы взаимоотношений человека с природой и обеспечению гармоничности развития самого человека.

Наука способствует прогрессу общества вместе с другими отраслями культуры, а не является отраслью, кардинально отличающейся от всех остальных. Экологический подход может послужить основой культурного синтеза, который выйдет за рамки науки и свяжет ее с другими отраслями культуры. Поскольку наука не может быть самоцелью, ее ценностная переориентация – составная часть переориентации всей культуры, всего общества [2].

Задача экологии – искать и предлагать такие способы воздействия на окружающую среду, которые бы не только предотвратили катастрофические последствия, но и позволили бы существенно улучшить «биологические и социальные условия развития человека и всего живого на Земле» [6, с. 222].

Отношение к природной среде как к целостности предполагает в качестве предпосылки целостность культуры в тесной и гармоничной связи с искусством, философией и т.д. Продвигаясь в этом направлении, наука будет отходить от ориентации исключительно на технический прогресс, отвечая на этические, эстетические запросы общества, а также те, которые «затрагивают определение смысла жизни и целей развития общества» [2, с. 135]. Ведь спецификой современного экологического знания является то, что родившееся как прагматическое средство изучения воздействий человека на природу, оно становится этическим, глобальным, мировоззренческим. Его фундаментальные принципы формируют «основу и структуру мышления в современном обществе» [7, с. 73].

Экологические знания не только объясняют неизвестные стороны действительности, но и призваны выполнять предписывающие функции по отношению к человеческой деятельности, формировать экологическую культуру. В свете экологической проблематики новый смысл и значение приобретает проблема гуманизма. Ныне рождается новая система ценностей, учитывающая неразрывную связь человека с приро-

дой. Если сущностью культуры в широком смысле слова всегда было «отличие социального от природного, то сущностью экологической культуры является совмещение социального с природным, их единство» [8, с. 16].

Современный мир нуждается не только в науке и технике, но и во внимании философии, которая способствует достижению единства человека и природы. Философия может помочь решению экологических проблем в различных направлениях, так как стимулирует формирование нового общественного сознания, ориентированного потребностью преодоления экологических противоречий, способствует преодолению ограниченности частных научных позиций, односторонности духовно-практических ориентаций человека в его взаимоотношениях с природой.

Философское осмысление экологической ситуации могло бы помочь формированию общеметодологических принципов анализа и решения проблем [6].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Спиркин А. Г.* Философия: учебник для технических вузов / А. Г. Спиркин. – М. : Гардалики, 2000. – 368 с.
2. *Горелов А. А.* Социальная экология / А. А. Горелов. – М. : ИФ РАН, 1998. – 263 с.
3. *Королев В. А.* Современные проблемы экологической геологии / А. В. Королев // Соросовский образовательный журнал. – 1996. – № 4. – С. 60–68.
4. *Пузакова А. А.* Влияние развития техники и технологий на жизнь людей / А. А. Пузакова // Молодой ученый. – 2015. – № 20. – С. 635–640.
5. *Шилова М. А.* Экологизация наук / М. А. Шилова // Международный журнал экспериментального образования. – 2012. – № 10. – С. 66–68.
6. *Коришунова В. А.* Интеграция современных наук. Взаимодействие экологии, биотехнологии и философии / В. А. Коршунова, В. М. Смирнова // Международный журнал экспериментального образования. – 2010. – № 8. – С. 221–222.
7. *Колосова О. Ю.* Проблемное поле философии экологии / О. Ю. Колосова // Философское образование. – 2013. – № 1(27). – С. 68–73.
8. *Лисеев И. К.* Экология в новом диалоге человека с природой / И. К. Лисеев // Экологическое взаимодействие общества и природы: Теория и практика: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. – Павловский Посад, 2017. – С. 8–19.

ПРАВО И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 005.1

А. А. Зайковская, И. Р. Либенсон*

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОТРЕБНОСТИ, УПРАВЛЕНИЕ И ПРОГРЕСС ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается понятие социального управления. Исследуются теории социальных потребностей и целей. Подчеркивается тенденциозность иерархических теорий потребностей. Рассматривается исконное знание о природе потребностей человека, их структуре с точки зрения действительной конструкции человека. Основное внимание уделяется развитию потребностей. Анализируется система социального контроля. Формулируется социальный идеал применительно к общественной сфере труда и жизнедеятельности общества в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социальное управление; теории иерархии потребностей; влияние теорий на управление; природа и действительный состав потребностей; строение психосферы человека; система социального контроля; подлинная социальная ответственность; базовые условия прогресса общества.

A. A. Zaikovskaya, I. R. Libenson

SOCIAL NEEDS, MANAGEMENT AND PROGRESS OF THE SOCIETY

The concept of social management is considered. Theories of social needs and goals are explored. It emphasizes the tendentiousness of hierarchical theories of needs. An age-old knowledge of the nature of human needs, their structure from the point of view of the actual construction of man is considered. The focus is on the development of needs. The system of social control is analyzed. The social ideal is being formulated as applied to the social sphere of work and the life of society as a whole.

KEYWORDS: social management; the theory of the hierarchy of needs, their influence on management; the nature and the actual composition of needs. the structure of the human psychosphere; the system of social control; genuine social responsibility; the basic conditions for the progress of society.

* **Зайковская Анастасия Александровна**, кандидат социологических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

Либенсон Игорь Рувимович, кандидат экономических наук, доцент Иркутского государственного университета путей сообщения.

Знание – есть меч, рассекающий всякую иллюзию.

Махабхарата

Есть три реальные угрозы человечеству: материализм учёных, невежество священников и хаос демократии.

Пифагор

Настоящая наука – это процесс познания Истины, а не средство достижения власти.

И. М. Данилов

В статье «Партийная организация партийная литература» В. И. Ленин писал: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Человек находится не в вакууме, а в социуме, т. е. общество и люди связаны косвенными и прямыми отношениями, взаимными потребностями, обязательствами и социальным управлением в течение всей жизни.

Понятие «социальное управление» используется в общей и специальной (частной) предметных областях. В общем значении социальное управление – это управление общественными суперсистемами по полной функции, где суперсистемы (сверхсложные системы – кибернетический термин) – это многопараметрические и иерархически организованные информационные системы, коими являются любые крупные социальные системы, формируемые людьми во времени (история) и пространстве (география) (Авт.).

В частном употреблении социальное управление – это управление жизнеобеспечением индивидов и их семей, и социальным развитием общественных страт (страта – некая общность, характеризующаяся единым стилем жизни). При этом жизнеобеспечение неверно понимать упрощенно как удовлетворение в необходимых, жизнеобеспечивающих потребностях, или же как «кормление с ложки» обществом слабых членов своих, но как создание обществом таких условий на производстве, в сфере распределения и потребления, которые бы не только полностью исключили бедность, но и способствовали бы выравнивающему развитию созидательных социальных потребностей у большинства членов общества.

Очевидно, что потребности – это наиболее глубокие движущие силы, поэтому их освещение дает ключи к познанию и человека, и управления. Особенно актуально исследование того, что принято называть «социальные потребности». Как известно, социологи идентифицируют социальные потребности как «надындивидуальные». Но так ли это?

Потребности зарождаются во внутреннем мире индивида, но реализуются во внешнем. Можно заметить, что для удовлетворения потребностей даже низшего (физиологического) уровня, которые кажутся

бесспорно «индивидуальными», человеку необходимо включиться в общественное разделение труда, который одновременно имеет непосредственно общественный характер, т.е. должны трудиться «на благо общества». Если верно то, что люди социальны целиком и полностью, конечно, кроме случаев, когда они воспитаны зверями в джунглях как Маугли, то кажется методологически неверным структурирование потребностей по схеме «индивидуальные» и «надындивидуальные».

Для развития науки и практики требуется иное структурирование потребностей человека – например, деление на эгоистические и созидательные – для их «вписывания» в процессы социального управления.

Далее мы увидим, что социальные потребности человека более обосновано представлять единым комплексом, состоящим из двух взаимосвязанных сфер – животной (эгоистической) и духовной (созидательной). Это в частности означает, что из сферы социальных потребностей неправильно исключать даже физиологические (телесные) потребности, которые в действительности могут принимать как разрушительную, так и созидательную направленности, тем самым оказывать влияние на социум. И те потребности, которые социологи называют «надындивидуальными», отождествляя с «социальными», также имеют несмешиваемые противоположные по знаку разрушительную или созидательную направленности, при этом тесно взаимодействуя с физиологическими потребностями тела («трудящийся достоин пропитания»).

В дополнение отметим, что социальные потребности и разнообразнейшие их проявления так или иначе изучаются в области многих **гуманитарных наук**: социологии, этики, психологии, философии, антропологии, этнологии, этнографии, фольклористики, археологии, истории (в том числе и альтернативной истории), лингвистики, филологии, педагогики, искусствоведении, культурологии, а также биологии и физиологии человека, экономике, политологии, менеджменте и др. Таким образом, мы сталкиваемся со сложной междисциплинарной категорией.

Так, психология изучает социальные потребности изнутри, поэтому она продолжает оказывать одно из ведущих влияний на управленческую науку, ибо, как говорили древние: «Что внутри, то и снаружи...».

Рассмотрим некоторые актуальные сегодня воззрения психологии на такие внутренние психические структуры человека, как: «Иерархия доминирующих потребностей» (А. Маслоу); «Иерархия самоидентификации»; «Иерархия отношения к обществу» (С. В. Ковалев); «Иерархия (приоретизация) целей» (внутренний аспект), рис. 1.

Иерархия доминирующих потребностей (см. рис.1) А. Маслоу, Абрахама Гарольда (Maslow, Abraham Harold, 1908–1970, американский психолог) – одна из первых теорий, положенных в основу «содержатель-

ных теорий» мотивации (теории управления людьми посредством влияния на удовлетворение их потребностей) [1]. Обычная словарная трактовка потребности – беспокойство о чём-то объективно или субъективно необходимом для поддержания жизнедеятельности организма, личности или социальной группы. От себя добавим, что пока потребность не наделена силой внимания Личности, поводом к действию не становится. По мере обдумывания становится желанием (хочу норковую шубу, авто, жениться (замуж), стать победителем...), а по мере оценки возможностей достижения во внешнем мире становится интересом.

Рис. 1. Иерархия доминирующих потребностей человека по А. Маслоу

Итак, потребности рассматриваются как осознанное отсутствие чего-либо, вызывающее побуждение к целеполаганию и действию. Потребности подразделяются на первичные, характеризующие человека как биологический организм, и культурные. В иерархическом порядке выстраиваются животная (низшая), общественная (социальная) и высшая (развитая, «необусловленная») ипостаси человека.

Предположение о внутренних психических иерархиях обосновывается двумя объективными факторами: возрастными этапами развития человека и неодинаковыми индивидуальными способностями к развитию разных людей в разные периоды жизни.

Несмотря на то, что последующие экспериментальные исследования далеко не полностью подтвердили строгую иерархическую структуру потребностей по А. Маслоу [2, с. 409], именно такой порядок стал методологией для дальнейших теорий и прикладных разработок принципов и методов мотивационной функции и вошел в учебники по ме-

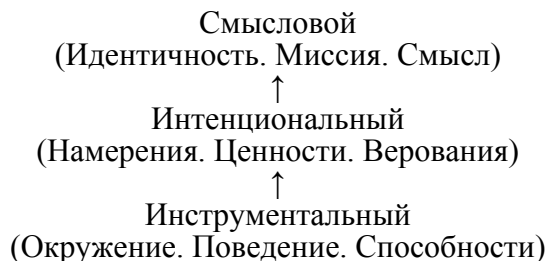
неджменту. Последующие западные теории мотивации лишь так или иначе закрепляют данную иерархическую предопределенность доминирующих потребностей (К. Альдерфер, МакКлелланд, Ф. Герцберг, В. Врум, Э. Локк и др.). Таким образом, иерархический подход укоренился в психологии и управленческих дисциплинах.

Российские ученые также оперируют образом психических иерархий. Вот, одна из версий авторства А. П. Девятова (рис. 2).

Рис. 2. Иерархия устремленности человека по А. П. Девятову

Современный психолог С. В. Ковалев (автор системы интегрального нейропрограммирования) представляет психику как пирамиду с тремя уровнями самоидентификации [3]. Человек в процессе своего развития движется от низшего уровня к высшему:

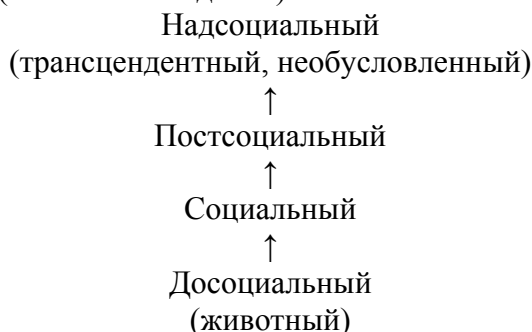

Нижний уровень – инструментальный. Здесь человек идентифицирует себя, ставя и отвечая на такие вопросы: Где Я? Когда Я? (место, время, окружение) Что Я делаю в этом окружении? (поведение) Как Я это делаю? (способности).

Средний уровень – интенциональный (побуждения). Чего Я хочу? (намерения) Зачем Я этого хочу? (ценности) Во что Я верю? (верования).

Высший уровень – смысловой. Кто Я? (идентичность) Зачем Я этому миру? (миссия) Зачем этот мир Мне? (смысл).

В развитии отношения человека к обществу ученый выделяет следующие уровни (этапы восхождения):

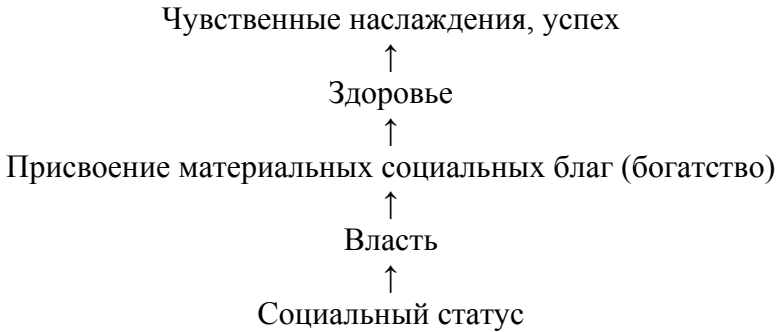

Основой для данной модели явилось предположение об уровневой структуре смыслообразующих феноменов, о четырех своеобразных реальностях, которые последовательно сменяют друг друга в жизни человека. При этом при условии личного совершенствования, человек может перейти на более высший уровень. Кратко данные стадии роста можно определить, как путь индивидуума от адаптации к жизнедеятельности (Досоциальный уровень – борьба за выживание, состояние страха, основная цель – выжить, прокормить себя, обеспечить безопасность) к социализации (Социальный уровень – мир людей, самовыражение, основной мотив – деньги, «хороший кусок пирога»). Если к человеку приходит осознание того, что материальное – это не цель, а средство для счастливой жизни – наступает первый признак перехода к третьему – Постсоциальному уровню (экзистенциализация, обретение предназначения, способность жить ради жизни). На четвертой ступени (Надсоциальный уровень *исцеления и просветления*) происходит осознание бесконечности своей жизни и подготовка к трансперсонализации.

Что касается теоретических воззрений на структуру целей (вектор целей) человека и общества, то здесь выделяются внутренний, внешний и синтезирующий аспекты (подходы). Внешний аспект целеполагания как функции управления основательно разработан в общей теории управления [4] и прикладных дисциплинах. Мы же лишь коснемся внутреннего аспекта вопроса.

В своих желаниях (нужда, потребность как чувство беспокойства + сила внимания) и намерениях (желание + цель) люди выстраивают иерархию целей (интересы) во времени (процесс) и пространстве (внешняя среда). Достижение каждой промежуточной цели является условием движения к следующей. Проиллюстрируем это на примере уровней целей, которые свойственны исключительно «животному» це-

леполаганию человека, типичному для потребительского эгоистического общества, которые можно назвать вектор «разрушительного социального эгоизма» в целеполагании человека, целиком поглощенного животным началом:

Ключевым понятием в теории целей (целеполагания) является «интерес». Интерес – это воображаемая возможность удовлетворения желания в сочетании с оценкой собственных возможностей достижения этого. Внешняя цель (в материальном мире) и внутренний повод к действию.

Как сказал А. Б. Чубайс в интервью на канале Россия. 24.03.07.16: «Интересы правят миром». Но какие интересы имеются в виду? Материальные. Причем материальные интересы – это выбор целей и средств их достижения, продиктованный эгоизмом, т. е. эгоцентрическими желаниями, намерениями, деятельностью. Материальный интерес – это синтез эгоцентричного побуждения и устремления. Поэтому материальные интересы – это то, что разобщает людей в обществе, даже если они временно объединяются вокруг общих интересов. Речь идет о всех категориях материальных интересов, предусмотренных теорией интересов: индивидуальных, групповых и общественных. Соединяют же людей не временные эгоистические материальные интересы, а вечные духовные ценности.

Несмотря на очевидную сложность природы человека как физического, биологического, информационного, разумного, социального, духовного существа, можно заметить, что прикладные управленческие дисциплины принижаясь перевели в материальное русло вульгарное понимание потребностей людей, опираясь на по сути материалистические теории их иерархичности.

Так, современный менеджмент заметно увлечен прагматизмом, тенденциозно (преднамеренно) и конъюнктурно (приспособленчески) подбирает теории потребностей, на которых строит теории трудо-

вой мотивации. [5] Психические структуры, явления и процессы, обуславливающие потребности, рассматривает исключительно через призму рыночного интереса, политической и экономической выгоды. Побудительные мотивы деятельности людей определяет материальными условиями существования физического тела. В упорядочении потребностей отталкивается от низшего, животного уровня. Социальный уровень обособляет из непростой комбинации потребностей и рассматривает изолированно, вычлняя и классифицируя социальные потребности как «нематериальные». К социальным потребностям обычно относит такие вроде бы благонамеренные, как привязанность, психическая близость, счастье, «тепло, понимание, связь», причастность, признание, уважение, успех и т.п., в то время как на самом деле они бывают по своей направленности вполне материалистичными, корыстными и эгоцентричными, потому что вполне сочетаемы с такими разрушительными средствами их удовлетворения, как доверчивость, зависть, жадность, ненависть, хитрость, обман, эксплуатация, лидерство, власть, тщеславие и т. п.

Уровни выше «социального» трактует как надстройку из морально-нравственных ценностей и этических норм, выработанных в процессе общественной эволюции, увязывая с неким «нравственным началом». Прибегает к метафизике там, где рассуждает о «высших» («необусловленных») потребностях, редко проявляемых определенными людьми. Категорию «осознанность» использует как некий критерий оценки интенсивности проявления потребностей интеллектуально развитыми людьми. Другими словами, осознанность – это критерий оценки уровня развития вторичного сознания, степени интеллектуального превосходства (Авт.).

В результате из логики данных умозрительных построений система менеджмента предлагает «материальные» и «моральные» стимулы к работе, управлению производством и всякой иной жизнедеятельности.

В сухом остатке, прикладные менеджерские теории социальных потребностей, так или иначе обслуживают «толпо-элитарную» концепцию, согласно которой «высшие» потребности в «самореализации», «самоактуализации» и т. п., составляют психологические особенности малочисленных представителей, тонкой социальной прослойки, «элиты», «избранных», «достойных», «сливок общества», причем как правило имущественно нестесненных людей. В свою очередь по умолчанию полагается, что общественному большинству не дано подняться выше нижних уровней иерархии потребностей. Поэтому сам собой напрашивается вывод о том, что представители «элиты» – единственные, кто могут и должны управлять обществом.

Иными словами, иерархические теории доминирующих потребностей – это теории, служащие оправданию элитарного проекта [6], обосновывая неминуемость возникновения иерархий интеллектуального превосходства, собственности, власти и управления в социальной системе.

Далее обратимся и раскроем суть ныне ставшего доступным научному сообществу и всем желающим Исконного Знания о мире и человеке [7], которое позволяет увидеть в истинном свете не только ограниченность этих теорий, но и гносеологическую подмену, ложь от материального разума. Глобальность подмены состоит в том, что потребности от «социального» уровня и «выше» так или иначе признаются «духовными», ибо неосвязаемы, невещественны. Однако совсем это не так. Потребности духовные – потребности человека в духовном саморазвитии. Всегда объективные, чаще не осознаваемые. Направлены на духовные ценности и цели. Не связаны с понятиями материального «желания», «интереса» и «заинтересованности», так как если и направлены в сторону отношений и объектов внешнего (материального) мира, то лишь с целью духовного познания и созидания.

Для обоснования действительной структуры потребностей обратимся к строению психосферы человека и природе ее составных частей.

Итак, Исконное Знание указывает, что на фундаментальном уровне человек двойственен (дуален). Отметим, что здесь не имеются в виду теории «многомерного человека», как представления о энергетической конструкции («оболочках») человека, состоящей из полей других мерностей углубленной физики материальной Вселенной.

Духовное начало – Душа и Личность – это реальная сущность человека, его духовная природа, а не духовно-моральная надстройка, культурное приобретение и т.п. толкования от материалистического мышления и мировоззрения. Особое значение имеет категория Личности. «В новой конструкции, в новом теле, формируется и новая Личность, которая есть то, кем ощущает себя при жизни любой человек, тот, кто принимает решение и совершает выбор между Духовным и Животным началами, анализирует, делает выводы, тот, кто накапливает личный багаж чувственно-эмоциональных доминант» [7].

Сознание – это физическая тонкая материя, полевая структура, септонное поле. Сознание – не есть сфера духовная, а способ существования в трехмерности. Природа сознания – материальное (Животное) начало. Сознание – это всего лишь информация, и никакого нравственного, тем более Духовного начала в нем нет. В лучшем случае есть привнесенные из окружающей культурной среды нравственные установки, трансформированные в соответствующие шаблоны коллективного и индивидуального сознания.

Будучи синтезом двух начал, человек существует и развивается по законам этого синтеза.

Из этого следует, что потребности человека будет правильным четко разделить на потребности, текущие по воле Животного начала от тела и сознания (разрушительный социальный эгоизм), и потребности, текущие по воле Духовного начала от пробужденной Личности (созидательная социальная ответственность, т.е. ответственность людей перед самими собой за собственное духовное развитие и ответственность перед обществом, исключая потребительское отношение к нему).

Эти воли (силы) и соответственно их проявления («потребности») никак не смешиваются, не имеют переходных форм, совсем не совпадают и текут с совершенно противоположных направлений. Человек же, по факту, особой собственной волей не обладает, но лишь наделен свободой выбора воли одного из двух Начал, которую он принимает и считает потом своей, получая взамен потребности, соответствующие данному выбору.

Отметим, что речь не идет об отказе от материальных потребностей, ибо невозможно. Речь идет о том, какая Воля и какие потребности доминируют в индивидуальном и коллективном сознании людей – от Духовного или от Животного начала? И о том, что плохи дела того общества, где потребление возведено в ведущий стимул жизнедеятельности, а повышение стандарта потребления – в ее цель. Однако человек сложный и нестабильный в выборе субъект материального мира.

В свете данного подхода следует признать предвзятостью особое отношение исследователей к «высоким» потребностям «самоактуализирующихся людей» (А. Маслоу). Наблюдая за жизнью «простых людей», мы можем видеть яркие проявления действия духовных потребностей. Например, побуждающих к выбору созидательной трудовой деятельности, даже если она приносит меньший доход. Видим, как в случае дефицита финансирования руководитель низового звена управления с доминацией Духовного начала, получает зарплату после того, как получают его подчиненные. В то же время видим, как в аналогичной ситуации руководитель с доминацией Животного начала, наоборот, получает зарплату раньше руководимого им коллектива, используя «административный ресурс».

В данном контексте предлагаем следующую трактовку понятий. Созидательный труд – деятельность, нацеленная на духовно-нравственный рост Личности. Созидательный труд – всегда творческий в том смысле, что «творит» духовную Личность. Творческий труд – деятельность, нацеленная на преобразование материи, инновации, материальное «творение нового-небывалого», однако не всегда созидательный.

Социальное созидание – социосистемное обновление в направлении духовного развития общества.

Многочисленные примеры духовно-нравственного поведения и добрых начинаний – это действия активного Духовного начала в индивидах, которые вызывают мощный позитивный резонанс в окружающем обществе. Равно как проявления потребностей от Животного начала вызывает негативный резонанс, резкое неприятие в духовно здоровом обществе.

Описанное выше невозможно полностью осмыслить без знания о реальной конструкции человека на уровне углубленной физики. Она состоит из Души вместе с её информационными оболочками (субличностями), Личности и структуры, состоящей из различных полей иных мерностей, включая физическое тело, существующее в трёхмерном измерении, и его компоненту – сознание. Тело – это механическая и химическая части организма, а сознание – это физическая часть организма [7].

Состав психосферы человека можно представить в виде табл. 1.

Таким образом, реальное строение психосферы открывает нам действительные источники того, что принято называть потребностями человека:

- потребности тела;
- потребности сознания;
- желания Личности;
- устремление Души.

На уровне углубленной физики понятие «потребность» можно представить, как энергоинформационную волну. Сила внимания Личности превращает волну в информационную программу сознания. Последующая материальная работа программы – это нарастающая сила побуждения к совершению поступков и деятельности во внешней среде, начиная от физиологических реакций, чувств, мыслей, эмоций, настроений, желаний до идей, намерений, планов и их воплощений.

Сознание, будучи компонентой Животного начала и частью материального мира, активно и агрессивно. Оно отрицает все духовное. Сознание на свои же вопросы не воспринимает тот ответ, с которым оно не согласно. Это внутренний страж и диктатор Личности. Сознание рождает только материальные эгоистические желания. Это эгоистические потребности и цели, которые являются антагонистами духовным потребностям и целям. А Личность, как часть Духовного начала, в независимом деятельном плане неразвита от рождения в физическом теле человека. Однако, если убрать Личность, сознание исчезнет, ибо сознание «питается» и существует за счет энергии внимания Личности (силы Аллата).

Таблица 1

Действительное строение человека

Принадлежность	Элементы строения	Первичные энергии	Управление	Независимые (автономные) желания
Животное Начало (Материальное. Эгоизм)	Тело	Жизненная сила («ци», «прана»)	Физиологические процессы. Рефлексы	Самосохранение. Размножение. Удовольствия здорового, бессмертного, сытого и вечно молодого тела
	Первичное сознание (примата)	Животный разум (септонное поле)	Реакции тела Мыслеформы (чувственные картинки-образы). Эмоции. Желания («нечистый» дух)	Материальный интерес. Альфа-доминирование
	Вторичное сознание (новое)	Животный разум (септонное поле)	Мысли. Эмоции. Настроения. Вера (сила мысли). Намерения	Самоутверждение. Привилегии. Превосходство. Успех. Слава. Влияние. Тайновластие
Духовное начало	Личность	Сила Внимания (Аллат)	Воля (свобода выбора). Знание (истинная вера)	Духовное освобождение
	Душа (реальная антиматерия)	Созидающая («исцеляющая») сила (АллатРа)	Глубинное Чувство («Чистый Дух», Совесть)	Слияние с Духовным Миром

Человек в течение жизни может чувствовать духовные потребности, но они не будут стабильно руководить его действиями до тех пор, пока Личность не утвердит духовную доминанту в сознании, контролируя мысли. Бесконтрольной мыслью руководит Животное начало, ибо мысли – это всего лишь материальный продукт (информационная волна и затем – информационная программа) материального сознания. При доминации Животного начала в сознании человека духовные потребности его Личности слабы.

Формирование потребностей от Животного начала связаны с определенными этапами развития индивидуального сознания по мере взросления человека в течение времени жизни. Идет процесс усиления первичного сознания как первичный всплеск осознания себя как Личности в 4–7 лет, и вторичный всплеск в 10–13 лет, проявленный на физическом плане как половое созревание, и интенсивное развитие интеллекта (вторичного сознания). Если при этом Личность не развивается, не накапливает личный багаж созидательных чувственно-эмоциональных доминант, то духовным потребностям становится все труднее прорывать блокаду сознания (эгоцентризма) растущего организма. Отсюда мы делаем вывод о той огромной роли, которую играет весь общественный уклад жизни, надлежащее воспитание и образование детей, подростков, молодежи.

Важно понимать, что духовные потребности ни в какой иерархической системе потребностей от Животного начала никогда не находятся. Это внесистемный по отношению к структуре Животного начала фактор. Например, в детстве эгоцентричные потребности в «тепле, понимании, связи» и т. д., свойственные детям с первых месяцев от рождения на уровне ощущений и образов, а позже – осознаний, бывают ярко окрашены присутствием Духовного начала как глубинных чувств, идущих от Души к Личности, порождая противоположные эгоизму благодарные, теплые, добрые слова, поступки, дела ребенка.

Устойчиво духовные потребности проявляет только развивающаяся в течение времени жизни Личность, ибо она целиком принадлежит Духовному началу. Сознание же может оказаться в подчинении, служить целям, стать инструментом управления в деятельности Личности, отражая и воплощая ее духовные потребности в трехмерности. Но сознание само от себя генерировать духовные потребности не может.

В данном ключе значение имеет только выбор Личности. По факту, речь идет о свободе выбора мыслей и чувств, идущих от одного из двух начал, Животного или Духовного. Этот выбор происходит в материальном разуме как распознающем участке сознания.

С течением жизни Личность контактирует с Душой, с Животным началом и с внешним миром. Чувства и мысли, приходящие от того и от

другого начала, выбирает Личность. Личность желает того, к чему неравнодушна, чему отдает предпочтение. Сосредоточение внимания на сигналах Духовного начала (глубинных чувствах) обуславливает духовное саморазвитие Личности. Напротив, бессознательное попускание, а тем более сознательный выбор приоритетов Животного начала, программирует эгоистически-потребительский, властолюбивый настрой ума, воздвигает главенство материальных ценностей в нем. В конечном пункте этот выбор приводит к полному порабощению Личности материей («раб Эго»), материализацией сознания, духовной деградации человека. Вместе с тем, человек сохраняет способность к развитию больших интеллектуальных возможностей (вторичное сознание). В итоге может появиться высокоинтеллектуальный, но совершенно бездуховный индивид с раздутой манией величия, настоящий «человекоподобный монстр».

Если Личность неустойчива в выборе, то даже осознание «высших» потребностей подчиняется функции Животного начала. Сам факт осознания индивидом «высших» потребностей еще не означает духовного созревания. Например, находясь на волне Животного начала, индивид может объяснять свою потребность в «самоактуализации» мессианскими соображениями, но на самом деле им руководит мания величия и тщеславие от Животного начала.

Обратимся также к понятию «самовыражение» как способ самоактуализации, например, в искусстве. Так, мастерство художника свидетельствует, как принято считать, о высоком уровне развития Личности. Известно, что абстрактный экспрессионизм – это способ свободного самовыражения (предельная эмоциональность, экзальтированность Грюневальда, Эль Греко и др.). Результат такого самовыражения будет один – развитие гипертрофированного эгоизма, раздутое Эго художника. Ибо в действительности он: «...разрушает классическое искусство, оглушает население, ломает традиционные ценности» [8]. Мастерство и желание самовыражения художника является далеко недостаточными условиями духовного развития Личности.

Если Личность художника, и вообще кого бы то ни было, бездействует, не занимается духовным саморазвитием, то врожденные и приобретенные потребности тела и сознания «по иерархии до самых высших», являются функцией Животного начала.

Из всех потребностей, свойственных человеку, духовные потребности Личности первичны, однако в потребительском формате мышления (материализованном сознании и материалистическом мышлении) обычно бездействуют, ютясь на бессознательных уровнях психики и лишь иногда прорываясь интуитивно. Они начинают устойчиво волновать человека и побуждать к созидательным действиям только в резуль-

тате просвещения подлинным Знанием, восприятие которого становится мощным внутренним стимулом духовного роста Личности.

Осуществив стабильный внутренний выбор, Личность твердо ему следует. Достигнув приоритетов Духовного начала в сознании, Личность устанавливает поведенческие ограничения и цели себе сама. Конечно, национальные, культурные, природные, техногенные и другие особенности внешней среды оказывают значительное влияние. Вместе с тем, история, религия, культурные артефакты, памятники, языки, верования, обычаи, традиции, обряды, ритуалы, моральные и этические принципы, правовая и управленческая культура, нормы, запреты, ограничения и правила поведения, материальные условия жизни, технологический уклад и т. д. – все это условия и стимулы, т.е. факторы, которые влияют, но не заменяют существо внутреннего процесса, происходящего в человеке на духовном направлении саморазвития.

Духовные потребности просыпаются и развиваются в человеке, пройдя через восприятие Исконного Знания, максимальный внутренний выбор Личности, контроль (отслеживание) мыслей, чувственный опыт соприкосновения и постижения красоты Души своей, влияние примеров созидательных людей. В общественной среде духовные потребности прорастают в процессах взаимодействия индивидуальной и коллективной созидательной деятельности, общении людей на духовных приоритетах коллективного Духовного разума.

Таким образом, вышеизложенный подход (в смысле направления методологии научного познания) – есть ключ к пониманию многих процессов и явлений прошлого, настоящего и возможного будущего.

В частности, мы можем увидеть это на примере анализа системы социального контроля, которая уже внедряется на практике, ведя к жестко контролируемому и крайне неэгалитарному обществу. Она может называться системой «социального доверия», «социального кредита» и т. п. Такая система внедряется в КНР с именем «система социального кредита» 社会信用体系 (то же «социального доверия»). С помощью цифровых технологий и big data система будет анализировать данные о каждом гражданине, присваивая ему «индивидуальный рейтинг», от которого будет зависеть не только общественная, но и частная жизнь людей.

Система социального контроля – это на сегодняшний день крайняя форма закрепощения общества, альтернатива образу свободного общественного самоуправления. Очевидно, что локальная или глобальная система социального контроля, работающая на автоматизме, крайне нежелательна на российской почве, несмотря на то, что ее принцип, казалось бы, безупречен: «Оправдавшие доверие пользуются всеми блага-

ми, а утратившие доверие не могут сделать ни шагу». Возникают вопросы: «Зачем, в чем и чье доверие?»

Чтобы разобраться, зададимся такими вопросами: 1) Указывает ли система людям путь и способствует ли в свободном выборе духовного развития? 2) Помогает ли объединению людей на общей духовно-нравственной основе, взаимопомощи и человечности? 3) Есть ли иной скрытый смысл (зачем?) в оглашенных инициаторами целях процветания и единения?

Любая искусственная система социального контроля, которую образно можно назвать «искусственным отбором», «социальной селекцией», «зачисткой», – это не указатель пути, а жесткий стимул к материальным приобретениям в обмен на «хорошее поведение» и «добрые дела», и наоборот. Это тонкая, хотя и шаблонная, подмена Животного разума духовных устремлений людей материальными ценностями и целями, спрятанная за кажущейся благовидностью, ведь людям всегда хочется жить лучше в лучшем окружении.

Обезличенное управление на основе новейших информационных социальных технологий создает у людей полную иллюзию, будто они сами «добровольно» («так положено или так принято») контролируют (следят) друг друга и ситуацию в социуме, в то время как на самом деле их тотально контролирует система, подчиняя своей воле и направляя. В общей теории управления такой способ называется «бесструктурное управление».

Данный эксперимент в своей части экономического управления является элементом проекта посткапиталистического мира как «глобальной распределительной экономики». По словам Жака Аттали, на смену капитализму времен К. Маркса пришла «глобальная распределительная экономика», обеспечивающая контроль над распределением ресурсов и выделяющая каждому столько, сколько положено [9].

Суть проекта состоит в смене распределительного инструмента, «кода доступа» людей к материальным социальным благам, окончательное лишение денег роли эквивалента обмена. В традиции – это располагаемые денежные доходы под управлением финансовой системы. В эксперименте же – это «индивидуальный рейтинг», который, минуя финансовые механизмы денежной меры труда, благодаря сверхмощным компьютерам, прямо присваивает и прямо управляет система дискреционной власти (власть в дискретной (разделенной) системе Животного разума). Причем это становится возможным в условиях изобилия дешевых продуктов потребления, обеспечиваемого новыми сверхпроизводительными технологиями.

Система социального контроля нарушает Божественное право любого человека на свободу выбора, и, значит, ее внедрение достигнет не тех целей, которые оглашаются публично. Бездушная тирания железного социального порядка делает человека абсолютным рабом, лишает его права на ошибку как условие свободного выбора. Не может быть понятия «безусловное подчинение». Человек имеет право и возможность выбора кем ему быть, как существовать, кому и чему служить.

Задача управления (здесь уместнее понятие «самоуправление») – приложить силу общественного внимания и ресурсы к созданию таких условий (косвенный способ), которые способствовали бы свободному волеизъявлению духовного выбора, добровольному объединению людей на истонных Знаниях и принципах, истинно духовных социальных благах. Система социального контроля не создаст данных условий, ибо базируется на потребительских ориентирах и стимулировании материальной заинтересованности. Она ведет общество в противоположном от духовности направлении, ибо суть ее – потребление, материальный интерес, а стимул ее – страх. По мере роста материального благосостояния у населения проявится гордыня, высокомерное чувство социального превосходства, которая вытеснит страх на бессознательные уровни психики, где он укоренится в преемственности поколений. В результате люди становятся легко манипулируемыми объектами, бессознательными проводниками, жертвами деструктивной политики (функция деструкторов).

Система блокирует возможность свободного духовного роста, самоконтроля, самосовершенствования человека. Она вовсе не помогает духовному созреванию Личностей, не объединяет людей на приоритетах Духовного начала, а еще больше разделяет их, чтобы безраздельно властвовать и подчинять. Действительная цель эксперимента – это всевластие людей-проводников воли глобального Животного разума. Данная управленческая социальная инновация – это путь усиления дискреционной власти.

Общество же, пытаясь переложить ответственность за себя на кого-то и что-то (в данном случае на систему социального кредита), породит чудовище. Не надо создавать чудовищ, а надо ответственно относиться к самому себе. Ключевым понятием является духовно-созидательное развитие общества, групп, индивидов, ибо по этой мере должен оцениваться способ управления.

Властно-управленческая стратегия от «малого процветания» – через «среднюю зажиточность» – к «большому единению» без массового освоения и практического применения благородного возвышающего Истонного духовного Знания, без создания институтов реального

самоуправления, без цели духовного освобождения, человечеству не только бесполезна, но губительна.

Приоритетной, конечно же, является модель самоуправления в жизнедеятельности и труде, при которой статистически критическая масса людей выбирает духовно-созидательный вектор целей. Общественное самоуправление – это концептуальный (максимальный) добровольный выбор приоритетов Духовного начала, смена потребительского на духовный вектор развития. Самоуправление предусматривает объединение людей на духовной составляющей двойственной природы человека.

Вселенский закон таков, что труд, наполненный духовным смыслом, приносит одновременно и материальный достаток (в действительности процветание – это не когда много, а когда достаточно), т.е. полную моральную и материальную удовлетворенность трудом. Это и есть социальный идеал для сферы общественного труда.

Высший уровень, которого может достигнуть социальное управление, – это просвещение и воспитание свободной самодисциплины и социальной ответственности. Основные условия для настоящего прогресса общества, движущегося в духовном направлении от низшего к высшему следующие:

- повышение духовной и интеллектуальной грамотности людей;
- духовное самосовершенствование человека и его активное участие в жизни общества;
- самостоятельное объединение народов в единое мировое общество;
- упразднение мировой системы власти жрецов и политиков;
- жесткое ограничение капитализации семьи индивида;
- управление обществом должно принадлежать только самому обществу в целом;
- исключение понятия «режим секретности» в делах самоуправления общества и открытость информации самого процесса управления;
- запрет пропаганды негатива, навязываемого Животным разумом,
- войны, насилия, убийств, розни, ненависти, эгоизма и т. д.;
- идеологическое преобразование общества, которое неразрывно связано с доминацией как в человеке, так и в обществе нравственных ценностей и Духовного начала [7, с. 860–861].

Кроме этого актуальным остается вопрос: «Как в современной действительности преодолеть финансово-экономические кризисы, вызовы времени и природы?» Очевидно, что людям трудно справиться с ними в одиночку. Поэтому сегодня особенно важно поддерживать друг друга, стремиться к наиболее эффективному уровню взаимодействия,

использовать взаимодополняющие возможности. Духовно-созидательная стратегия развития общества, в том числе и в сфере социального управления, социальной ответственности – это основной фундамент для будущих поколений.

Важно понять, что в данный момент мы наблюдаем потребительское общество, когда человек человеку – средство достижения целей и объект манипуляции. Партнерское же общество предполагает, что человек человеку – равноправный партнер. В потребительском обществе человека приучили стремиться не к объединению, а к доминированию, отстаиванию своей выгоды, власти, мнения, прав. А манипуляции и психологические игры на рабочем месте разобщают. Объединение в коллективе профессионального, творческого и духовно-нравственного потенциала, опыта и знаний каждого сотрудника ради общей созидательной цели формирует сплоченную эффективную команду. В таком коллективе отношения строятся на основе честности, взаимоуважения, доверия, сотрудничества и взаимопомощи.

Учитывая вышесказанное, можно отметить, что социальная ответственность – это кодекс чести, который является внутренней потребностью самого человека и его последний искренне стремится во всем соблюдать, буквально живет им. Это постоянное стремление (т.е. социальная потребность) человека к всестороннему развитию: как совершенствование своих профессиональных навыков и приобретение новых знаний и опыта, так и стремление к нравственной чистоте и к раскрытию своего духовного потенциала.

В данном ключе речь должна идти о непрерывном самосовершенствовании Личности каждого сотрудника, принятие на себя ответственности за свои действия, сплоченности в коллективе, единстве, созидательной направленности деятельности и общения сотрудников.

По сути – это универсальные духовные ценности для любого типа общества.

Таким образом, мы рассматриваем духовность как человеческую сущность, проявляемую повсюду, не исключая сферу материального производства, отводим место данной новаторской мысли в качественном преобразовании общества. Специфика данного универсального для всех народов духовного фактора заключается в вовлечении Личностей, групп, коллективов, общества в целом в процессы самоуправления, направленные на развитие потребностей и целей духовного созидательного развития человека и общества. Коллектив должен заботиться о каждом человеке, а человек – о коллективе. Духовное развитие каждого является условием духовного развития всех. *Чем больше тех, кто помогает другим, тем меньшему количеству требуется помощь.*

В заключении мы можем назвать созидательные (не разрушительные) социальные потребности, хотя и свойственные материальной составляющей двойственной природы человека и общества, но удовлетворение которых становится благоприятным условием для пробуждения в людях духовных потребностей, подавления негативных качеств, преобразования Личности человека, улучшению морально-нравственных качеств всего общества:

- жить в свободном обществе;
- жить в безопасном обществе;
- жить в равноправном обществе;
- иметь хороший материальный достаток.

Что касается существа духовных потребностей, то среди богатства оттенков и многообразия их проявлений Личностями мы можем констатировать совокупные (обобщающие) три:

- потребность во внутренней свободе;
- потребность в познании себя и мира;
- потребность в созидательной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Maslow A. H.* Motivation and Personality / A. H. Maslow. – New York : Harpaer& Row, 1954. – 399 с.
2. Основы менеджмента: пер. с англ. / М. Х. Мескон [и др.]. – М. : Дело, 1998. – 800 с.
3. *Ковалев С. В.* Квантовый скачок сознания, от выживания к жизни [Электронный ресурс] / С. В. Ковалев. – Режим доступа: [https:// youtube.com/watch? v=5-Apxcene5o](https://youtube.com/watch?v=5-Apxcene5o).
4. Достаточно общая теория управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vodaspb.ru/index.php?dn=down&id=115&to=open>.
5. *Либенсон И. Р.* О стимулирующей функции оплаты труда в управлении / И. Р. Либенсон, И. М. Максимов // Культура. Наука. Образование. – 2017. – №1 (42). – С. 129.
6. *Пыжиков А.* Дорогой предков. За пределами эпохи Просвещения и Библейского проекта [Электронный ресурс] / А. Пыжиков. – Режим доступа: <https://www.planet-kob.ru/video/7175/aleksandr-pyzhikov-dorogoi-predkov-za-predelami-epohi-prosvescheniya-i-bibleiskogo-proekta>.
7. *Новых А.* Аллатра / А. Новых. – М. : Аллатра Русь, 2016. – 880 с.
8. *Девятков А. П.* Оценка перспективы Атлантизма – Новый Вавилон. Глобализм – проблема 2025 [Электронный ресурс] / А. П. Девятков. – Режим доступа: <https://peremeny.ru/books/osminog/11497>.
9. Millennium: winners and losers in the coming world order. – New York : Random House, 1991. – 132 с.

УДК 338.262

Г. Н. Шурховецкий*

ПРОБЛЕМА ПЛАНОВОГО УСТАРЕВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

Статья посвящена реализации планового устаревания в современной экономике. Производителю выгодно, чтобы его товар постоянно покупался на рынке, поэтому через определенный срок товар начинает ломаться, стимулируя покупателей на новые покупки современных моделей. Это явление получило название планируемого устаревания. В данной статье рассматриваются преимущества для производителя данной стратегии производства. Данный материал подкрепляется примерами из современного производства. Приводятся позиции противников и сторонников этой стратегии. А также рассматриваются возможные пути решения данной проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *плановое устаревание; информационная асимметрия; функционально-стоимостный анализ; монополистический рынок; олигополистический рынок; ресурсо-ориентированная экономика.*

G. N. Shurhovetckii

THE PROBLEM OF PLANNED OBSOLESCENCE IN THE MODERN ECONOMY

The article is devoted to the implementation of planned obsolescence in the modern economy. It is profitable for the manufacturer that his goods are constantly bought on the market, so after a certain period of time the goods begin to break, stimulating buyers to buy new modern models. This phenomenon is called planned obsolescence. This article discusses the benefits to the manufacturer of this production strategy. This material is supported by examples from modern production. Positions of opponents and supporters of this strategy are given. And also possible ways of the solution of this problem are considered.

KEYWORDS: *planned obsolescence; information asymmetry; functional and cost analysis; monopolistic market; oligopolistic market; resource-oriented economy.*

Суть планового устаревания заключается в том, что товар создается с ограниченным сроком эксплуатации, который искусственно программируется в товаре инженерами на производстве, вынуждая покупателей снова и снова покупать новые товары в недалеком бу-

* **Шурховецкий Георгий Николаевич**, аспирант Иркутского государственного университета путей сообщения.

дущем [1]. Данная стратегия может быть использована как напрямую в производстве товара, при его сборке, так и не напрямую через рекламу, моду, техподдержку (имеется ввиду постепенное прекращение поддержки продукта производителем или выпуск комплектующих изделий).

Запланированное устаревание несет в себе огромные выгоды для производителя, которыми он может воспользоваться, в частности, это контроль выпуска новой модели (ориентированной на гарантийный срок старой модели), а также имея ограниченный срок работы товара, имеется возможность продавать ее снова и снова покупателю. Который в принципе может пойти к другому производителю, который хотя и предлагает альтернативный товар, но тоже может использовать данную стратегию у себя в производстве [2].

Целью планового устаревания является сокрытие реальной стоимости товара (так называемая информационная асимметрия (неравномерное распределение информации о товаре между сторонами сделки)) от покупателя и завышение цены на товар больше, чем покупатель может себе позволить (или желал бы потратить в данный момент). Что в совокупности способствует максимальному извлечению прибыли. В промышленности такая стратегия стимулирует повышение спроса на новые модели товара, например, iPhone Apple новые модели выходят каждый год. Конечно, покупатель может выбрать альтернативного производителя, но он может придерживаться той же стратегии.

Первое упоминание о запланированном устаревании появилось в 20-30-х гг. прошлого века, когда картель Phoebus установил срок службы ламп, равный 1 тыс. ч. Тогда же развернулось широкомасштабное поточное производство, и каждая минута производственного процесса была подвергнута анализу. Данный срок службы был рассчитан его инженерами и считался оптимальным, хотя лампочки могли служить и 2,5 тысячи часов и даже дольше. Наблюдалось искусственное занижение сроков часов эксплуатации при производстве, вплоть до штрафов, если кто-либо из участников нарушал данную политику картеля. Инженеры считали, что большее количество часов приводит к нерациональному расходу энергии, приводящему к снижению эффективности товара.

Также в качестве примера можно рассмотреть случай связанный с современным производством в Китае. С того момента как появились китайские фабрики, которые реально могут конкурировать с такими гигантами как Nokia, Samsung. Стоимость телефонов, произведенных в Китае, включающих в себя две SIM-карты, ТВ, сенсорный экран «не превышает 70 дол., – говорит ведущий аналитик Mobile Research Group

Эльдар Муртазин, – в то время как ничего подобного крупные производители за те же деньги сделать не могут» [3].

Компании должны предоставить аналоги китайской продукции с оптимальным соотношением цены и качества. Но в действительности, по словам Муртазина, производители экономят на количестве и качестве комплектующих изделий. Например, в Nokia 1280 впервые за всю историю бренда отказались от двух динамиков. А в корпусах Nokia C5-03 появляются трещины в течение двух-трех недель. «Производитель признал этот брак заводским, который возник в результате недостаточного срока тестирования пластика, – говорит Муртазин. – Экономия при таком подходе составила свыше 11 млн дол. с модели, что и мотивирует производителей идти на такие действия» [3]. Также можно отметить, что комплектующие изделий низкого качества поставляются определенными поставщиками и при правильном заключении договора, производитель, зная о дефектном товаре, может все равно пустить его в производство, а когда недостаток вскроется, принести публичные извинения исправить все недочеты, а плату взыскать с поставщика некачественного товара. Тем самым, он и сэкономил, и получил компенсацию, и сохранил лицо.

Или другой случай, один из пользователей сайта Nabrahabr.ru под псевдонимом VladSK рассказал случай из своего профессионального опыта, полученного при проведении лабораторной практики, куда они закупили четыре года назад четыре совершенно новых компьютера. Гарантийный срок на материнские платы составлял 2 года. Уже через 25 месяцев сгорела первая, еще спустя месяц – вторая. А в течение последующего полугодия оставшиеся две вышли из строя. Также у него в течение месяца после гарантийного срока сгорел блендер, хотя он использовал его всего 5 раз за все время. По мнению автора, в этом прослеживается точный инженерный расчет при производстве товара. Также можно отметить, что уже в 30-е гг. XX в. появилась на свет концепция об управлении сроком службы произведенного товара. В памфлете Бернарда Лондона (крупный торговец недвижимостью) 1932 г., который назывался «Окончание депрессии с помощью планируемого устаревания», была провозглашена такая идея, как ограничение эксплуатационного срока жизни мебели, одежды и других товаров и их постоянная замена новыми по истечении запланированного срока. В 1954 г. этой идеей заинтересовался и взял себе на вооружение американский промышленник Брук Стивенс. Он выступил с ней на рекламной выставке, где активно пропагандировал этот принцип, призывая потребителей приобретать все более новый товар с чуть более улучшенным качеством и желательнее раньше, чем старые модели выйдут из строя [3].

Оценки анализа производимой продукции в рамках запланированного устаревания при разработке и производстве товаров могут существенно сэкономить средства. Это достигается тем, что подбираются такие комплектующие материалы, чтобы товар проработал гарантийный срок, но не больше. Соответственно материал может быть наиболее низкого качества, но достаточного для гарантийной эксплуатации продукции, и наиболее дешевый. Это можно наблюдать и на примере современных автомобилей, качество прочности и долговечности которых во много раз ниже, чем у машин XX в. Такие решения – часть более широкой дисциплины, известной как функционально-стоимостный анализ [4] (метод системного исследования функций объекта с целью поиска баланса между себестоимостью и полезностью [5–8]).

Главная идея стратегии данной теории заключается в постоянном росте объемов продаж за счет уменьшения времени между покупками (из-за коротких циклов замены), совершаемыми покупателями. Фирмы, которые придерживаются такой стратегии, повышают свои продажи, доходы от которых превышают потери от вкладывания ресурсов на исследования и перестройку производственных линий. Это не абсолютное преимущество, потому что в конкурентоспособной индустрии такие методы могут быть рискованны, так как покупатель может решить приобрести товар у конкурента. Поэтому благодаря такой стратегии производитель должен одурачивать потребителей на мгновенной стоимости использования по сравнению со своими конкурентами.

У данной теории планируемого устаревания существует как множество критиков, так и множество сторонников. К критикам относятся, например, Вэнс Паккард (известный американский журналист XX в.), который считает, что короткий цикл замены повышает использование ресурсов и эксплуатирует клиентов. Ресурсы предприятий расходуются для небольших внешних изменений, которые не слишком уж важны клиенту. Сторонники утверждают, что такой подход к производству способствует ускорению технического прогресса, а также и обогащению промышленников. В связи с чем, это может быть более предпочтительнее, чем создание долговечных товаров и выпуск более новых и радикально отличающихся моделей. В современном быстро меняющемся мире рыночная экономика заинтересована в том, чтобы как можно чаще выпускалась новая модель товара, а старая выводилась из строя, и покупатель был заинтересован в покупке более новой модели. А в условиях конкуренции можно просто выпускать чуть более качественную модель и чуть более долговечную, не выходя из общепринятой рыночной нормы планируемого устаревания.

Основная мысль противников теории запланированного устаревания не в существовании этого процесса, а в его отсрочке в будущем. Они считают, что усовершенствование техники не происходит в тех случаях, когда для этого есть необходимые условия. Производители заинтересованы в том, чтобы «выжать» максимум из старой модели, а новая модель отличалась от старой не сильно, тем самым, оставляя возможность для дальнейшего выпуска серии. Из-за этого может тормозиться выпуск более новой модели, а потом после ее выпуска со временем происходит прекращение поддержки старого товара. Например, если предположить, что период окупаемости для товара составляет пять лет, то фирма могла бы воздержаться от создания и выпуска нового товара в течение, по крайней мере, этих пяти лет даже при тех условиях, что для нее есть возможность начать производство через три года. Такое поведение компаний возможно только в монополистических или олигополистических рынках, причем не только явных, но и скрытных, например, когда кажется, что фирм достаточно много на рынке и они конкурируют, но на самом деле всеми их акциями владеют одна или несколько крупнейших корпораций. С другой стороны, в более конкурентных рынках конкурирующие фирмы могут воспользоваться этой отсрочкой, и начинать производить свои собственные товары по такому же принципу.

Известно также о планируемом устаревании в программных продуктах. Так в ИТ-компаниях – разработчиками программного обеспечения заблаговременно перестают поддерживать старые технологии, чтобы вынуждать пользователей купить новые продукты, заменяющие устаревшие [9].

Большинство коммерческого программного обеспечения со временем достигает своего конца жизни, в которой изготовитель прекратит обновления и поддержку. Но, поскольку свободное программное обеспечение может всегда обновляться и поддерживаться конечным пользователем, то он не находится в данной ситуации в зависимости от корпорации производителя.

В качестве примера в ИТ-индустрии можно рассмотреть недавний скандал, связанный с PRISM или скандал в 1999 г. о бэкдоре (backdoor). После покупки Microsoft-ом Skype, было много споров и обсуждений об изменившейся архитектуре продукта, необходимые, как казалось многим, в угоду слежке. Но один из последних скандалов имеет больший резонанс, чем все остальные.

Фрэнк Шо, представитель Microsoft, подтвердил наличие программы раннего информирования о не закрытых 0day уязвимостях в продуктах корпорации. В результате чего, NSA имела в своем распоря-

жении инструмент для проникновения на любые пользовательские компьютеры с установленной ОС Windows, либо программой Skype. По его мнению, Microsoft специально участвовала в данных программах для того, чтобы оценивать и снижать риски связанных с будущими обновлениями этих уязвимостей, т. е. в результате заложенных уязвимостей в изначальных ОС и программных продуктах, появлялась возможность для сбора данных и будущих постоянных обновлений системы/программ, которые убирают старые уязвимости и создают новые, что также поддерживает постоянный спрос на их продукт. Участие компании в данных программах было добровольным со стороны Microsoft. Учитывая, что Skype широко используется на Linux, Mac OS, Android, iOS покрытие получается масштабным [10]. Также интересно отметить, что такой же политики могут придерживаться и в сфере информационной безопасности, когда самими компаниями заблаговременно в программном обеспечении или в самой системе безопасности создаются бреши, через которые злоумышленники могут проникать, и которые устраняются более новыми совершенными продуктами (новой версией или новой моделью) по информационной безопасности или обновлениями, что постоянно поддерживает спрос на высоком уровне. Это предположение можно подтвердить тем, что киберпреступлений с каждым годом становится все больше и больше. При этом качество ПО постоянно нуждается в обновлениях или создании более совершенного продукта. В то время как спрос на него для создания информационной безопасности постоянно растет.

Планируемое устаревание наносит прямой вред окружающей среде:

- для производства новых изделий требуются все новые и новые ресурсы, все больше энергии, добыча которых создает дополнительную нагрузку на экологию и человека;
- устаревшие изделия отправляются на свалку, увеличивая загрязнение окружающей среды;
- на повторную переработку устаревших изделий, снова требуется энергия и новые материалы.

Соответственно, таким образом, планируемое устаревание способствует расточительному использованию природных ресурсов и ухудшению состояния окружающей среды в целом.

Среди методов борьбы с данным злоупотреблением производителей можно отметить прежде всего юридические способы оказания воздействия. Например, в Великобритании запланированное устаревание, встроенное в товар, рассматривается как нарушение прав потребителей. Здесь создано два института, занимающихся данным вопросом – это

управление по добросовестной торговле и торговый институт стандартов, которые расследуют утверждения о товарах, постоянно ломающихся сразу после окончания гарантийного срока или в ближайшее время после него. Знаменитым делом было «Apple iPod Click Wheel», который ломался у многих пользователей в течение 18 месяцев после покупки, в результате суда, когда дело было выиграно, было решено соглашением сторон увеличение гарантийного срока и бесплатной замене аккумуляторов [11; 12].

Также можно попытаться заменить существующую систему, например, по примеру проекта «Венера», созданную Жаком Фреско (известный американский производственный инженер, промышленный дизайнер и футуролог), в рамках которого им предлагается избавиться от стратегии запланированного устаревания путем замены современной денежной системы, которая является главной причиной данной проблемы, на ресурсо-ориентированную экономику, в которой все товары и услуги будут доступны без использования какого-либо товарно-денежного обмена (денег, бартера и т. д.). О планах реализации данной идеи подробнее рассказывается в «Проекте Венера» [13]. Но ресурсо-ориентированная экономика для России и русских может представлять собой «палку на двух концах», если опираться на общечеловеческие ценности и т.д., т.п., то в России населения составляет всего 2,2 % от общей численности населения Земли, а ресурсов на территории нашей необъятной Родины составляет 40 % от мировых запасов. Этим можно манипулировать в корыстных целях. При этом, если товарообмен будет осуществляться на честном обмене по принципу кто сколько наработал, тот столько и потребляет, что как раз позволит преодолеть кризис толпо-элитарного общества и перейти к совершенно новым отношениям в обществе и мировом сообществе в целом.

Можно заставить производителя самому нести ответственность за свой товар в случае поломки (конечно, если она не произошла по вине потребителя) и ввести периодическую модернизацию продукта с его стороны за определенное вознаграждение. Как можно видеть, например, в военной сфере, когда военная техника создается с эксплуатационным сроком до 30–70 лет, при этом происходит периодическая модернизация, которая позволяет отвечать технике современным вызовам времени.

Можно по-разному относиться к этой теории, но факт остается фактом, современная техника после гарантийного срока в ближайшее время ломается довольно часто, как в принципе и во время гарантийного срока, несмотря на ошеломляющие скорости современного технологического прогресса. И уж совсем редко бывает, чтобы товар служил существенно дольше гарантийного срока в 2, а то и в 3 раза. Если современный произ-

водитель будет нести пожизненный гарантийный срок на свою продукцию, то это повысит персональную ответственность каждого производителя, существенно повысит доверие к нему со стороны покупателя, и как следствие снизит нагрузки на экосистему и общество в целом.

Человек может делать технику лучше как в плане качества, так и в плане доступности, тем самым, открывая перед собой в будущем новые горизонты. Как писал еще Оскар Уайльд: «Сегодня техника осуществляет конкуренцию с человеком. Но в будущем она будет служить ему и не должно быть сомнений, что это и есть будущее техники и технологий. Человек и все человечество сможет сосредоточиться на более возвышенных занятиях, которые являются высшим предназначением для человека. Люди будут заниматься изучением фундаментальных книг, созданием новых передовых технологий, или заниматься познанием глубин бытия окружающего мира. А вся техника будет выполнять рутинную и необходимую работу...

Будущее общество с помощью техники и технологий будет обеспечиваться всем необходимым, а изучением прекрасных вещей, фундаментальных трудов и передовых технологий займется личность. Это не только необходимо, это единственно возможный путь. Личность, вынуждаемая производить вещи для других, не будет работать с интересом и, следовательно, не сможет воплотить в своей работе то лучшее, что скрыто в ней» [14].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Bulow J.* An economic theory of planned obsolescence / J. Bulow // *Quarterly Journal of Economies*. – 1986. – Vol. 101, № 4. – P. 729–749.
2. *Computer Electronics: Blu-Ray*. ComputerInfoWeb.com [Electronic resource]. – 2008. – Режим доступа: <https://www.webcitation.org/69ljrWDmh>
3. *Рагимова С.* Одноразовое повсюду / С. Рагимова // *Коммерсантъ Деньги*. – 2011. – 11 апреля (№ 14). – С. 42.
4. *Шатунова Г. А., Кузьмина О. Н.* Историко-логический генезис и периодизация этапов развития функционально-стоимостного анализа / Г. А. Шатунова, О. Н. Кузьмина // *Вестник Самарского государственного экономического университета: журнал*. – 2012. – № 4 (90). – С. 91–96.
5. *Бриль А. Р.* Функционально-стоимостный анализ в экономических расчетах. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. – 148 с. – ISBN 5-288-00155-3.
6. *Велленройтер Х.* Функционально-стоимостной анализ в рационализации производства = Aktionsprogramm integrierte Leistungsverbesserung durch Wertanalyse. – М. : Экономика, 1984. — 110 с.
7. *Влчек Р.* Функционально-стоимостной анализ в управлении = Prirucka hodnotove analyzy. – М. : Экономика, 1986. – 175 с.
8. *Грамп Е. А.* Организация служб функционально-стоимостного анализа в промышленных фирмах США. – М. : Информэлектро, 1971. – 430 с.

9. Idea: Planned obsolescence. Economist.com [Electronic resource]. – 2009. – Режим доступа: <https://www.webcitation.org/69ljs1lvv>
10. Могут ли компании снова доверять Microsoft? Спецслужбы получали информацию о 0-day уязвимостях Windows и Skype [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habrahabr.ru/post/184014/>.
11. «Дело Уэстли против Apple. Решение суда о соглашении сторон» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.webcitation.org/67Dq4QYJ6>.
12. «Дело Уэстли против Apple. Ежеквартальный отчет Apple Inc. Стр. 51» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.webcitation.org/67Dq4qVd8>
13. Часто задаваемые вопросы Жак Фреско, Проект Венера (FAQ Проект Венера) [Электронный ресурс] // Общественная Организация «Проектирование Будущего». – Режим доступа: <http://designing-the-future.org/the-venus-project-faq>.
14. *Оскар У.* Душа человека при социализме. 1891 г. [Электронный ресурс] / У. Оскар // The Fortnightly Review. – Режим доступа: <http://oscar-wilde.ru/estetika-miniatury-esse-lekcii/dusha-cheloveka-pri-sotsializme.html>.

ПСИХОЛОГИЯ. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 159.92; 159.96

Э. В. Зауторова*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье предоставлена социально-психологическая характеристика суицидального поведения осужденных. Причинами его являются пенитенциарный стресс, неблагоприятная социальная среда и т.д. В итоге ухудшается самочувствие, наблюдается общая эмоциональная неустойчивость.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: места лишения свободы; осужденный; суицид; суицидальное поведение; характеристика суицидального поведения.

E. V. Zautorova

SOCIO-PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF SUICIDAL BEHAVIOUR IN PRISONERS IN PLACES OF DEPRIVATION OF LIBERTY

Abstract: the article presents the socio-psychological characteristics of suicidal behavior of convicts. The reasons for it are prison stress, unfavorable social environment, etc. as a result, health deteriorates, there is a General emotional instability.

KEYWORDS: places of imprisonment; convicted person; suicide; suicidal behavior; characteristics of suicidal behavior.

Проблема самоубийств и покушений на самоубийства, разработки действительных мер по их профилактике весьма актуальна в настоящее время. Самоубийство (суицид) в переводе с латинского означает «себя убивать» – является умышленным, осознанным действием, направленным на лишение себя жизни. Под суицидальным поведением следует понимать волевые действия личности, конечной целью которых является покушение на самоубийство или акт самоубийства [1]. Суицидальное

* Зауторова Эльвира Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, ведущий научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт ФСИН России».

поведение определяется сложным взаимодействием личности и социальной среды, отношения между которыми не имеют жесткой непосредственной зависимости.

Изучение проблематики феномена «суицидальное поведение личности» позволяет говорить о невозможности его однозначной характеристики, существуют различные точки зрения в данной области. Исследованиями суицидального поведения занимались ученые О. Г. Антонова, А. Г. Амбрумова, А. С. Бернацкий, Р. И. Жидков, К. В. Зорин, В. Н. Карандышев, А. В. Мартынов, В. Э. Чудновский, В. Франкл и др. Изучением школьных проблем в возникновении суицидальных тенденций, влияния особенностей возраста на суицидальные устремления нашли отражение в работах Г. Б. Кошарная, А. Н. Острогорского, Б. О. Ровича, В. Г. Хлопина, М. Я. Феноменова и др.

Особо важно рассмотрение этой проблемы в пенитенциарной (исправительной) психологии, изучающей суицидальное поведение у лиц, находящихся в местах лишения свободы. Так, за 2017 г. подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными совершено 310 суицидов, что на 10% меньше, чем в аналогичном периоде прошлого года. Согласно данным Интернет-изданий уровень суицидов в уголовно-исполнительной системе составил 52 на 100 тыс. человек. В основном суицид совершают осужденные мужского пола в возрасте от 31 до 40 лет, не состоящие в браке, имеющие низкий образовательный уровень, и, как правило, первую судимость (наибольшее количество суицидов зарегистрировано в весеннее время преимущественно в утренние часы) [2].

Анализ проблем суицидального поведения несовершеннолетних осужденных свидетельствует о преобладании в генезисе его формирования психотравмирующего воздействия на подростка чувств отчужденности, одиночества, ухода из межличностного взаимодействия. Отмечается несформированное понимание и осознание страха смерти, ранние разочарования («как жить дальше»: неумение правильно определить цель своей жизни и наметить пути ее достижения), дисгармония в семье (нарушение родительско-детских отношений), саморазрушаемое поведение (алкоголизм, наркомания), конфликты, депрессия и т. д. [3].

М. Г. Дебольский среди причин суицида осужденных в пенитенциарных учреждениях помимо таких, как распад семьи, смерть близкого человека, обнаружившееся тяжелое заболевание и т.д., выделяет, в свою очередь, и такую причину, как жесткую нормативную правовую регламентацию поведения человека, лишённого свободы, постоянный надзор, видеонаблюдение за его жизнедеятельностью, усиление режимных требований и т. д. [4]. Все это имеет существенные психологиче-

ские и социальные последствия и может приобрести крайнюю форму в виде лишения себя жизни.

Результаты исследований показывают, что «лица, совершившие попытки суицида, в большинстве своем не состояли в браке (76,1 %), имели среднее или неполное среднее образование (75,5 %), были осуждены за совершение преступления против личности (82,7 %), со средним сроком наказания 5,4 года (от 1 года до 8 лет – 74,6 %). Тех, кто не встал на путь исправления, в том числе и злостных нарушителей режима, было среди них 51,4 %» [5, с. 178–192]. Ученые доказали, что самоубийство предполагает доминирование субъективной (психологической) стороны дезадаптации личности: личностный кризис, переоценку ценностей, блокирование ведущих мотивов жизнедеятельности и субъективно приемлемых способов их удовлетворения.

Теоретико-эмпирическое изучение проблемы суицидального поведения осужденных в местах лишения свободы позволяет классифицировать суицидентов по трем основным критериям. Первый критерий: достоверность суицидального поведения и наличие выраженных психологических характеристик (истинные суициденты (37 %) попытку самоубийства, как правило, совершали под влиянием событий, оказавших на них сильное психологическое воздействие: демонстративные суициденты (21 %) совершают самоубийства для того, чтобы показать окружающим значимость собственной персоны в условиях пенитенциарного учреждения; у скрытых суицидентов (18 %) мысль о суициде возникает в связи с невозможностью противопоставить себя окружающим; к ложным суицидентам относятся осужденные, поставленные в местах лишения свободы на специальный учет за выказывание о готовности совершить самоубийство). Вторым критерием выступают мотивы совершения суицидальных попыток, третьим – социально-правовая характеристика [5].

Одним из критериев для возможной классификации суицидентов может стать способ совершения самоубийства (через повешение, с применением колюще-режущих предметов, с помощью введения инородных предметов или медицинских препаратов (отравление), в результате падения с высотного здания, иные способы совершения самоубийства (самострел, обморожение, голод и т. д.)). Своевременное и правильное определение осужденных, склонных к совершению суицидов, влияет на эффективность профилактической работы с данной категорией лиц.

В настоящее время в исправительных учреждениях за жизнь и здоровье осужденных несут полную ответственность сотрудники уголовно-исполнительной системы. В связи с этим необходима специальная организация коррекционной работы по решению проблем суици-

дального поведения осужденных в местах лишения свободы, которая представляет собой систему мер, направленных на предупреждение различных проявлений суицидального поведения, в том числе, первичных и повторных суицидальных действий. Сотрудники исправительных учреждений должны использовать все возможные психолого-педагогические средства для профилактики данных явлений среди осужденных, привлекать для этого других специалистов (психологи, психиатры, медицинские работники).

В процессе дальнейших научных исследований по проблеме суицидов первоочередное внимание необходимо сосредоточить на вопросах объяснения проблемы влияния психологических особенностей личности, проявляющихся в различных жизненных ситуациях, на аутоагрессивные проявления (членовредительства, суицид, попытки суицида). Представляются также необходимыми ранняя диагностика суицидальных наклонностей, возможность определения склонности лица к самоубийству непосредственно после его задержания за правонарушение, исследование психологических механизмов и закономерностей протекания психических процессов, предшествующих суицидальному поведению.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ефимова О. И.* Суицидальное поведение в подростковом возрасте / О. И. Ефимова // Успехи современного естествознания. – 2005. – № 11. – С. 93–95.
2. *Обзор* о состоянии работы по профилактике суицидов среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных в 2017 г. – М., 2018. – 11 с.
3. *Зауторова Э. В.* Особенности воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными суицидального поведения в местах лишения свободы / Э. В. Зауторова // Вестник института: Преступление. Наказание. Исправление. – 2018. – №2 (42). – С. 106–112.
4. *Дебольский М. Г., Матвеева И. А.* Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в местах лишения свободы / М. Г. Дебольский, И. А. Матвеева // Психология и право. – 2013. – № 3. – Режим доступа: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63783_full.shtml.
5. *Матвеева И. А.* О суицидах осужденных, подозреваемых, обвиняемых в подразделениях / И. А. Матвеева // Актуальные проблемы психологического обеспечения в уголовно-исполнительной системе: Материалы научно-практической конференции, 8 дек. 2005. – М. : ФСИН России, 2006. – 199 с.

УДК 159.92; 159.96

В. М. Литвишков*

ВОСПИТЫВАЮЩИЙ КОЛЛЕКТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОСУЖДЕННЫХ

Воспитывающий коллектив, будучи по своей природе социально-психологическим и педагогическим образованием, достигает в процессе развития такого уровня, при котором появляется нравственный иммунитет по отношению к отрицательным влияниям, и он приобретает способность преобразовывать как внешние, так и внутренние обстоятельства своей жизнедеятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *воспитывающий коллектив; несовершеннолетний правонарушитель; воспитание.*

V. M. Litvishkov

RAISING A TEAM OF JUVENILE OFFENDERS

The educative collective, being by its nature a socio-psychological and pedagogical education, achieves in the development process a level at which moral immunity appears in relation to negative influences, and it acquires the ability to transform both external and internal circumstances of its vital activity.

KEYWORDS: *educating collective; juvenile offender; education.*

Происходящие в стране демократические преобразования, обновление всех сфер жизнедеятельности связаны с повышением активности масс, ростом их самосознания, непримиримостью к нарушениям законов, со строгим и неукоснительным их исполнением, использованием всех средств в предупреждении преступлений. Однако преступность в стране продолжает расти и принимает новые формы.

В этих условиях особую значимость и ответственность приобретает деятельность пенитенциарной системы по исправлению осужденных. От правильной организации воспитательной работы в исправительных учреждениях во многом зависит успех мероприятий по борьбе с правонарушениями в обществе. Особенно актуальна задача повышения эф-

* *Литвишков Владимир Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, старший научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт ФСИН России».*

фективности исправления осужденных в воспитательных колониях для несовершеннолетних. Научные исследования свидетельствуют о том, что если в воспитывающем коллективе (далее – ВК) не достигнуты положительные результаты в изменении отрицательных наклонностей и поведения личности молодого человека, то появляется большая вероятность совершения им повторного преступления.

Эффективность же исправления несовершеннолетних правонарушителей в ВК во многом определяется уровнем развития коллектива воспитанников колонии, что подтверждается педагогической практикой А. С. Макаренко, В. Н. Сорока-Росинского, С. Т. Шацкого и др.

В коллективе с низким уровнем развития несовершеннолетние осужденные без должной оценки относятся к отрицательным влияниям окружающей микросреды. В их сознании и поведении, как правило, отсутствуют социально значимые принципы и установки. Это, в свою очередь, порождает у них приспособленчество, псевдоколлективизм, снижает их самостоятельность, инициативность. Упущения в работе по формированию коллектива воспитанников осложняют оперативную обстановку, негативно сказываются на трудовой деятельности, учебно-воспитательном процессе в колонии.

Актуальность и значимость данной проблемы определяется и тем, что в подростковом и юношеском возрасте одна из существеннейших потребностей состоит в необходимости найти свое место в коллективе сверстников. Следует иметь в виду также то, что вся жизнь осужденных или большая ее часть до направления в ВК у многих из них, как правило, проходила в изоляции от благотворного влияния социально полезных групп и коллективов. В связи с этим в колонии возникает необходимость готовить воспитанников к будущей коллективной деятельности для работы в трудовых коллективах, в товарищеских объединениях, акционерных обществах после их освобождения.

Следует отметить, что в имеющейся педагогической литературе в большинстве своем рассматриваются лишь общие вопросы исправления подростков правонарушителей. Так, проблема исправления трудных подростков и несовершеннолетних правонарушителей освещена в работах М. А. Алемаскина, В. К. Андриенко, А. С. Белкина, Л. М. Зюбина, Г. П. Медведева, А. И. Кочетова, И. А. Невского, А. Ф. Никитина, В. М. Обухова, И. П. Прокопьева, А. С. Тараса и др.

Вопросы исправления несовершеннолетних осужденных в специфических условиях воспитательной колонии нашли отражение в исследованиях Е. М. Данилина, В. И. Игнатенко, А. Ф. Кудимова, С. И. Курганова, В. А. Ласточкина, Г. М. Потанина, А. В. Шамиса, В. З. Фетисова, А. И. Ушатикова и др.

Педагогический анализ проблемы, отражающий специфику работы с коллективами взрослых осужденных, содержится в работах И. П. Зайцева, В. Ф. Клюкина, М. П. Стуровой и других авторов.

Изучение имеющейся литературы по данной проблеме показывает, что комплексное исследование педагогического воздействия коллектива на личность и среду несовершеннолетних осужденных в современных условиях так и не стало предметом специального исследования. До сих пор слабо изучены специфические особенности самого процесса формирования воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных. Авторы недостаточно раскрывают сущность указанного процесса, факторы, влияющие на этот процесс. В имеющихся трудах слабо прослежен характер объективных и субъективных зависимостей между процессами развития коллектива воспитанников колонии и системой их исправления, лишь частично раскрыты вопросы теории и методики управления процессом формирования коллектива. Остаются невыясненными особенности воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных мужского и женского пола, его влияние на нравственное развитие личности воспитанника колонии, взаимосвязь нравственного воспитания и развития коллектива осужденных, механизмы возникновения нравственного иммунитета воспитывающего коллектива по отношению к отрицательным влияниям. Мы провели собственное исследование комплексного характера, опыт подготовки и отдельные результаты которого стали предметом данной статьи.

При проведении исследования мы исходили из следующих предположений: низкая эффективность воспитательного влияния коллектива на личность несовершеннолетних осужденных в условиях ВК обусловлена совокупностью негативных причин и факторов, к которым относятся: малые группы отрицательной направленности, уголовные традиции, педагогическая запущенность большинства воспитанников, их негативное отношение к нравственным нормам и ценностям, повышенный динамизм нравственной неустойчивости (неуравновешенность, восприимчивость к отрицательным влияниям, эффективность, цинизм, уголовно выраженный кодекс убеждений) и другие; в совокупности эти и другие причины и факторы приводят к нарушению взаимоотношений между осужденными в колонии, образуют специфическую криминогенную среду осужденных, которая характеризуется антиобщественной направленностью. Все воспитательные воздействия сотрудников колонии преломляются через эту среду, искажаются, тормозятся или отталкиваются; чтобы изменить среду, ликвидировать негативные факторы, предупредить возникновение отрицательных взаимоотношений, негативного

общения, безнравственных проступков, повысить эффективность исправления воспитанников колонии необходима научно обоснованная система формирования воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных; коллектив несовершеннолетних осужденных становится воспитывающим, если в нем сформированы между воспитанниками положительные взаимоотношения и общение, нравственная самоорганизация, иммунитет по отношению к отрицательным влияниям, умение отстаивать в различных ситуациях (особенно конфликтных) нравственно-правовые нормы общества; если воспитанники привлекаются к социально значимой и интересной для них общественно полезной деятельности (труд, учеба, общественная работа), осуществляется дифференцированный подход к процессу исправления несовершеннолетних осужденных с учетом уровня развития коллектива, совершенствуется педагогическое управление коллективом на основе привлечения несовершеннолетних правонарушителей к активному участию в общественной работе.

При разработке исследуемой проблемы, определении научно-теоретической концепции и построении программы исследования мы опирались на работы философов, в которых содержится научный анализ природы общественных противоречий (Г. Е. Глезерман, Р. И. Косолапов, И. М. Панюшин, П. Н. Федосеев, В. П. Чертков и др.), труды юристов, посвященные разработке теории причин преступности (А. А. Герцензон, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев, А. Б. Сахаров, А. М. Яковлев и др.), отечественных психологов, анализирующих деятельность групп и коллективов (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, В. Н. Мясищев, А. В. Петровский, К. К. Платонов, С. Л. Рубинштейн и др.). В исследовании мы использовали также работы Н. И. Кореева, Н. М. Корконова, Л. И. Петражицкого, Г. В. Плеханова, П. А. Сорокина, Р. Харри и других ученых, изучавших процесс формирования и развития личности в коллективе и других социальных образованиях с позиций социогенетического подхода.

Формирование воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных осуществляется на основе принципов и методов общепедагогического характера. Поэтому в ходе исследований мы опирались на теоретические основы коллектива, разработанные Ю. К. Бабанским, Л. Ю. Гординым, Н. С. Дежниковой, Т. Е. Конниковой, В. М. Коротовым, Э. Г. Костяшкиным, Б. Т. Лихачевым, Л. И. Новиковой, Н. И. Монаховым, И. Т. Огородниковым, А. Л. Шнирман, Г. Н. Филоновым и др.

Концептуальной основой исследования проблемы воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных стало обоснование процесса его поэтапного формирования, базирующееся на деятельност-

ном подходе и системно-структурном анализе поведения, взаимоотношений и общения воспитанников колонии.

Важное место в комплексе методов исследования занимало проведение опытно-экспериментальной работы, которая осуществлялась по специальной программе. В ходе эксперимента была использована теоретическая модель исследования деятельности воспитывающего коллектива, созданная с помощью системно-структурного анализа. Системно структурный анализ как метод исследования позволяет не только выявить основные компоненты и эффективные способы организации коллективной деятельности, обеспечивающие возможность достижения высоких устойчивых результатов, но и установить ошибки и просчеты в воспитательной работе, что необходимо для коррекции педагогических воздействий.

В трудах А. С. Макаренко, В. Г. Иванова, А. Г. Ковалева, Т. Е. Конниковой, В. М. Коротова, Б. Т. Лихачева, Л. И. Новиковой, А. В. Петровского, Л. И. Уманского и других доказывается, что эта проблема отвечает не только принципу историзма, но и современным представлениям о людях, вынужденных объединяться в различные цивилизованные организации для решения совместных жизненно важных вопросов. Отмечается, что коллектив представляет собой явление нормального совокупного человеческого сообщества и, как форма делового и товарищеского взаимодействия, решение самых различных проблем, является социальным достижением человеческой цивилизации.

Изучение современных публикаций показало, что в настоящее время в отечественной идеологии просматривается отход от коллективного воспитания, осуществляется деколлективизация личности и различных групп. Это приводит к нежелательным последствиям в воспитании молодежи. Наблюдается ее «коммерциализация» и криминализация сознания, личности, выражающиеся в девиантном поведении: росте групповых преступлений, заказных убийств, бандитизме, использовании огнестрельного оружия в преступных действиях. А анализ зарубежной теории и практики также свидетельствует о том, что прогрессивные ученые рассматривают систему А. С. Макаренко и его методику формирования коллектива как вполне современную и перспективную.

Отметим, что воспитывающий коллектив, будучи по своей природе социально-психологическим и педагогическим образованием, достигает в процессе развития такого уровня, при котором появляется нравственный иммунитет по отношению к отрицательным влияниям, и он приобретает способность преобразовывать как внешние, так и внутренние обстоятельства своей жизнедеятельности.

Важным свойством воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных является его нравственная самоорганизация. Она возникает в тех случаях, когда он ориентируется в большей степени не на «внешнюю опору» (санкции, указания администрации, оценки ближайшего окружения), а на выработанные или усвоенные, но ставшие его собственными критерии и нравственно-правовые нормы.

Воздействие воспитывающего коллектива на личность в этом случае достигается за счет деятельности механизмов самоорганизации, к числу которых относятся традиции, общественное мнение, морально-психологический климат, установки, перспективы и др. Принципы работы этих механизмов разнообразны: принципы упреждения, опережающего отражения, цикличности и сохранения. Механизмы самоорганизации коллектива могут появляться и исчезать, но направленность, к которой они принадлежали, сохраняется.

В исследовании были проанализированы и другие свойства воспитывающего коллектива: целеустремленность, умение отстаивать нравственно-правовые нормы, наличие сложившегося социально ценного стиля и опыта работы, критическая оценка своей деятельности. Именно эти свойства позволяют коллективу контролировать, внутренне мотивировать свои действия, самостоятельно давать им обоснование, вырабатывать позитивную линию поведения, выбирать социально значимые способы и средства для достижения цели.

Основным критерием оценки уровня развития коллектива – его воспитанность. Показателями воспитанности являются: требовательность коллектива к своим членам; умение отстаивать в конфликтных ситуациях нравственные нормы и ценности; гуманизм и демократизм деятельности, отношений и общения; строгое соблюдение правовых норм, регламентирующих деятельность колонии; недопущение противоправных деяний со стороны его членов как в период отбывания наказания, так и после освобождения.

Полученные нами данные позволили выделить три уровня (низкий, средний и выше среднего) развития коллектива несовершеннолетних осужденных, характеризующихся изменением в динамике показателей его воспитанности. Было установлено, что коллектив, находящийся на третьем (выше среднего) уровне развития, является воспитывающим. Он характеризуется относительно высокой готовностью отстаивать нравственно-правовые нормы общества, проявляет требовательность к своим членам, открыто выступает против нарушителей дисциплины и лидеров малых групп отрицательной направленности. В нем в большей степени развиты гуманизм, демократизм и законность деятельности, отношений и общения.

Коллектив осужденных состоит из людей, личность которых деформирована в нравственно-правовом и педагогическом аспектах. За последние годы изменились ценностные ориентации воспитанников колонии, резко снизился их образовательный уровень, изменились жизненные ориентиры; желание иметь больше денег без затрат трудовых усилий составляет сущность образа мышления молодых людей.

Субъектом формирования воспитывающего коллектива является создающаяся уголовно-исполнительная система, в основу которой положены принципы гуманизма, демократии и законности. Проведенное исследование показало, что в этой системе еще немало нерешенных вопросов. Среди них: отсутствие четкой профессиональной ориентации сотрудников на работу с несовершеннолетними осужденными в новых условиях; неразработанность правовых норм, регулирующих деятельность этой системы; противоречивость между психолого-педагогическими и правовыми нормами и др. Недооценка указанных и иных моментов нередко приводит к тому, что у сотрудников (особенно недавно вступивших в должность) обнаруживаются значительные расхождения между имеющимися представлениями о характере работы с осужденными и реальностью, между требованиями к личности воспитателя и их реальными функционально-психологическими ресурсами и возможностями. Важными показателями при этом следует считать проявление у сотрудников не только стрессовых состояний и иных функциональных расстройств, но и элементов профессиональной деформации (отчуждение от задач исправления, конфликты, пренебрежение к законным требованиям и нуждам осужденных, игнорирование их личностных особенностей).

Формирование воспитывающего коллектива осужденных проходит в негативных условиях на основе противоречий, вызываемых различными источниками. Взаимодействуя с микросредой колонии и различными негативными тенденциями, коллектив вступает в основные и второстепенные противоречия, разрешение которых не всегда обеспечивает его продвижение вперед.

Раскрывая сущность процесса формирования воспитывающего коллектива, мы использовали системно-структурный подход, который позволил выявить основные функциональные звенья деятельности коллектива. В качестве таких функциональных звеньев были выделены следующие: побудительное, антиципирующее, процессуальное или исполнительное и оценочное.

Побудительное звено включает в себя восприятие воздействующих факторов, их анализ и синтез на основе имеющегося у коллектива опыта и уровня развития.

Воздействующие факторы могут быть внешними и внутренними. К внешним можно отнести предметы и явления окружающего мира, распоряжения администрации и воспитателей, ситуационные и обстановочные раздражители. К внутренним – интересы, желания, стремления, мотивы, потребности, т.е. вся совокупность внутренних импульсов осужденных так или иначе побуждающих коллектив к определенной деятельности и поведению.

Выявленные причины искажений в этом звене влияют на эффективность деятельности коллектива. Среди причин отмечают: отрицательное эмоциональное внеколлективное отношение воспитанников к выполнению социально значимой деятельности и к воспитателям, являющимися руководителями этой деятельности; искажения в оценке общественной значимости побуждающих факторов; недостаток опыта коллективной деятельности и поведения; слабые нравственные знания, умения и навыки, непонимание значения и смысла предлагаемого коллективного задания; повышенная восприимчивость негативных групповых норм и влияний; внеколлективная направленность действий, проступков, мотивации.

Антиципирующее звено осознается как готовность к определенному способу поведения, деятельности, реализации определенных поступков (проступков). Основными причинами деформации в этом звене являются искажения; в формировании механизма социально значимых действий в предвидении путей, выборе средств и способов его совершения; в предвидении возможных промежуточных и конечных результатов коллективной деятельности и поведения; в актуализации эгоистических мотивов, связанных с самоутверждением негативными средствами и способами; в неумении строить план и программу выполнения социально значимой деятельности, отношений и общения.

Процессуальное или исполнительное звено складывается из средств взаимодействия и способов взаимодействия субъекта с объектом. В качестве средств взаимодействия выступают знания, умения и навыки, в качестве способов – оперирование ими в приложении к объекту действия.

Исследованием установлено, что причинами искажений в этом звене являются: отсутствие навыков (или их недостаточность) в оперировании нравственными понятиями; противоречия между желаниями, интересами, мотивами личности и требованиями коллектива; отсутствие у членов коллектива выдержки, самообладания и других положительных качеств.

Оценочное звено – это период установления соответствия между запланированными и полученными результатами. Здесь оценивается

процесс выполнения деятельности, соблюдения определенного способа поведения. В оценочном звене деятельности коллектива осужденных также имеются искажения. Они проявляются: в оценке полученных результатов действия, их правильности и соответствия нравственно-правовым нормам общества; в оценке значимости выполнения действия и его результатов; в стремлении оценивать и рассматривать негативные действия, поступки как норму поведения.

Анализируя факторы, влияющие на развитие воспитывающего коллектива в колонии, мы выяснили, что в первую очередь к ним относятся микросреда колонии, взаимоотношения и общение осужденных в коллективе.

Формирование воспитывающего коллектива осужденных осуществляется в условиях педагогически неблагоприятной микросреды. Было выявлено, что отрицательные взаимоотношения с другими осужденными вызывают угнетенное состояние у 13,8 % подростков; 47,7 % – возбуждают, 38,5 % – озлобляют. Нередко взаимоотношения в коллективах воспитанников строятся на основе круговой поруки, ложно понимаемого чувства товарищества, бравады, угроз, запугивания, физической расправы над неугодными и т. п.

Было установлено, что общение в колонии нередко имеет антиобщественную направленность. Средствами общения часто выступают вербальные и невербальные знаки: жаргон, татуировки, нарезки аббревиатуры, мимика, жесты, свист, манера ходить, стоять и т. д.

Наше исследование позволило выявить следующую закономерность: отрицательная микросреда, негативные взаимоотношения и общение осужденных преобладают в коллективах с низким уровнем развития.

В то же время в коллективах с высоким уровнем развития взаимоотношение и общение в микросреде осужденных – это та объективная реальность, которая способна разрушить стратификацию антигуманных неформальных образований.

Педагогическое управление – это сложная комплексная деятельность, которая охватывает решение организационных, воспитательных, правовых и других вопросов. Это специфическая деятельность воспитателя, направленная на преодоление противоречий в коллективе, поддержание дисциплины, формирование правильных взаимоотношений, культуры общения, создание благоприятного морально-психологического климата.

Педагогическое управление рассматривается нами с позиций системного подхода. Основными структурными элементами системы являются коллектив воспитателей и коллектив воспитанников.

Поступающая в подсистему «коллектив воспитателей» управляющая информация (постановления, указания, приказы, инструкции, распоряжения вышестоящих органов) перерабатывается с учетом внутренней осведомительной информации, которая складывается из наблюдений за общением, характером взаимоотношений, поведением и деятельностью осужденных, и направляется в качестве внутренней управляющей информации (распоряжения по организации коллективной деятельности, улучшению дисциплины, порядка и т. д.) в подсистему «коллектив воспитанников».

При этом педагогическое управление происходит с учетом обратной связи: какие изменения и в какую сторону произошли в коллективе воспитанников. При необходимости происходит коррекция такого управления.

В соответствии с концепцией о системно-структурном подходе к процессу формирования воспитывающего коллектива в нашем исследовании были выделены структурные звенья деятельности коллектива воспитателей и коллектива воспитанников (мотивы, цели, средства, результат) и доказано, что управление коллективом воспитанников может быть успешным при условии, если мотивы, цели, средства, результат деятельности воспитателей и воспитанников совпадают. В противном случае происходит рассогласование системы «коллектив воспитателей-коллектив воспитанников», что снижает эффективность воспитательно-го процесса.

Формирование воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных в экспериментальной работе осуществлялось в коллективных видах деятельности (учебной, трудовой, общественной). При этом установлено, что эффективность этих видов деятельности была обусловлена вычленением и наполнением определенным содержанием следующих структурных компонентов деятельности:

1. Побуждение к предстоящему виду деятельности, формирование положительных мотивов деятельности, положительного к ней отношения, воспитание должного отношения к требованиям сотрудников колонии на основе понимания их справедливости и целесообразности; формирование адекватной самооценки через показ воспитанникам реального уровня их подготовленности к предстоящей деятельности.

2. Создание внутренней готовности воспитанников колонии к деятельности путем оказания помощи в постановке соответствующих целей, в соответствии с планом предстоящей деятельности, разъяснение смысла выполняемой работы, ее полезности для окружающих и общества.

3. Организация исполнения, мобилизация сил и способностей для выполнения предстоящей деятельности, воспитание усидчивости, трудолюбия, любознательности, выработка навыков, приемов работы, умелого выбора и использования средств и способов деятельности.

4. Организация контроля и самоконтроля, воспитание должного отношения к результатам деятельности, педагогическая оценка и стимулирование деятельности правонарушителей, систематический контроль за результатами деятельности, их оценка.

Учебной деятельности принадлежит одно из ведущих мест в формировании воспитывающего коллектива несовершеннолетних осужденных. В процессе исследования мы исходили из того, что достижение высоких результатов в области воспитывающего обучения в условиях ВК возможно при максимальной воспитательной нагрузке каждого урока, насыщение его элементами дифференцированного и проблемного обучения. При этом изменялось сочетание индивидуальных, групповых и коллективных форм организации обучения, поощрялись внимание воспитанников друг к другу, коллективу, забота об общем успехе. Все это способствовало формированию у воспитанников доброжелательности, дружбы, сопереживания, укреплению коллективных связей.

Важное значение в приобретении опыта коллективной жизни имеет трудовая деятельность воспитанников. Трудовая деятельность в экспериментальной работе организовывалась с опорой на актуальные и значимые для несовершеннолетних осужденных мотивы (приобрести престижную профессию, повысить уровень квалификации, необходимой в условиях рыночной экономики и т. д.), что давало возможность формировать у них положительное отношение к труду, людям труда, заинтересованность в выполнении заданий. Это, в свою очередь, способствовало расширению и углублению нравственных знаний, умений и навыков, повышению устойчивости и осознанности их положительной мотивации, воспитанию морально-волевых качеств.

Важное значение придается и общественной деятельности. Были определены основные пути, при которых общественная деятельность может выступать как действенное средство эффективности развития воспитывающего коллектива. К числу наиболее важных из них относятся обеспечение высокой нравственно-правовой направленности содержания проводимой работы, придание ей большой социальной значимости, использование разнообразных форм деятельности, отвечающих интересам воспитанников, уровню их подготовленности, степени педагогической запущенности, наличному уровню у них знаний, умений и навыков. Организация общественной деятельности должна отличаться

систематичностью, разносторонностью, содержать элементы эмоциональной привлекательности. При правильной организации педагогического процесса, способствующего включению всех воспитанников в общественную деятельность, происходит переориентация малых групп отрицательной направленности, оздоровление микросреды осужденных, формируется воспитывающий коллектив осужденных.

Результаты исследования убеждают в том, что эффективность формирования воспитывающего коллектива осужденных достигается при соблюдении ряда условий. Это прежде всего повышение научно-теоретического и методического уровня воспитателей, учителей, мастеров колонии, целенаправленное изучение коллектива, принятие правильных, оправданных педагогических решений, правильное планирование воспитательной работы в коллективе; выявление и учет уровня развития воспитывающего коллектива в процессе исправления осужденных.

Коллективы несовершеннолетних мужского пола характеризуются повышенной жесткостью взаимоотношений, высоким уровнем скрытой конфликтности, распространением насильственных норм разрешения конфликтов. 74 % обследованных нами правонарушителей без особых колебаний вступали в опасное для здоровья и жизни единоборство только затем, чтобы сохранить положительное отношение к себе членов отрицательной микрогруппы.

Установлено, что наиболее положительные результаты в коллективах для подростков и юношей дает методика интенсивного воспитания, осуществление системы мер, направленных на достижение воспитательного эффекта на основе увеличения напряженности воспитания за малый промежуток времени. Интенсификация воспитательного процесса в экспериментальной работе достигалась следующими путями: быстрым изучением личности и коллектива; установлением шефства над трудновоспитуемыми осужденными; включением вновь прибывших осужденных в различные общественно полезные виды деятельности; созданием обстановки нетерпимости в коллективе осужденных к нарушителям дисциплины; своевременной организацией постоянного контроля за поведением и их деятельностью; обеспечение непрерывности воспитательных воздействий как со стороны воспитателей, так и со стороны актива воспитанников.

Коллективы несовершеннолетних осужденных женского пола характеризуются большой деморализацией в сфере полового поведения. Раннее начало половой жизни становится известным в микросреде осужденных, влияет на взаимоотношения между воспитанницами, образование в коллективе колонии малых групп на почве лесбийской любви,

отношение к учебе, труду, общественной работе. Конфликты в коллективе воспитанниц протекают весьма своеобразно. Они не имеют латентного периода, возникают быстро, протекают бурно, прекращаются быстрее, чем в юношеских коллективах. Разрешение конфликта очень редко выливается в открытую физическую расправу над неугодными лицами.

В экспериментальной работе формирование воспитывающего коллектива несовершеннолетних правонарушительниц осуществлялось по линии полового, эстетического воспитания, организации свободного времени, с использованием методики аутогенной тренировки и психолого-педагогической саморегуляции.

Итоги опытно-экспериментальной работы показали, что в колониях улучшилась дисциплина, сократилось число грубых нарушений установленного режима, повысилось качество производственной деятельности и учебы, активизировалась общественная работа, сократился процент рецидивной преступности среди лиц, освободившихся досрочно. Кроме этого, в каждом экспериментальном коллективе произошли позитивные перемены, улучшились взаимоотношения и общение между воспитанниками, морально-психологический климат, что в конечном счете привело к значительному повышению процесса исправления личности несовершеннолетних осужденных.

Воспитывающий коллектив – главный способ организации социально значимой жизни и деятельности воспитанников колонии, это такое сообщество, в котором наиболее возможны социальная защищенность личности, демократия и гуманизм, где в основе построения взаимоотношений и общения между его членами лежат человеческие нравственные нормы и ценности.

Результаты исследования подтвердили наши предположения о том, что эффективность исправления личности в ВК зависит от уровня развития воспитывающего коллектива осужденных.

УДК 159.92; 159.96

А. В. Вилкова*

ЛИЧНОСТЬ В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ

В статье анализируются вопросы формирования духовно-нравственной ответственности несовершеннолетних осужденных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: духовно-нравственная ответственность; самооценка; убежденность.

A. V. Vilkova

A PERSON IN A CORRECTIONAL FACILITY

The article analyzes the issues of formation of spiritual and moral responsibility of juvenile convicts.

KEYWORDS: spiritual and moral responsibility; self-esteem; conviction.

Духовно-нравственная ответственность является ведущей составной духовно-нравственного развития личности.

Осознание духовно-нравственной ответственности – одна из самых важных и решающих ценностей, предопределяющих социальное становление и развитие личности. Человек нарушает закон и становится преступником главным образом потому, что в силу различных причин у него отсутствует или искажено понимание и осознание своей духовно-нравственной ответственности перед другими людьми и государством. Духовно-нравственная ответственность – это внутреннее состояние человека, связанное с проблемами его смысла жизни.

Проблема формирования духовно-нравственной ответственности отвечает не только принципу историзма, но и современным представлениям о человеке, социально-политической ситуации в стране. История человечества свидетельствует о том, что те члены общества, которые по тем или иным причинам были безответственны перед собой, государством и окружающими и совершали безнравственные поступки и дей-

* *Вилкова Алевтина Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт ФСИН России».*

ствия, в конце концов становились представителями социального дна: бомжами, нищими, проститутками. Многие из них включаются в разнообразные асоциальные структуры: воровские шайки, мафиозные банды, компании алкоголиков, наркоманов, картежных шулеров. Эти, по существу, антиобщественные явления выталкивают человека из нормальной среды обитания, обрывают его нравственные связи.

В современных условиях назрела настоятельная потребность дополнить понятие ответственности с духовно-нравственным содержанием, раскрыть ее структуру, особенности проявления в пенитенциарной системе, способы формирования в условиях воспитательной колонии для несовершеннолетних.

Огромное значение для теоретической и практической разработки проблемы духовно-нравственной ответственности имеют труды А. С. Макаренко, который первым выдвинул идею ответственности коллектива за поступки каждого его члена и индивида за свои действия перед коллективом. Определяя возможности коллектива, ученый рассматривал его как базу для развития и формирования нравственной ответственности. А. С. Макаренко писал: «Воспитывая отдельную личность, мы должны думать о воспитании всего коллектива. На практике эти две задачи будут решаться только совместно и только в одном общем приеме. И, наоборот, каждое наше прикосновение к коллективу обязательно будет и воспитанием каждой личности, входящей в коллектив». Этот принцип давал педагогу возможность, изменяя положение человека в коллективе, оказывать существенное формирующее влияние на нравственную ответственность личности, причем таким образом, что сам воспитанник и не подозревал, что он является объектом и субъектом воспитания.

Специальной работы, посвященной воспитанию ответственности, у А. С. Макаренко нет, но в своих статьях и книгах он затрагивает разные аспекты этой проблемы. Так, он выделяет понятия «ответственная зависимость», «общая ответственность», «строгая ответственность», «принцип ответственности», «чувство ответственности перед коллективом». Ученый подходит к нравственной ответственности с разных сторон, рассматривая ее то как чувство, переживание личности, то как свойство или характеристику субъекта деятельности, то как функцию органов управления. Главным и системообразующим среди этих понятий выступает «ответственная зависимость».

Одним из направлений исследования духовно-нравственной ответственности является воспитание у человека гражданственности. Ярким представителем такого подхода является В. А. Сухомлинский. Он писал: «Гражданственность – это, прежде всего, ответственность, долг –

та высшая ступень в духовной жизни человека, на которой он отдает себя служению идеалу». Поскольку гражданственность, т.е. осознание своих прав и обязанностей по отношению к государству, есть понятие, относящееся к личности, то и ответственность В. А. Сухомлинским понимается как личная, персональная ценность. Ответственность, прежде всего, должна быть перед своей совестью, перед этим «беспокойным и строгим стражем разума», по его выражению.

Благодаря тому, что В. А. Сухомлинскому удается органически соединить гражданственность, ответственность и совесть, ответственность выступает у него в своей высшей форме. Во-первых, она характеризует способность личности самостоятельно формулировать нравственные обязанности, требовать от себя их выполнение и осуществлять самооценку и самоконтроль. Во-вторых, существенно расширяется сфера вмешательства личности в окружающий мир и утверждается идея личной ответственности за все, созданное нашим народом.

С идеями В. А. Сухомлинского связана позиция Б. П. Басовой, которая считает, что нравственная ответственность — это способность личности осознавать и выполнять те требования, обязательства и обязанности, которые приняты в обществе. При этом формирование нравственной ответственности предполагает такую организацию жизни подростков, которая развивала бы у них гражданское самосознание.

Являясь выражением свободы личности, духовно-нравственная ответственность несовместима с конформизмом как одной из форм уклонения от ответственности. Исследования отечественных ученых (Л. И. Божович, В. Э. Чудновского, А. В. Петровского и др.) показали, что конформизм означает отсутствие собственной позиции, беспринципное и некритическое следование любому образцу, обладающему наибольшей силой давления (мнение большинства, признанный авторитет, традиции и др.).

Духовно-нравственная ответственность (в отличие от конформизма) предполагает гораздо большую роль личности, которая является не только объектом, но и субъектом ответственности, самостоятельно и добровольно выполняющим свой долг перед обществом. Она определяет способ ориентации в системе общественных норм, жизненную позицию, при которой поведение индивида детерминируется общественно полезными целями. О достаточно высоком уровне духовно-нравственной ответственности свидетельствует нравственный иммунитет к отрицательным влияниям, обуславливающий способность человека даже в неблагоприятно сложившихся обстоятельствах действовать в соответствии с принятыми в обществе нормами и правилами поведения. В связи с этим задача духовно-нравственного воспитания заключается в

том, чтобы, воздействуя на человека извне, сформировать у него способность избирательно относиться к внешним влияниям, научить его критически оценивать собственные поступки и действия других людей на основе духовно-нравственных норм и принципов и выработать у него стремление к самовоспитанию и самосовершенствованию. Способность человека сохранять и реализовывать свои духовно-нравственные позиции в различных жизненных ситуациях, преодолевая при этом как внешние трудности, так и внутренние противоречия, и составляет суть духовно-нравственной ответственности.

Из этого вытекает, что главное направление формирования личности как субъекта активной деятельности состоит в воспитании человека, способного независимо от воздействия окружающих условий, порой вопреки им, усваивать и воплощать в поведении те духовно-нравственные нормы, которые обладают наивысшей социально полезной ценностью. Только в этом случае человек приобретает духовно-нравственную ответственность, а его поведение регулируется внутренней убежденностью.

Формирование духовно-нравственной ответственности существенно зависит от особенности усвоения социально значимого опыта, которое происходит в процессе самореализации человека, т. е. его стремления «осуществить, выполнить себя». В этой связи можно выделить три вида самореализации личности:

1) самореализация, при которой происходит концентрация человека на собственных узколичностных интересах и потребностях. Такой вид самореализации приводит к потере власти над обстоятельствами, безответственности и антиобщественной направленности личности;

2) самореализация, при которой не происходит относительной эмансипации от внешних обстоятельств, мнение других людей является абсолютным ориентиром поведения человека. Такая самореализация ведет к безответственности личности, конформизму и неадекватной ее самооценке;

3) самореализация, в которой преобладает стремление человека найти свое место в общественной жизни, реализовать себя, отдавая силы и способности на благо других людей. Именно этот вид самореализации в наибольшей степени ведет к саморазвитию духовно-нравственной ответственности личности и ее убежденности в правильности выбора своего поведения, поступка. Этот вид самореализации личности выступает как задача формирования духовно-нравственной ответственности у осужденных в воспитательной колонии, поскольку именно отсутствие у них общественной направленности, адекватной самооценки, убежденности в правильности своих действий приводит к

безответственности, асоциальному поведению и в конечном счете к повторным преступлениям.

Формирование духовно-нравственной ответственности осужденных есть сложный процесс, предполагающий воспитание у них нравственной самоорганизации, которая возникает тогда, когда воспитанник ориентируется в большей степени не на «внешнюю опору» (санкции администрации, оценка ближайшего окружения), а на выработанные или усвоенные, внутренние критерии и нравственные нормы. При этом одним из недостатков деятельности колонии, сдерживающим развитие духовно-нравственной самоорганизации воспитанников, является чрезмерный акцент воспитателей на жесткую регламентацию поведения осужденных извне. Регулятором поведения в данном случае выступают не духовно-нравственные образцы, ценности, а контроль со стороны воспитателей. Такая излишняя ориентация поведения на «внешнюю опору» создает трудности при формировании духовно-нравственной ответственности осужденных.

Эффективность формирующего воздействия достигается в большей степени за счет включения внутренних механизмов самоорганизации, которая не нуждается в дополнительных воздействиях, приводящих их в рабочее состояние; направлена на саморазвитие элементов духовно-нравственной ответственности (убежденности, адекватной самооценки, общественной направленности) и активизацию их в реализации положительных поступков до того, как неблагоприятные внешние факторы окажут негативное воздействие.

В Российской педагогической энциклопедии нравственная ответственность рассматривается как качество личности и категория этики, отражающая, с одной стороны, способность человека отвечать за свои поступки, а с другой – возможность для общества подвергать эти действия моральной оценке.

В целом, соглашаясь с таким подходом к определению нравственной ответственности, следует отметить, что это не только качество личности, но и сложное психолого-педагогическое образование, важнейшая ее ценность духовно-нравственной сферы, в которой определяющее место занимают нравственная убежденность, общественная направленность и адекватная самооценка.

Убежденность предполагает высокий уровень развития духовно-нравственной ответственности, благодаря которой у индивида вырабатывается способность отстаивать свои взгляды, идеалы, мировоззренческие позиции. Это в свою очередь делает его независимым от отрицательного влияния окружающей среды, побуждает вступать в борьбу за отстаивание своих убеждений, не избегая при этом трудностей и кон-

фликтов. Убежденность в духовно-нравственной ответственности за содеянное обуславливает понимание воспитанником того, что у него действительно имеются недостатки в сознании и поведении, которые необходимо устранить путем воспитания и самовоспитания. Признав это, осужденный поднимается на новую ступень ответственности за свое поведение, критического отношения к себе, осознания чувства вины в совершенном преступлении и необходимости исправления своей личности. Убеждения являются содержательной стороной духовно-нравственной ответственности, главным источником нравственной самоорганизации личности.

Убеждения, осознанная потребность личности, побуждающая действовать в соответствии со своими ценностными ориентациями. Содержание потребностей, выступающих в форме убеждения, отражает определенное понимание природы и общества. Образуя упорядоченную систему взглядов совокупность убеждений выступает как мировоззрение человека. Однако знания не переходят в убеждения автоматически. Для формирования убеждений необходимо единство знаний и особого отношения к ним, как к тому, что бесспорно отражает действительность и должно определять поведение.

У несовершеннолетних осужденных проявляется зависимость безответственного поведения от слабого развития общественно значимых убеждений. Объясняется это своеобразием индивидуального жизненного опыта таких лиц, у которых наравне с положительными развивались отрицательные мотивы, взгляды, отношения. При этом можно выделить две категории воспитанников с разными по уровню и степени осознанности и прочности отрицательно направленных убеждений. Одни из них не замечают, не осознают собственных отрицательных убеждений, в то время как другие отдают себе отчет о характере их проявлений и стараются их оправдать. Есть основания предполагать, что у первой группы воспитанников содержание отрицательных убеждений сформировалось в раннем периоде онтогенеза, когда самосознание еще достаточно не было развито. У второй же группы осужденных искажение личностных убеждений произошло, вероятно, в колонии, хотя предпосылки соответствующей деформации уже создавались на предшествующих стадиях. Именно у таких лиц, старающихся замаскировать отрицательные убеждения, негативные черты и качества менее укоренились в структуре нравственной ответственности личности и, предположительно, легче могут быть переориентированы.

У несовершеннолетних правонарушителей преобладают три основных типа направленности: 1) аморальная, связанная с нарушением моральных норм общества; 2) антисоциальная, которой обладают лица,

совершившие незначительные кражи, хулиганские действия, злоупотребляющие алкогольными напитками и наркотиками; 3) преступная, угрожающая условиям общественного бытия – грабежи, кражи в особо крупных размерах, нанесения тяжких телесных повреждений, убийства. На развитие этих типов направленности влияет не один какой-либо фактор, а целая группа, нередко комплекс отрицательных воздействий. Реакция на эти воздействия постепенно приобретает все более негативно активный характер; неблагоприятные условия развития выступают регулятором проявления данной закономерности. Естественно, что такие типы направленности личности у правонарушителей выражены по-разному: ее устойчивость нередко пропорциональна сроку и активности влияния негативных факторов. Наиболее устойчива отрицательная направленность у повторно осужденных (рецидивистов). Именно у этой категории осужденных поведение носит отпечаток уголовного профессионализма. Преступление они совершали сознательно, готовились к нему, распределяли роли.

Общественная направленность, как элемент общепедагогической структуры духовно-нравственной ответственности, определяется интеграцией интересов личности осужденного и потребностей общества. Она служит основой устойчивости суждений и позиций личности, ответственности ее за порученное дело, требовательности к себе и окружающим. Несовершеннолетние осужденные с достаточным уровнем развития общественной направленности обращаются к социально ценным средствам и способам достижения цели в реализации духовно-нравственной ответственности.

В целях изучения духовно-нравственной ответственности у несовершеннолетних осужденных нами был проведен констатирующий эксперимент. Обследовались 300 воспитанников колонии. Анализ полученных данных позволил установить, что адекватная самооценка несовершеннолетних осужденных, как правило, неразвита, узко фрагментарна. Ее объектом чаще всего выступают те качества личности, которые обусловлены аффектно-волевой сферой. Так, частота указанных подростками нежелательных либо вредных черт своего характера оказалась следующей: несдержанность – 87,7 %, вспыльчивость – 75,8 %, слабоволие – 62 %, отсутствие самообладания – 55 %. Кроме того, вне самооценки оказались интеллектуальные, эстетические, трудовые черты личности.

Вместе с тем адекватная самооценка в общепедагогической структуре нравственной ответственности личности должна быть представлена правильной, соответствующей действительности оценкой индивидом своих способностей и возможностей, свойств и качеств, отдельных по-

ступков и деятельности в целом. Воспитать у несовершеннолетнего осужденного адекватную самооценку – значит научить его критически относиться к себе и окружающим, правильно реагировать на меры воспитательного воздействия, побудить к самовоспитанию и самосовершенствованию, помочь ему избрать посильный, отвечающий его склонностям вид деятельности, актуализировать поиск, своего места в жизни.

Неадекватная самооценка (завышенная или заниженная) приводит личность к дезориентации и безответственности в поведении, постоянным конфликтам с окружающими и самим собой. Так, завышенная самооценка способствует развитию гипертрофированного самолюбия, стремлению к лидерству, самоутверждению любыми путями и способами; заниженная – порождает неуверенность в собственных силах, зависимость от «авторитетных» осужденных, слепое исполнение их воли.

Приглашаем к участию в нашем научном журнале. Здесь публикуются материалы, соответствующие следующим рубрикам:

- История
- Философия
- Культурология
- Психология
- Право и управление
- Теория и практика образования

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ПРЕДСТАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ МАТЕРИАЛОВ

Представляемые материалы (за исключением рекламных и информационных заметок о научных форумах, культурных мероприятиях, новых книгах) должны отвечать тематике журнала. Тексты статей присылаются на любом электронном носителе или по электронной почте письмом с вложением двух файлов:

1. Файл со статьей (должен быть назван по фамилии автора, например: «Петров. Статья.doc»).

2. Файл со сведениями об авторах включает: фамилия, имя, отчество; ученая степень, звание и должность, полное название учреждения; контактный телефон и e-mail (должен называться, например: «Петров. Справка.doc»).

ОФОРМЛЕНИЕ ТЕКСТА

На первой строке слева – индекс УДК. На следующей строке справа размещаются инициалы и фамилия автора(ов): строчными буквами, жирным шрифтом, 14 кегль (отсюда же ссылкой внизу страницы прописываются полностью ФИО, научная степень, должность и место работы, город, e-mail). На следующей строке – название статьи прописными буквами, жирным шрифтом, 14 кегль, выравнивание по центру. Ниже – аннотация и ключевые слова на русском языке, выравнивание по ширине, 12 кегль, курсив.

Ниже, через одну строку, в таком же порядке прописываются все эти же данные на английском языке.

Через два интервала следует текст:

1) параметры страницы: размер бумаги – А4; ориентация – книжная; поля: верхнее – 3 см, – все остальные 2,5 см.

2) параметры основного текста: стиль – обычный (Normal); шрифт – Times NRC, размер – 14 кегль, интервал одинарный, отступ первой строки – 10 мм, остальные – 0; выравнивание – по ширине;

– **не допускается ручное** форматирование текста (абзацные отступы, переносы, выравнивание текста и др.);

– расстановка переносов устанавливается **автоматическая**, переносы в словах из прописных букв **запретить**;

– страницы **не нумеруются**;

– таблицы, рисунки и формулы **не должны выходить** за текстовое поле (необходимо выдерживать размеры полей по всей странице).

3) Рисунки должны быть введены в текст и подписаны; графики и диаграммы оформляются аналогично. Подрисуночные подписи выполняются в основном тексте. Формулы вводятся с помощью редактора формул в одном окне для каждой отдельной формулы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ оформляется в соответствии с действующим ГОСТом 7.1-2003 или ГОСТом 7.05-2008. Рекомендуем все же при оформлении источников не забывать указывать название издательства и полный объем источника (количество страниц в книге, статье и т. п.). Источники располагать в порядке их упоминания в тексте статьи. Список печатается через один интервал 12 кеглем.

ССЫЛКИ (сноски) оформляются **по тексту в квадратных скобках**, где указывается порядковый номер источника в списке и страница (том, опись, фонд, дело и др.), к которой автор желает направить читателя.

Примеры оформления статей можно найти на официальном сайте Иркутского государственного университета путей сообщения в разделе «Наука» – «Научные издания» – «Культура. Наука. Образование».

Редакция оставляет за собой право отбора и редактирования материалов для включения в очередной номер журнала. Электронные носители и рукописи авторам не возвращаются. По результатам обсуждения материалов редколлегией принимается решение: а) о публикации статьи, б) об отправке статьи на доработку в соответствии с замечаниями рецензента, в) об отказе в публикации статьи. Мотивированное заключение о необходимости доработки или об отказе в публикации направляется автору электронной почтой.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных (в том числе географических названий) и иных сведений энциклопедического характера, а также за точность данных списка источников и литературы.

Адрес для отправки материалов в журнал:

664674, Иркутск, ул. Чернышевского, 15,
Иркутский государственный университет путей сообщения, корп. Д,
каб. 621 (кафедра философии и социально-гуманитарных наук).
Телефон для справок: (тел. (3952) 638399+0147; 638310+0147).

Материалы можно направлять электронной почтой:

- e-mail: tretvv@yandex.ru Третьяков Валерий Валерьевич, зам. главного редактора, кафедра философии и социально-гуманитарных наук,
т. 8-902-578-71-29
- e-mail: natali.swatos@yandex.ru Никифорова Наталья Викторовна, ответственный секретарь журнала,
т. 8-964-547-77-92

КУЛЬТУРА НАУКА ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (48) 2018

Редактор *А. В. Каверзина*
Оригинал-макет и обложка: *Н. Е. Кильдишева*

Подписано к печати 18.09.2018. Дата выхода 1.10.2018.
Формат 70×100¹/₁₆. Офсетная печать. Усл.-печ. л. 14,0.
План 2018 г. Тираж 500 экз. Заказ №

Бесплатно

Учредитель: Иркутский государственный университет путей сообщения
Адрес издательства и редакции: 664674, Иркутск, ул. Чернышевского, д. 15 (ИрГУПС),
корп. Д, каб. 621, кафедра «Философия и социально-гуманитарные науки»
Тел.: (8-3952) 638-311 (01-47, 01-29)

Отпечатано в типографии ООО «Бланк», ИП «Зими́на С.В.»
Иркутск, ул. Рабочего Штаба, 9/1
